

Оксана Заугольная

Annotation

Отправив Василису за огнем к навъему царю Кощею в самую темную чащу, сестры и мачеха надеялись никогда не увидеть ее. Казалось бы, план удался: Василиса так и не вернулась утром. И никто даже подумать не мог, что то самое зло, которое скрывается в лесу, протянет руку помощи. Самая темная чаща таит в себе много загадок, и встретить там можно не только пугающие кошмары, но и свою судьбу.

- [Оксана Заугольная](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
-

Оксана Заугольная

Сердце самой темной чащи

© Заугольная О., текст, 2024

© ООО «Феникс», оформление, 2024

© В книге использованы иллюстрации по лицензии
Shutterstock.com

* * *

*Посвящается Юлии Стрелкиной,
другу и музе*

Глава 1

Порыв ветра хлестко ударил по лицу, освежил мелкими, но частыми каплями, отчего не только платье, но и волосы разом сделались волглыми и тяжелыми. Хотелось вернуться в избу, сесть поближе к печи и почувствовать, как холодная, неуютная ткань прямо на теле становится теплой, как поднимается от нее едва заметный при свете лучинки пар.

Василиса вздохнула, поплотнее запахла на груди потяжелевший от воды мамин платок, прижимая под ним озябшей разом рукой куколку. В том-то и беда, что ни лучинки, ни огня в печи не осталось. Порыв ветра, распахнувший дверь, что не закрыла на засов вернувшаяся позже всех Власта, как по волшебству затушил не только тоненькую лучинку, но и очаг. Василиса, ожегшая пальцы, когда пыталась спасти хоть одну искорку, была грубо окликнута мачехой:

– Непутеха, дверь закрой! Вот же безрукая!

Василисе бы напомнить, что сама она, едва стемнело, была уже на лавке, дальше всех от еле светящей в сумерках лучины, и, не позволяя себе протереть уставшие глаза, пряла пряжу. Пальцы сводило от монотонной работы, вот и не поймала огонек, лишь зря обожглась. Но она промолчала и поскорее закрыла дверь да подперла ее бревнышком, чтобы тепло не вышло из темного дома.

– Вот совсем ты батюшку не ждешь, как я погляжу, – усмехнулась Власта. Она поспешно отложила кружева, за которые ее посадила мать, и завернулась поплотнее в стеганое одеяло. Рядом и Белолика бросила чулки, тихонечко хихикая. – Дверь вон как крепко запираешь.

Василиса больно прикусила губу, но промолчала. Только мамину куколку на ощупь отыскала и, также не глядя, пальцами по личику ее пробежалась. Успокоилась.

Ей бы и сказать, что батюшка в такую погоду с постоялого двора не уедет: товары не рискнет погубить. Его же Милица тогда мытьем да катаньем со свету сживет. Уж больно из избы она мечтает в хоромы перебраться, чтоб и терем светлый над горницей, и наличники резные.

Как она это батюшке представляла, уж на что Василиса свою мачеху знала, а и то заслушивалась! Милица дома-то косу чуть из-под

платка выпускала, чтобы локон черный по плечу вился и спускался, сама присаживалась рядом с батюшкой и ворковала сладко, дескать, у Василисы глазоньки портятся от работы в темной избе, а Власточка все руки смозолила чистить старые полы, а уж Белолика-то света белого не видит, прибирая печь да замазывая щели.

Батюшка гладил этот локон, что по рубашке вился, и кивал, будто сонный, со всем соглашаясь. Василиса помладше была, так пару раз не удерживалась, только руками всплескивала.

– Да как же так, батюшка? Это же я печь прибираю, я щели замазываю, я полы чищу!

Только задурманенный отец лишь кивал осоловело и Василису не слушал. А сестры сводные потом больно за косы таскали да смеялись. А Милица никогда мешочка с колотым горохом не жалела, чтоб сунуть Василисе перебирать, а потом и под голову на лавку подсунуть.

Так Василиса и перестала жаловаться, только лучше прятала куколку и платок – все, что от родной матери осталось. Вот и сейчас она покрепче прижала куколку к груди, а в приоткрытую дверь вместе с завыванием ветра донеслось Белоликино:

– Куколку оставь, а то вместе с ней сгинешь!

Засмеялась она или нет – Василиса и не слышала: уж больно громко закаркали вороны, вместе с ветром налетая на нее, едва не касаясь мокрой косы.

Куколка и впрямь была примечательной. Как и в любом доме, в их тоже было много куколок – соломенных, наряженных в пестрые тряпички, тряпичных со светлыми пустыми личиками, зерновушек и желанниц. У Власты была с самой длинной косой, зато Белоликина была одета в настоящие кружева. Но та, что досталась Василисе от матери, оказалась совершенно особенной.

Василиса и не видала ее в доме до самой матушкиной смерти. В тот день она проработала с теткой в поле, и тетка, родная сестра батюшки, поучала ее: «Вот будет матушка помирать, руки ей не давай, целовать себя тоже не позволяй. Обнимешь, когда глаза сомкнет, и не раньше. Слушай внимательно, глупая, не забудь!»

Жужжала как муха противная над ухом, так что Василиса и понять не могла: то ли голова кружится от зноя, то ли от тетких слов. Что матушка вот-вот умрет, Василиса уже знала. Все слезы уже излила, сил больше плакать не было, как и с теткой спорить. Да только

едва прибежал соседский мальчишка с вестью горестной, Василиса и думать забыла о наставлениях. Хотела заобнимать и зацеловать матушку, но та была слишком слаба. Лежала почти как неживая на лавке, укрытая пуховым одеялом – это посреди лета, – и руки ее подрагивали как от холода.

Вот тогда мама и протянула ей куколку.

– Не станет меня, Василисушка, за куколкой смотри как за сестричкой, – слабым голосом попросила мать. – Лакомый кусочек ей давай, а будет нужно, и совета спрашивай – куколка тебе обязательно поможет.

Василиса сама за куколкой руку потянула, да и кто бы устоял! Куколка была как живая девочка, только с ладошку величиной. Глазки с ресничками, волосы, убранные в аккуратную косу, щечки румяные, на ручках по пять пальчиков, на ножках не лапти даже, а сапожки. И платье ровно у царевны, стеклярусом убрано. Красивое – глаз не отвести!

И только Василиса ладонь протянула, как кукла словно сама к ней скакнула. Больно щипнуло ладонь, пробежала искорка, потемнело в доме, а на улице будто стих не только ветер, но и весь двор. Не слышно стало возвращающихся с пастбища коров, визгливых соседок, что уже готовились оплакать мать Василисы, домовый перестал шуршать за печью, не каркали вороны. Тишина.

Василиса даже подумала, что оглохла. Потрясла головой, но тут все и прошло. А когда она снова на матушку глянула, то тотчас поняла, что та ее навсегда оставила.

Горевала Василиса – горевал и батюшка ее. Василиса каждый вечер на куколку глядела и маму вспоминала, утром умывала подруженьку чистой водицей из колодца, какую для себя и отца набирала, в зной прикрывала от солнца и рядом оставляла самые нежные и сладкие кусочки со стола. А кто там ими лакомился: куколка, домовый или мышка – Василиса не любопытничала зазря.

А вот батюшка горевал до Покрова, а как снег первый лег, так и заслал сватов в соседнюю деревню.

– Будет мне супружница и в доме хозяйка, а тебе матушка и сестрицы, – пояснил он Василисе. – Уж не обидит сироту: у самой две дочери.

Василиса покорно кивнула. Ей и впрямь еще года два-три – и к самой женихи на двор приедут, а батюшка, что же, один останется?

Только вышло вон как. Власта и Белолика сами заневестились, но со двора не ушли, потому как характер у обеих был совсем не сладким. Власта еще бегала со двора помиловаться с соседскими парнями, что нрава ее еще не знали, а Белолика и вовсе носа за порог не совала. Ни за водой сходить, ни в поле.

Она и лицом, и волосом в мать пошла. Высокая, черноглазая, светлокожая, Белолика рядом с Василисой выглядела дурнушкой и всего в ней хорошего, что нетронутая кожа без поцелуев солнечных. Да только у русоволосой и зеленоглазой Василисы даже веснушки смотрелись так, что парни шеи сворачивали и все как один обещали сватов заслать.

Так было той зимой и по весне, а летом как отсохли все, или мачеха отсушила. Уж она точно могла: глаз ее черный был, дурной.

Василиса больше не роптала и свои догадки вслух не высказывала. Вот уйдут со двора мачехины дочери, чай, и для Василисы смелый жених найдется.

Наверное, и мачеха это понимала, раз совсем извести решила. Дождалась, когда батюшка надолго уедет, да и повод нашла.

Едва Василиса дверь подперла и в матушкин платок завернулась, чтобы в избе не замерзнуть, когда ветер ее выстудит, мачеха снова голос подала:

– Василиса, доченька, – ласково так, словно с батюшкой разговаривает. Василиса сразу поняла, что не к добру это, но послушно откликнулась:

– Да, ма... матушка.

Язык едва ворочался такое говорить, но что поделаешь? Мачеха требовала звать ее именно так и улыбаться, когда батюшка дома, а Власту и Белолику сестрицами величать. А что сестрицы и еды толком не оставят, пока Василиса в поле или за коровой убирает, так это и вовсе упоминать не велено.

И давно уже Василиса должна была с лица спасть, подурнеть и похудеть, а волос в косе стать от постоянных дерганий тусклым и тонким, да только ничего такого не случилось. Самый старенький сарафан на ней ладно смотрелся, щеки румянцем алели от работы на воздухе да от недолгого сна дальше всех от печи, в самой зябкой части

избы. И как бы мало ни ела, а все одно: хоть ложку каши, но перед куколкой ставила и просыпалась совсем сытой, будто куколка возвращала ей сторицей.

И сколько раз Василиса раздумывала, попросить ли ей совета у куколки, может, узнать хоть, как ей удастся от жадных Власты и Белолики скрываться, раз они до сих пор такую диковинку к рукам не прибрали, но все не решалась. Только перед сном шепотом на судьбу свою жаловалась, тихо-тихо, чтобы мачеха и сестры не прослышали. Куколка поблескивала своими стеклянными глазками и молчала, но словно слушала, и Василисе на душе становилось легче.

Снова рассмеялись Белолика и Власта, когда Василиса назвала их мать матушкой, словно знали что-то. А может, и знали. Василисе то неведомо.

– Непогода разыгралась, Василисушка, – мягко продолжила мачеха. – Без огня вымерзнем. Надо принести огня, да хорошего, чтобы до зимы грел. Такой только у Кощея имеется. Навьим огнем зовется.

Уж на что Василиса кроткой была и послушной, а не удержалась – ахнула.

– За что ты так со мной, матушка? – чуть не плача спросила она. – Разве не лучше до кузнеца сбегать? У него завсегда огонь есть, в любую непогоду не тухнет!

– Чтоб потом кузнец сватов на наш двор заслал? – взвизгнула Власта. – Не слушай ее, матушка! Василисе лишь бы со двора сбечь да парню какому голову вскружить!

Онемела Василиса от такого обвинения. Так и не нашлась, что ответить. Только куколку свою нащупала, пока сестрицы снова дверь отворяли. Ох и до того споро они это сделали, что Василиса снова заподозрила сговор.

– Огонь хороший только у Кощея взять можно, – напутствовала мачеха. – Такой, чтобы дом не пожег, зимой не затух, летом не дымил. У вас тут обычный был, вот легкий ветерок и выдул его сразу из печи, ни лучинки не осталось с искрой. Ты радоваться должна, что я эту тайну тебе открываю. Будет свой двор, и на него огня от Кощеева получишь.

Засмеялась Белолика, будто что-то смешное мачеха сказала, а Власта добавила ехидно:

– Радоваться должна, что не зима сейчас, а то до первого сугроба бы Кощеев огонь искала.

Хотела рассмеяться, да только ветер завыл в трубе до того жутко, что подавилась Власта смешком и отпрянула от открытой двери.

На мгновение двор озарило молнией, и снова стало темно. Василиса едва успела увидеть рвущиеся за ветром ветви деревьев, словно худые костлявые руки, да борющихся с непогодой воронов, которые ломали крылья, но пытались взлететь в серое вечернее небо.

– Ночь же на дворе, матушка! – взмолилась она. Но Белолика толкнула ее в грудь, отчего Василиса пусть и устояла на ногах, но оказалась прямо под ненастным плачущим небом и пронизывающим ветром.

– Без Кощеева огня не возвращайся! – крикнула мачеха, а Белолика добавила свое:

– Куколку оставь, а то с ней сгинешь!

Только не послушала ее Василиса, крепче прижала куколку к груди и побрела прочь со двора отцовского.

За воротами огляделась. Может, к тетке пойти и там ночь переждать, а с утра принести огня? Неужто отличит мачеха, что огонь не Кощеев, а из соседской печи?

Перед глазами встал батюшка, покачал головой недовольно. Разве не обещала Василиса во всем слушаться мачеху в его отсутствие, не обещала быть хорошей сестрой Власте и Белолике? А Марфа, что же, разве не расскажет мачехе, что заходила племянница и огня попросила? Холодна была Марфа, словно Василиса не брата родного дочь, а нищенка какая бродячая. Да и не поверит ей мачеха, что она до Кощея дошла. Начнет расспрашивать, каков его дом, потчевали ли ее чем-то как гостью или собаки злые со двора погнали.

Поежилась Василиса то ли от холода, то ли от мыслей о том, каков дом Кощея и кто его охраняет. Небось волки голодные с зубами острыми заместо собак, рыси и росوماхи заместо котов. И ее как гостью если сразу не убьют, то человечиной попотчуют!

Да только проситься на ночлег к соседям тоже нельзя было. Черным глазом дурным вычислит мачеха добряка, сгорит у коровы его молоко, приболеют дети.

Снова вздрогнула Василиса, но в руке тепло шевельнулась куколка, и решила девушка идти в лес. Коли не найдет Кощея, так

тому и быть. Поплутает и выберется к родной деревне, а там и батюшка с товарами вернется. Сам достанет огня у кузнеца. А повезет Василисе, так дожди зарядят, отец до первого снега никуда не поедет, а уж на Покров она со двора уйдет, хоть за хромого Ждана, хоть за кривого Некраса.

Ей бы сейчас только ночь перетерпеть да день переблуждать. А выйдет ежели к Кощею, значит, судьба такая. Ну не съест же он ее в самом деле!

Василиса поежилась и сильнее стиснула в руке куколку да голову в плечи вжала. Про Кощея много разных слухов ходило. И был он царем всего мертвого и Нави, или же только тех умертвий, что выползали в самые сильные морозы к деревням. И был он страшен как война и мор или просто стар как сама смерть. Мнения тут были разными, и долгими зимними вечерами за сказками да историями деревенские спорили об этом, так и не приходя к одному мнению. Потому как мало кто видел Кощея и живым ушел. Но в одном все сходились точно – Кощей был бессмертен и богат так, как и царю их не снилось, не то что купцам. А еще жесток. И о его жестокости не слагали легенды лишь потому, что и певцы легенд боялись за свою шкуру не меньше, чем прочие.

– Да разве ж найду я в лесу двор Кощея? – бормотала Василиса себе под нос, пользуясь тем, что из-за воющего ветра сама себя не слышала. – Я столько раз по ягоды и грибы ходила, никакого двора Кощея не видела. Выдумки это все. Зачем ему тут дом ставить, когда он Нави хозяин?! В Нави пусть и строится, а в нашей чаще и буреломе его комары заедят да любопытные девки замучают.

Смешно Василиса себе под нос бормотала, а самой не до смеха было. Ветер то в спину толкал, то под платье забирался. Сучья, словно пальцы, норовили ухватить за платок или за косу, дождь поливал сверху, под босыми ногами хлюпала грязь и цеплялись корни, вылезавшие из закисшей земли прямо поперек тропки.

Василиса уж и пожалела, что не натянула лапти. Но ее вытолкнули из дома внезапно, а до непогоды днем было тепло, и обувь ей не требовалась. Сейчас же она завидовала своей куколке, что держала у сердца под платком. Куколка была обута, ее платье было почти сухим и чистым. Сама же Василиса уже сомневалась, что

Кощей, если он вообще ей встретится, пустит такую замарашку на порог.

Сейчас озябшая Василиса мечтала лишь об одном – встретить хоть какое-нибудь жилье, в котором будет огонь и в которое ее пустят обогреться и обсушиться. Она согласна была даже на избушку ведьмы или Бабы-яги, но любое строение, которое мелькало среди деревьев и казалось ей такой избушкой, оказывалось лишь старой моровой избой. И пусть после блужданий в темноте и под дождем и ветром Василиса уже согласна была свернуться калачиком даже рядом с мертвецом в моровой избе, но огня там сроду не водилось, и она могла после такой ночевки разве что радоваться, что хоронить ее батюшке не придется. И это если мертвецы чему-то еще рады бывают!

Так что она упрямо шла вперед, хотя и бурелома, и моровых изб становилось только больше, а ветер усиливался и, кроме холодных капель дождя, бросал в лицо Василисе всякий сор, мелкие ветви и листья.

И только она подумала спрятаться под еловыми ветвями и переждать непогоду, как впереди послышался топот. Василиса замерла.

Может, послышалось ей сквозь вой ветра? Но нет, не послышалось. Василиса спешно шагнула в сторону с тропы, понимая, что всадник, кем бы он ни оказался, тут, в самой чаще леса, вряд ли остановит коня, чтобы не затоптать ее.

Глава 2

Со страху Василиса сначала вообразила дикого зверя с лошадиными копытами и по-кошачьи горящими глазами. То ли полкана, верх которого должен был быть человеческим, как говаривали старики, а низ лошадиным, то ли настоящего черта!

Но уже через несколько мгновений всадник оказался совсем близко, и Василиса облегченно выдохнула, чтобы вновь перестать дышать от страха. Всадник в богатом белом плаще, который не трепало ветром и не мочило дождем, да на белом коне повернул чуть голову, и в предрассветных сумерках Василиса явственно разглядела гладкий блестящий череп, острые костяшки скул и треугольный провал носа. В отличие от этого темного треугольника, впадины глазниц изнутри горели огнем, их и видела Василиса издалека.

Василисе показалось, что руки ее холодны не от непогоды, которая уже стихла, а от близости смерти. Она почти не дышала и сердце – стучало ли оно или это грохотали копыта белого коня?..

Ей казалось, что целую вечность она смотрит на всадника, а он смотрит на нее и взгляд этих бездушных огоньков проникает в самое сердце, холодным потом спускается по позвоночнику, заставляет мельчайшие волоски на теле встать дыбом. Если бы Василиса не сжимала в руке куколку, то наверняка замертво бы упала на землю и не поднялась бы снова. Но словно что-то кольнуло ее в руку, она моргнула и поняла, что прошла лишь пара мгновений. И всадник вовсе не глядел на нее, просто проскакал мимо, безмолвный и бесстрастный.

А Василиса задрала голову и убедилась, что ей не показалось, – небо уже начало светлеть. Серые сумерки постепенно отступали, а ведь она даже не заметила, как отступила ночная тьма! Все из-за ветра и холода, да и дождь еще – куда тут в небо глядеть, тут бы живой остаться!

Василиса приободрилась.

– Сейчас солнце выглянет, высушит, а там можно и домой пойти, авось батюшка уже вернулся, – пробормотала Василиса и снова вздрогнула. Теперь, когда ветер не выл, не скрипели деревья, ее голос показался ей самой слишком громким в притихшем лесу.

Она вернулась на тропку, пробуя босыми ногами подсыхающую землю, чтобы не запачкать подол платья сильнее, чем уже было, и мысленно сетуя на бледного коня. Своими копытами тот совсем разбил тропу, превратив ее в жирную грязевую канаву. И тут Василиса снова услышала топот.

Она поспешно спрыгнула в траву, спряталась за кустами и замерла, не в силах даже почесать ногу, хотя отчетливо чувствовала босой ступней, что приземлилась на муравейник и маленькие злые муравьи уже всю по ползли по ее ноге, примеряясь, где кожа нежнее, чтобы вцепиться крошечными челюстями.

И снова у всадника вместо головы был череп, гладкий и алый, словно только что пущенная кровь, он поблескивал в лучах преследовавшего его алого солнца. Алый плащ небрежно висел на его плечах, спускаясь на круп алого коня. Даже грива коня горела огнем так, что Василиса прикрыла глаза, словно боясь ослепнуть.

Промчался мимо всадник, будто и не видел Василису. И следом за ним встало солнце. Согрело землю, подсушило платье и косу Василисы, да только идти легче не стало. Заблудилась Василиса в чаще, куда не повернет – места незнакомые, деревья старые, с корявыми стволами, темными еловыми лапами, а куда ногу не поставишь – сладко чавкает сытый влажный мох, трещат мокрые мертвые ветви бурелома.

Тяжело стало идти Василисе, хотела она вернуться на тропу, по которой всадники скакали, да разве найдешь ее в такой темноте! Лес до того густой сделался, что даже кроны стыдливостью перестали отличаться, переплелись плотно, спрятав от Василисы солнце. Дышалось в лесу тяжело, воздух был теплым и тяжелым, ровно пуховое одеяло, но Василиса упрямо шла вперед. Перелезала через подмокший валежник, обходила трясину, перепрыгивала через быстрые ручьи, что шептали что-то под ногами.

За весь день раз только присела, напилась досыта да руками застирала подол платья – пусть мокрый, зато не грязный. И ягод знакомых горсть в рот кинула – вот и вся еда за день! Достала из-за пазухи куколку, полюбовалась ее искусно вылепленным личиком, заглянула в голубые стеклянные глаза да вздохнула. Время ли совета у куколки спросить? Матушка обещала, что кукла поможет, из беды выручит. Да только разве ж это беда? Так, всего лишь очень устала

ходить; ноги, искусанные комарами и муравьями, в грязи и холодной воде застуженные, ноют; растрепавшаяся коса в глаза лезет; да живот от голода сводит. Ну так не впервой, не беда это, а так, невзгода.

Последнюю малинку, самую спелую и красивую, Василиса по губам куколки размазала. Некогда ей ждать, когда та сама полакомится. Размазала и пожалела сразу: ротик куколки похож стал на пасть упыря, что крови человеческой вдоволь напился.

Василиса головой завертела, ища, чем бы куколку вытереть, чтобы к ручью не возвращаться, а потом глядь – и не нужно ничего вытирать. Снова чистенькое личико у куклы, аккуратный ротик разве что самую капельку краснее стал.

Снова прижала Василиса куколку к сердцу и дальше пошла, не сидеть же на кочке весь день до вечера, а ну снова непогода в лесу застанет! Уж не к своей, так к чужой деревне она точно выйти должна. К тому же и моровые избы давно закончились. Лес был вокруг один, густой и мрачный.

Василиса даже под нос не бормотала больше: так страшно было собственный голос услышать в этой тишине. Не пели тут птицы, даже ворон не было слышно. Не цокали белки, не ворочались в глубине кустов кабаны. Василиса уже подумала, что даже услышать волка и то сейчас было бы лучше этой тишины, но больно прикусила язык, будто вслух глупость сморозила. Только волков ей сейчас и не хватало!

Хотелось выйти уже к людям или хотя бы найти охотничью избушку. Куда угодно, лишь бы не бродить по лесу без толку до стертых в кровь ног. Старые мертвые деревья цеплялись за косу и подол, царапали лицо и шею. Воздух душил мошкаррой, даже солнце, почти не проглядывающее через плотно сплетенные кроны, жарило, а не грело.

Пару раз она падала на землю и лежала ничком, вдыхая густой муравьин запах и мечтая так и умереть, но потом вставала и ковыляла дальше, не выпуская из руки куколку, словно та ей придавала сил. Долго ли, коротко ли, да только совсем вымоталась Василиса и уже подумывала найти место для ночлега среди бурелома, как снова слышала топот.

Кольнуло вновь ладонь, придавая храбрости, и Василиса побежала, да так быстро, словно и не знала усталости. И бежала она не прочь от звука, а за ним! Ветви хлестали по ногам и лицу, осока резала

босые ступни, камни кололи, мох и ручьи мочили только что высохшее платье, но Василиса не обращала на это внимания, лишь крепче сжимала куколку и бежала вперед.

Вот и тропа наконец показалась, а по ней скакал всадник. Конь под всадником в этот раз был вороной, да до того огромный, что одно копыто с тарелку. Сам всадник был облачен в черный плащ, и даже череп над плечами казался темнее, чем у его братьев. Следом за всадником, замедлившим ход, Василиса птицей вылетела на открытое пространство и ахнула. Пусть уже снова сгустились сумерки, но они не помешали ей разглядеть частокол, а за ним и хоромы.

Все как мачехе мечталось: и горница над клетью и сенями, и светелки, и терем с башенками до того искусно вырезанными, что глаз не отвести. Да только не из дерева были эти хоромы – даже из-за частокола Василиса видела, что сложено это все из костей. Да и сам частокол был не горшками увешан, а черепами, и на каждом коле по черепу держалось.

Хотела Василиса обратно в лес сбежать, да ноги словно все силы потеряли, а в голове мыслишка птичкой мелкой билась: «Разве не об этом ты мечтала – к людям выйти? Так мечтать надо было со старанием. А то вот огонь, вот и люди. А что люди мертвые – так ты и не просила живых».

И до того от этой мысли Василисе смешно сделалось, что она и бежать раздумала. Раз уж добралась до хором Кощея, пусть ей старик бессмертный хоть горсть угольков горячих даст да направление к деревне укажет. А она ему до земли поклонится, не переломится!

Тем временем черный всадник подъехал к воротам и пропал, словно растворился. Боязно Василисе было ближе подходить, а вдруг тоже пропадет? Но любопытство разъедало душу. Как так – вместе с конем, не спешившись, да прямо минуя ворота во двор прошел? Ворота вон какие, тоже костяные, сами из ног человеческих сделаны, в наперекрест руки костяные их держат, и пальцами рук и ног на воротах узор словно выложен. Жутко, но взгляд отвести никак не получалось.

Шаг, еще один... еще шажочек. И вот Василиса уже так близко, что могла разглядеть замок на воротах, из челюстей собранный. Протянула она руку – не потрогать, нет, просто, а челюсти клацнули так жадно, что Василиса отпрянула.

– Зато собак во дворе нет, похоже, – пробормотала Василиса, сиюсь разглядеть, что там, за воротами. Как ей хозяину о себе знак подать?

Кричать: «Выходи, Кощей»? Так она чай не царевый сын, чтобы звать Кощея силами помериться. Вот этим вечно нейдет: то Кощея победить, то Горынычу головы срубить. И невдомек будто, что Кощей все одно бессмертный, а Горыныч за каждую срубленную голову потом, как новая отрастет, дань с ближайшей деревни девкой возмет.

Просто кричать? Тоже плохо. Подумает хозяин, что умалишенная, – вообще ворот не откроет. У частокола не нашлось палки, чтобы ударить по воротам, а у самой Василисы с собой не было ничего, кроме куколки. Пока Василиса думала, совсем стемнело, даже месяц с неба пропал, и тотчас у всех черепов на частоколе загорелись глаза. Светло стало как днем, никуда больше не спрячешься.

Василиса сильнее прижала куколку к груди, не чувствуя даже, как ногтями оставляет глубокие лунки на собственных ладонях, сердце ее билось быстро, точно заячье, того гляди выскочит и помчится прочь! И оттого, что глядела она во все глаза, а они уже привыкли к свету, увидела чудо расчудесное.

Вырвался из леса черный вихрь. Сухие листья и ветки за собой вихрь волочет, а выше пары пядей от земли и не поднимает. Вроде ветер балуется, а что в сердцевине этого вихря – и не разглядеть. И неся этот вихрь прямо к воротам. Василиса едва отпрянуть успела, чтобы ее вихрем не снесло.

У ворот же остановился вихрь и обернулся конем вороным со всадником на спине. Но и всадник был иной, и конь. Такого коня ни разу Василиса живьем не видела. У кого в деревнях или в городе ближайшем были кони, все они отличались приземистостью, широкой грудью, могучей шеей и ногами. Этот же был как со старой лубочной картинки, что хранила Василиса с детства, пока ее не отобрала и не сожгла Белолика. Просто ради смеха сожгла. Уже год минул с тех пор, а картинку Василиса тотчас вспомнила.

Такая же лебединая шея была у коня, стройные ноги, огненный взгляд и густая грива. А на коне и всадник был под стать. Высокий, с длинным темным волосом, блестящим, словно воронье крыло, с гладким безусым и совсем юным лицом, которое портила только пара

шрамов, тонкой паутиной спускающихся от висков, всадник был закован в черные доспехи, черные перчатки держали черный меч.

Залюбовалась Василиса. Застеснялась своего застиранного платья. Это если гости у Кощея такие, то как тогда он сам одевается?

– Эй! – чуть оробев, окликнула Василиса красавца. В их деревне самые красивые парни самыми гадкими оказывались. От любой девицы нос воротили, все в город ездили судьбу искать. А как пакость какую учинить – так всегда первыми были. А этот Кощеев гость был так хорош, что даже Драговит рядом с ним смотрелся бы не лучше поросенка. Но как еще к Кощею попасть – Василиса не знала. Руку кольнуло, и она запоздало вспомнила про вежливость. Поклонилась поспешно в пояс и добавила: – Добрый... Доброй ночи, добрый молодец.

И сама на себя рассердилась. Вот уж сказала! Будто язык не той стороной во рту пришили!

Красавец не рассмеялся, даже чуть нахмурился. Свел брови, глянул на нее прямо, и Василиса обомлела. Один глаз его был голубой, а вот другой зеленый, да не как у самой Василисы, а будто кошачий!

– Давно меня добрым молодцом не величали, – медленно произнес он, и сердце Василисы снова понеслось вскачь. Голос красавца был бархатный, словно мамины волосы, словно кошачья шерстка, словно лапа домового. – Ну здравствуй, коли не шутишь, красавица. Зачем так далеко в лес забрела? Заблудилась?

Василиса нахмурилась. С такими красавцами надо держать ухо востро – это ее мама первым-наперво научила.

– Я к Кощею пришла, – буркнула она, потом вспомнила мамины сказки, спохватилась и снова в пояс поклонилась. С нее не убудет, а вдруг красавец этот, волкодлак, превратится и перекусит ее пополам. За грубость. – Меня к нему мачеха прислала. Как пройти – знаешь?

Усмехнулся красавец как-то нехотя, лишь одним уголком губ дернул, а сердце Василисы заныло так, будто он ей целый ворох жарких слов в самое ушко нашептать успел. Пуще прежнего Василиса разозлилась и на себя, и на красавца. Но что теперь делать? В лес сбежать, чтобы назло ему к Кощею не попасть и огня не попросить? Так он и не вспомнит даже, что была здесь такая. Нет уж, пришла к Кощею – с Кощеем и говорить надобно.

– Знаю, – тем временем ответил красавец. – Только безымянным за воротами делать нечего. Как тебя звать, красавица?

– Василиса, – буркнула та, а ответно имя потребовать снова оробела. К тому же красавец уже спешился, птицей слетев с коня, а потом хлопнул вороного по крупу, и тот вдруг рассыпался косточками. Сверху прочих череп лошадиный лег.

Василиса даже испугаться забыла. Только и метались мысли: это конь был мертвым и живым прикидывался или он был живым и за раз мертвым сделался?

– А обратно? – против воли выскочило из ее рта.

Снова дернул уголком рта красавец, а вместе с ним дернулось и сердце Василисы. Щелкнул он пальцами в тяжелых перчатках, и конь снова живой-живехонек рядом с ним стоит, шею лебединую гнет, ноздрями воздух втягивает.

«Такого бы батюшке, он бы...» – подумала Василиса и мыслей своих устыдилась. Потому как батюшка все, что сумел бы с таким конем колдовским сделать, – это продать задорого. И отстроить хоромы. Деревянные, простые. И поселить там мачеху с ее мерзкими дочерьми. А потом не заметить даже, что своя родная дочь все так же в клетки живет и до терема поднимается только прибраться. Нет, не нужен ее батюшке такой конь.

– Что скажешь, красна девица? – снова красавец шлепнул своего послушного зверя по крупу, и тот вновь рассыпался костями. – О чем думаешь?

– Думаю, что на дворе Кощея собаки могут быть, раз ты коня тут за воротами оставляешь, – не задумываясь ответила Василиса. – Растащат такое чудо по косточке, потом далеко не уедешь. Еще думаю, водятся ли тут волки? Эти тоже могут утянуть пару мослов.

Вот теперь всадник улыбнулся почти по-настоящему – оба уголка губ приподнялись, и только глаза холодными остались, точно ручей студеный.

– Не жадная ты, Василиса, – медленно произнес он. – Себе коня не пожелала. Редкое качество для такой красной девицы.

– Я обычная, – отмахнулась от похвалы Василиса, пристально следя за тем, как уверенно пальцы красавца пробегают по узору на воротах. Третий мизинец, пятый безымянный, обратно, два раза по указательному и снова мизинец. – Просто в доме моего нет ничего

после матушкиной смерти, а что было — все со мной. Нечего мне хотеть, некуда сокровища нести, не таю я опасности для Кощея и его сокровищ.

Не успел ничего ответить ее вынужденный спутник, как отворились ворота, без скрипа, словно смазанные маслом.

— Проходи, Василиса, чувствуй себя как дома, — пригласил ее красавец.

Шагнула Василиса во двор и только хотела спросить, кто он таков, что так по-хозяйски двором и хоромами распоряжается, как прямо над ее головой каркнул огромный черный ворон.

Оглянулась Василиса как раз вовремя, чтобы увидеть, как сами собой закрываются ворота — крепко сжимаются костяные пальцы, ни щелочки не остается — и как ворон прямо в руки ее спутника бросает что-то острое, словно венок из длинных черных кинжалов.

А когда тот прижал пальцы с боков этого венка и поднял над головой, водружая его на место, Василиса все поняла. Не кинжалы были это, а зубцы царской короны. Каждый зубец — знак народа, которым царь правит. А корона черная, потому как царствует он в Нави. И Василиса своими ногами в Навь шагнула. Нет теперь ей обратно дороги, если только царь не отпустит.

Глава 3

– Кощей, – прошептала Василиса, глядя прямо в разноцветные глаза навьего царя. Бухнуться бы на колени, поклониться бы до земли, да ноги не держат и спина не гнется! Язык словно все прочие слова забыл, проклятый, только сил и достало прошептать:

– Кощей...

Поморщился навий царь, по короне своей длинным черным ногтем щелкнул.

– Кощей, – согласился он. – Я бы не снимал корону и не вводил в заблуждение девиц всяких, да только вихрем в короне бывает неудобно перемещаться, а просто на коне – долго. Мое царство огромное, все земли умертвий и неживых и за полгода не объедешь.

Выдохнула наконец Василиса и снова вдохнула. Сердце ровно биться начало. Обидно стало, что девицей всякой ее царь назвал. Только-только красавицей величал и, надо же, как быстро повернулся! Но промолчала Василиса. Чай она тут не за расположением царским да словами ласковыми. Вспомнила, как тут оказалась, и ноги свои сбитые пожалела, руки и щеки исцарапанные.

– Прости, что не признала, навий царь, – снова поклонилась до земли Василиса. От нее поклонов не убудет, а Кощею – почтение. Она нет-нет, да глянет на него из-под ресниц. Не стар и не страшен. Чего тогда люди напраслину возводили? Вот и поди разбери! – А послала меня к тебе мачеха Милица, просила дать огня от твоего очага, чтобы дом грел, уют создавал, а двор не сжег и домочадцев до угару не довел.

Снова дрогнул губами Кощей, словно улыбнуться попытался, но в то же мгновение брови свел, точно ласточкин хвост, хмуро, и тучи над его головой потяжелели, того гляди дождем прольются. С глухим карканьем на плечо опустился ворон. Хищно блеснул темными вишнями глаз, махнул крыльями и замер будто изваяние.

– Я и не против пламени язычок дать и угольков не пожалею, – заговорил Кощей и машинально погладил ворона по голове и нагостнице клюва. – Да только без службы не приживется огонек – потухнет. Готова ли ты мне три службы сослужить, чтобы домой с огнем вернуться?

Василиса чудом не выпалила, что даже шансу одному уже рада. Вместо этого поклонилась снова до земли и ответила кротко:

– Согласна, Кощей, давай свои службы.

– Ишь какая торопыга, – усмехнулся навий царь. – По одному заданию давать буду. И разве ты не знаешь, что утро вечера мудренее?

Кивнула Василиса. И впрямь на поляне глаза черепов светили так, что было светло как днем. А на самом деле была ночь непроглядная. Да и не спала она с прошлой ночи толком. И не ела тоже!

– Утром первую службу дам. – Похоже, Кощей остался доволен ее кротостью: хоть хмуриться перестал. – Подойди ко мне, Василиса.

Все еще робея, Василиса подошла ближе. И сам навий царь ее пугал, а тут еще ворон сидит на его плече и так смотрит, того и гляди клювом тюкнет! А это не петух соседский – этот голову пробьет не глядя!

Кощей ухватил ее пальцами за подбородок и подтянул повыше, в глаза своими разноцветными гляделками посмотрел, словно в душу проникая.

Василиса дыхание задержала: уж больно близко Бессмертный царь к ее лицу был, ну как изо рта его трупным ядом несет или падалью? А Кощей как издевался будто: наклонился над ее лицом и вглядывался так, словно что-то рассмотреть силился. Не выдержала Василиса, снова полной грудью вдохнула, отчего взгляд Кощея на мгновение скользнул по ее старенькому и оттого уже в груди тесному платью и снова в глаза посмотрел. Синий глаз его словно выцвел до бледно-голубого, а зеленый вспыхнул будто кошачий в темноте.

– Как интересно, Василиса, – почти мурлыкнул своим бархатным голосом Кощей, и от неожиданности у Василисы чуть не отнялись ноги. Она бы и упала, не придержи Кощей ее свободной рукой. – Ты... очень любопытная девушка. Что же, тем лучше. Будь моей гостьей.

И он отвел обе руки и даже шаг назад сделал.

– В сундуках в клетке много разной одежды, найди себе по размеру, чтобы не ходить в пыльном да грязном, – потребовал он. – Место для сна выбери тоже себе по вкусу, я ночью в башне, до утра не выйду. Захочешь поесть – сама приготовь.

Василиса со страхом оглянулась на костяные хоромы. Это в них ей предстоит спать, не на сеновале или в овине? А где набрать воды, из чего приготовить еду?

Она коснулась подбородка, где до сих пор чувствовались цепкие пальцы с острыми ногтями, царапавшими нежную кожу. Снова спросить у Кощея? Нет, слишком злоупотреблять его гостеприимством не хотелось. Да и он уже ушел в хоромы. А погонится ежели за ним Василиса, не подумает ли он лишнего? Как прикажет в его опочивальне лечь, что тогда делать, без огня домой возвращаться?

За этими мыслями Василиса не заметила, как в дом вошла. Голову пригнула, хоть дверной проем и не на нее был рассчитан, а на более высокого Кощея, но все же поклонилась. Внутри дом был куда меньше, не приглядишься – так вроде как деревянный. За обычный все равно не сойдет, но если выше горницы не подниматься, то и хорошо будет. Только где хозяин хранит съестное? Ладно сама Василиса – она и потерпеть могла, но куколке с прошлой ночи лишь одна ягодка досталась.

Словно поняв, что о ней речь, шевельнулась куколка в руке, да так неожиданно, что Василиса, всю дорогу ее к сердцу прижимавшая да за пазухой гревшая, ойкнула и выронила.

Упала куколка прямо на стол и лежит не шевелится – куколка и есть! А Василиса подошла поближе и видит, что стол как новенький, а вот скатерть смятая и как попало в рулон свернута. Расстелила Василиса скатерть, разровняла ладонями, разогнала морщинки самые крошечные, села рядом на лавку и вздохнула:

– За таким столом да хоть бы хлеба кусок и каши чугунок.

Глядь! Появились прямо перед ней чугунок каши, небольшой совсем, но ладный и тяжелый, от чугунка пар идет, а в каше кусок маслица тает, и хлеба краюшка рядом лежит. Черная, крупной солью поблескивает. Такой хлеб матушка пекла, пока не заболела.

Удивилась Василиса, но глазами хлопать некогда было. В животе заурчало, не будь она одна тут, стыда бы не обралась!

А так поклонилась только и за ложкой потянулась.

– Благодарствую, хозяин, благодарю и хозяйку, – произнесла она, рассудив, что вряд ли Кощей сам хлеб печет и кашу варит. Хоть и царапнуло от этой мысли в сердце что-то.

Что она возомнила, Василиса и сама не знала. А почему-то привиделось ей, будто службу она в хоромаш сослужит: приберет их чисто, вымоет с ключевой водой, отскребет с речным песочком,

наготовит снеди разной да накормит Кощея. Смилостивится тогда навий царь и даст ей огонек и дорогу домой укажет.

На деле же хоромы выглядели ухоженными, а хозяева и сами ее накормить сумели. Первую ложку с маслицем Василиса куколке отложила, а потом и сама за еду принялась. Хотя и голодная, а ела неторопливо, оттого и не подавилась, когда голос за спиной раздался, мягкий и басовитый, точно кота матерого мурчание.

– И тебе на добром слове спасибо, красна девица, только нет под этой крышей хозяйки.

Василиса чуть ложку расписную не выронила. Соскочила с лавки, давай головой мотать да озираться. И не видит никого! Даже ворона нет, только она, скатерка да куколка.

– Кто ты? Покажись! – попросила Василиса и торопливо добавила: – Коли страшен – не напугаюсь я, коли хорош собой – не засмущаюсь! Покажись!

Василиса даже язык прикусила до крови. Вот чего у нее про «хорош собой» вылетело? Не может про Кощея перестать думать? И очень зря! Он же бессмертный! Кто его знает, сколько лет он такой молодой и красивый! Может, это вообще морок: ягодки те были не малиной вовсе, вот ей и кажется всякое.

– Я бы показался, красна девица, но не обессудь, запрещено мне без спросу показываться. Зато и помешать тебе не смогу, если ты чего задумаешь!

Удивилась Василиса, даже язык, и без того прикушенный, кашей горячей обожгла.

– Это что же я задумать могу? – С пустым местом говорить было и жутко, и забавно. Чтобы не бояться, Василиса вообразила, что у Кощея тоже куколка есть и под лавкой прячется. Только Кощей ее вопросами расшевеливает, отдыхать не дает.

И до того смешно стало, как представила она Кощея с куколкой, что едва от улыбки удержалась.

– А что обычно девицы задумывают, стоит им к Кощею попасть? – растерялся голос. – Прочь бежать, да так, чтобы не догнал Кощей. Золото, камни самоцветные унести с собой или платья бархатные и сапожки сафьяновые. А некоторые и убить его мечтают.

Василиса даже есть перестала.

– Я сама сюда пришла, – рассудительно произнесла она. – Чего мне сбегать до поры? А хозяина обокрасть, что под крышу дома завел и хлеб-соль предложил... Ну и девицы у вас тут бывают, как я погляжу!

Голос молчал так долго, что Василиса решила, что он и вовсе ушел. Съела все до крошечки, ложку в чугунок положила да руками всплеснула.

– Убрать бы со стола, да не знаю куда. И водицы студеной бы напиться, – вздохнула она.

И тотчас исчез чугунок, а появился ковш. Вода в нем была чистая-чистая и студеная – зубы заломило. Но Василиса только обрадовалась. Напилась, куколку свою умыла да оглядела, ладно ли все у нее? А у куколки и кокошник сбился, и кончик косы растрепался!

Снова поклонилась она столу, и исчез ковш, а сама Василиса села кукольный наряд поправить да кончик косы переплести.

– Зачем ты скатерке кланяешься? Она самобранка, что ты скажешь, то и приготовит, – раздался тот же голос из-за спины. – А ты и разносолов никаких не попросила, и сбитней ягодных, и квасов хмельных.

В этот раз Василиса не вздрогнула, не обернулась, только плечами пожала.

– Мне доброго слова никому не жаль, – пояснила она. – А разносолы мне да квасы хмельные без надобности. Накормили, напоили – и спасибо.

Снова замолчал голос.

– И уйти не хочешь? – спросил, когда она уже куколке косу доплетала.

– Хочу, чего мне не хотеть, да только с огоньком и с разрешения хозяина. – Василиса расправила тоненькую ленту и ниже голову опустила, чтоб не увидел невидимый Кощеев слуга, как глаза ее блестят. Непривычна она лгать была, а солгала так, словно масло по сковородке горячей прокатилось.

Может, и сбежала бы она, Кощея увидав, да только чуяла проверку во всем этом, и вспомнилась матушка, которая всегда говорила: «Проверять твою кротость люди будут, не поверят с первого раза. А ты им и не мешай. Ты лучше других себя знаешь».

– Василиса, – голос теперь прямо за спиной раздался, даже затылок защекотало, словно глядел туда кто не отрываясь, – дозвожь твою косу переплести, как ты свою куколку обиходила. Устала ты уже, самой сил не достанет.

Хотела возмутиться Василиса, как же так, чтобы незнакомец какой ее волос касался, но после еды в сон клонить начало, и Василиса, снова куколку к себе прижав, кивнула. Дозволила.

Споро чужие ловкие пальцы косу ее расплели, от мусора, листочков и веточек избавили, гребнем сперва редким, потом частым от кончиков сначала, а потом и от темени прошлись. С каждым взмахом гребня сильнее слипались глаза Василисы, как она не силилась сидеть прямо, а клонилась к столу.

Пальцы уже за плетение принялись, а Василисе снилось, что ходит она по хоромам Кощеевым, да не одна, а с самим хозяином. И не боится его нисколько: ни глаз разноцветных, ни ногтей, на когти похожих, ни паутинки на висках. Да и Кощей во сне ведет себя иначе. Под руку ее берет, свои хоромы показывает. Каждую светелку, каждую башенку, терем светлый, клетки темные.

– А здесь царевны томятся, когда у меня гостят, – показывал Кощей светелку. – Наряды смотри какие, Василиса. Камнями убранные, золотом и серебром расшитые. Хочешь в светелке... потомиться? Как царевна жить будешь, с золота есть, в золоте купаться. А всего делов – в окошко смотреть да царевича поджидать.

Засмеялась Василиса. Во сне легко быть смелой!

– Не по чину мне томиться: со скуки умру, – ответила она Кощею. – А платья небось тяжелые, то-то царевны и томятся. Прости, Кощей, не по нраву мне.

И в другую светелку повел ее Кощей, крепче локоток сжимал, ниже к ушку наклонялся.

– А здесь у меня богатырки сил набирались, – зашептал он ей на ухо, так щекотно и боязно и в то же время приятно, так бы стояла и слушала, что он шепчет. – Каждая смерть мою искала, каждая на равных сразиться желала. Хочешь тут жить? На железе есть, в лучшие кольчуги рядиться?

Покачала головой Василиса. Страшно ей до того сделалось, что вцепилась она в руку Кощея да лицо на груди его спрятала. Во сне и не такое случается!

– Нет, Кощей, – помотала она головой, – не хочу. И меч я не подниму, да ты и дурного мне ничего не сделал, чтобы смерти твоей желать.

Приобнял Кощей ее за плечи – ох уж эти сны в костяных хоромаш! – да и повел дальше.

– А тут у меня колдуньи останавливаются. Приходят за своим, уходят с чужим. Платья на любой вкус выбирают, украшения волшебные носят, едят с чего хотят, ходят где вздумается. Хочешь тут жить?

Вздыхнула Василиса. Это же какой Кощей хозяин хлебосольный: всех он в дом пускает! Девушки как к себе домой к нему шастают, а все потому, что хозяйки в доме нет. Была бы хозяйка, хоть богатырка, хоть колдунья, хоть царевна, а ворота бы кому попало не отворялись!

– Я не колдунья, – призналась она со вздохом. – Вот мачеха моя точно ведьма. А я обычная. Мне бы платье простое чистое да постелить на лавке в клети. Мне и хватит.

Развернул ее к себе Кощей, обеими руками за запястья ухватил больно да к себе притянул. Прямо в глаза смотрит, не отрываясь, и Василиса сама как мышка замерла, пошевелиться боится.

– А глаза у тебя колдовские, Василиса, – наклонился Кощей так близко, что шептал прямо в губы, и вовсе от него никакой падалью не пахло! – Не мог я ошибиться. Сердцем чую.

«Сейчас поцелует!» – Василиса даже дышать перестала и зажмурилась поскорее. А когда снова распахнула глаза, то поняла, что лежит на лавке, недалеко от печи. И надето на ней платье точь-в-точь ее собственное, только чистое и поновее, да еще цвет другой. А так даже вышивки по вороту такие же – Василиса на ощупь определила. И куколка рядом у изголовья сидит. И нет никакого Кощея поблизости.

– Я, что же, за столом уснула? – пробормотала Василиса, снова закрывая глаза и поудобнее устраивая голову на руке. – Приснится же такое! И это еще я после каши, что после разносолов и квасов хмельных приснилось бы, даже подумать стыдно!

Не ответил ей незримый помощник, словно и не было его, и Василиса уснула и проспала без снов до самого рассвета.

А едва посветлело небо, как за воротами раздалось ржание. Вскочила Василиса, выглянула во двор и успела вовремя, чтобы

увидеть, как всадник белый на белом коне пересекает двор и исчезает в предрассветном тумане.

Утром двор выглядел словно иначе. Не пугали ни черепа на частоколе, ни лес мрачный за ним. Василиса и колодец нашла. Сама умылась, платье пригладила да воды в дом принесла. Уж пусть скатерть-самобранка что угодно приготовить могла, да только колодезная вода – особенная. Так за делами и не заметила, когда Кощей спустился, только и почувствовала на себе его взгляд, чуть ведро с водой не уронила.

Глава 4

– Василиса, рано встаешь да сразу за хлопоты, – голос Кощея был мягким, а вот лицо хмурым. И поди пойми, что ему не так. Разве что голодный спать лег или, наоборот, разносолов и квасу хмельного накушался, и сейчас голова болит. Василиса от такой беды почитала пуще прочего воду холодную, вот и кивнула на ведро.

– Налить испить воды колодезной? – со всем почтением спросила, а Кощей ну точно не с той ноги встал: скривился весь, даже паутинки-трещинки словно шире стали и ниже по щекам спустились.

– Отравить хочешь, Василиса? – полюбопытствовал только мрачно.

Василиса ведро поставила и руками всплеснула.

– Да зачем мне тебя травить, Кощей, ты же бессмертный! Хочешь, сама первая попою?

На скатерти-самобранке уже и ковш с резной ручкой появился, точно лебедушка из дерева вырезанная, глаз не отвести. Хотела Василиса зачерпнуть из ведра да сама выпить, но Кощей ее одним движением руки остановил.

– Поднеси, – не попросил – приказал словно! Снова Василиса потянулась к ковшу, но качнул головой Кощей, на ведро указал.

Василиса и спорить не стала. Откуда ей ведать, какие порядки у царей? Может, им, как обычному люду, ковши и не положены. Поднесла ведро полное. Кощей его взял легко, будто чарочку, и начал пить. Пил, пока досуха не осушил, и куда только поместилось?

– Хороша водица, – хрипло произнес он. – Я уж и забыл, как она хороша. Сразу сил прибавилось.

Василиса же только голову ниже опустила. Сил прибавилось! А ну как мысли будет видеть как на ладони! Узнает, что за сны ей снились, – так стыда не оберешься.

– Благодарю, Василиса, ловко просьбу мою выполнила. И сама приготовила, своими руками воду из колодца принесла, без скатерти-самобранки, и по сердцу мне это пришлось. – Вот теперь Василиса голову подняла да в глаза разноцветные взглянула. Неужто сейчас угольков ярких отвесит и домой отправит? И хочется Василисе скорее

наказ мачехи выполнить, и домой торопиться не следует. Ну как батюшка не приехал еще?

– А теперь за службу берись, Василиса, – словно подслушал ее мысли Кощей. – Первая твоя служба будет такой: найди в себе то, что сама о себе не знаешь. Вечером вернусь – спрошу.

– В себе? – повторила Василиса испуганно. Да как же так! Это только первое задание, а уже такое сложное!

Но Кощей уже надел тяжелые перчатки и во двор вышел. Василиса за ним выскочила. Ворота стояли распахнуты, кости лошадиные так и лежали, как их царь навий оставил.

– А... – начала было Василиса, но спросить ничего не успела. С карканьем вороньим поднялся оборвавшийся вопрос, и из чащи на поляну выбралась девушка. Василиса ее не знала, не иначе как из другой деревни прибилудилась.

Увидела та девушка Кощея и едва чувств не лишилась. Глаза выпучила, рот то откроет, то закроет, и не звука. То на него, то на черепа смотрит. А потом закричала, да так громко, что Василиса уши ладонями закрывала.

Девушка же от страха и вовсе на землю шлепнулась и отползти пыталась, а кричать и Кощея костерить все одно не переставала.

– Я умерла, умерла, умерла! – завывала она, когда до леса всего ничего оставалось. Уже убежала бы обратно в чащу, ее ведь никто не держал! Только Василиса хотела ее успокоить и в лес отправить тропку домой искать, как у Кощея терпение лопнуло.

Кончики губ его дрогнули и вниз пошли, совсем немного, но Василиса и того напугалась, а глаза засверкали. Белесо-голубой потемнел почти до иссиня-черного, а кошачий зеленый сверкнул яростью. Щелкнул Кощей пальцами, раз – и вместо воющей красавицы лягушка скользкая сидит, квакнуть боится.

Шагнул к ней Кощей, занес ногу раздавить, а Василиса его за пояс обхватила и назад потянула.

– Не дави, Кощей, оставь ее! – жалобно попросила.

Замер Кощей, так ногу и не поставил, пока лягушка прочь не усккала. А потом ладони в перчатках своих железных на ее руки положил, и Василиса вздрогнула, сообразив, что натворила. Царя навьего руками схватила и на полпути остановила! Не сносить ей головы и квакать вместе с той ревой на болоте! А то и расплющит

сапогом – и поминай как звали. Не дождется батюшка Василисы из темной чащи.

А Кощей к ней лицом развернулся и за руки схватил.

– Пожалела дурочку? – обманчиво мягко спросил Кощей, сжимая запястья точь-в-точь как во сне, только руки его сейчас в перчатках были и больно царапали кожу. – Забыла, кто я такой, Василиса?

– Помню, Кощей, как тут забыть? – дрожащим голосом произнесла Василиса. Хоть и страшно ей было и тоже хотелось упасть и расплакаться, но уж очень лягушкой квакать не хотелось. – Только я не ее пожалела. Чай не прошу за ней по болотам бегать и расколдовывать. А вот сапоги у тебя ладные, кожа мягкая, подметки ровные. Жаль их лягушачьей кровью пачкать.

Она наконец осмелилась посмотреть на лицо Кощей и увидела, что снова один уголок губ вверх пополз. Неужто не злится?

А Кощей опустил на одно колено да ногу ее за щиколотку ухватил и на себя потянул, на колено себе поставил. Щекам Василисы так жарко стало, что она их ладонями накрыла, чтоб остудить. Ладно она ноги у колодца помыла, а то совсем бы со стыда под землю провалилась.

– А ты босая ходишь, – снова его голос звучал мягко, словно не было только-только в нем колючей вьюги, холодного льда. – Почему, Василиса? В сундуках и сапожки сафьяновые, хоть овечьи, хоть козьи, цвета любого, с каблучком или без. Почему не надела?

Дернула Василиса на себя ногу, но Кощей держал пусть нежно, но крепко и только острием большого пальца перчатки стопу поглаживал.

– А куда мне сапожки такие? – вздохнула Василиса, оставив попытки вырваться. Словно сон ее странный продолжался, что за напасть! – В коровнике убирать или в поле ходить? Зимой и то в деревне лучше валенки, вот от них я бы не отказалась. Мои прохудились совсем, а батюшка слушает мачеху и думает, что мне не надо ничего. Снова если заболею, как в прошлую зиму, могу до весны не дожить.

Василиса глаза зажмурила и только вздрагивала от ласки непривычной. Ждала, что Кощей скажет.

– Странная ты, Василиса. – Отпустил ее ногу наконец Кощей и сам поднялся. – Лето еще к закату только клонится, а ты уже про зиму думаешь!

– Не странная, обычная. – Василиса поспешно ногу убрала и на шаг отступила, пока Кощей ее не держит! – Готовь сани летом, а телегу зимой, слышал, небось? Вот с валенками точно так же.

Удивился Кощей. Облизнул рассеянно тонкие бескровные губы, глаза его посветлели. Оба.

– Будут тебе валенки, Василиса, – наконец произнес он. – Выполнишь мои задания – и будут. А пока остаешься одна, не сожги мои хоромы, в остальном делай что хочешь, ходи, где любо будет. Только за ворота без меня идти не смей!

Кивнула Василиса и вернулась во двор. Оттуда смотрела, как щелкает Кощей пальцами и снова встает его конь вороной. Улетел Кощей вихрем черным, с карканьем последовал за ним огромный ворон. Без скрипа закрылись ворота – осталась Василиса одна.

– Эй, – позвала она тихо, – Безымянный! Ты тут?

Не ответил ей слуга Кощея. Уж она его и в хоромы кликала, в каждую светелку поднялась. Молчит.

Села тогда Василиса за стол, куколку рядом посадила, скатерть ладонями погладила.

– Подай, скатерушка, тех разносолов, что сестрицы мои и мачеха дома едали, а мне и объедочков не доставалось, – попросила она тихо.

И появились перед ней и дичь жареная с соусами ягодными, и грибы с травами, и яблоки в жидком темном сахаре, и крендели в меду.

От каждого самый лакомый кусочек Василиса перед куколкой клала да и о себе не забывала. Вкусно ей было. А к концу обеда, согревшись сбитнем медовым, вспомнила она про задание Кощея. А ведь совсем о нем запмятовала!

Хотела куколку попросить помочь, как мать перед смертью наказывала, но не решилась. Это ж не беда пока, так, напасть.

«Коли до вечера не пойму, что я в себе не знаю, то тогда и совета спрошу», – пообещала она сама себе и пошла дальше по хоромам гулять.

Даже до Кощейевой башни добралась. А добравшись, не удержалась и на краешек постели села. Перина у Кощея была пуховая, одеяло легче облака и теплее шубы куньей. Подушки узорчатые, с таким изящным шитьем, что Василиса залюбовалась.

Рассиживаться не стала и поспешила спуститься, подальше от башни. А там сундуков видимо-невидимо! Стала Василиса их

открывать и смотреть. Не соврал Кощей – чего там только не было. И парчовые платья, золотом расшитые, и шубки кроличьи, воротники лисьи, и кольца, бусы – глаза разбегались, что первым в руки брать, на что смотреть, что примерить!

Только все со вздохом Василиса обратно в сундуки сложила. Не соврала она Кощею: некуда ей такое носить, только разве что Милицу злить да смерть свою кликать. Не спустит ей мачеха, если она в такой шубке и сапожках вернется, со света сживет.

Чтобы себя не тревожить больше прежнего, снова Василиса на двор вышла. Обошла по кругу, каждого кола в частоколе коснулась. Широк двор Кощея, а ни коров, ни коз с овцами – ничего. Пусто на дворе, только и есть что конюшня, а кто в ней стоит, Василиса узнавать побоялась. Уж больно шумно зверь там дышал и ворчал, стоило ей приблизиться.

Уж снова в дом Василиса собралась, как вдруг вспыхнул глазами один череп и словно шепнул что-то. Подошла Василиса ближе, прислушалась.

– Сними с кола, девица, не побрезгуй, – прошептал череп. – Службу тебе сослужу, коли за ворота вынесешь.

Василиса вздохнула. Что за существа такие, все ее к побегу склоняют? Не убьет же ее Кощей, если она задание не выполнит! Такого уговора у них не было. Так чего ей бежать?

– Я знаю, что ты сейчас никуда не идешь, – словно прочитал ее мысли череп с горящими глазами. – Но однажды ты выйдешь со двора Кощея. Возьми меня с собой, путь укажу, во тьме не заблудишься!

– Да как я тебя возьму, ты же Кощею принадлежишь! – не утерпела Василиса. – Небось, и убил он тебя сам: ты какой-нибудь царевич и его зарубить хотел!

– Не царевич я, – вздохнул череп, глаза его ярко вспыхнули. – Но зарубить хотел, правда твоя, красна девица. Но то Милица виновата, не я и не сам Кощей. А что до того, как меня забрать, так я сам слышал, что сапожки и платья парчовые ты брать не хочешь. Вот меня тогда в награду за службу попроси. Я и огонек сохраню до самого дома получше горшка глиняного!

Он еще что-то говорил, только Василиса слушать перестала, когда имя услышала. Неужто совпадение всего лишь, и другая Милица черепу знакома, не ее мачеха?

– Подожди, – остановила она разговорившийся череп. – Ты упомянул Милицу. Кто она такая, чем перед тобой виновата?

– Сними с кола, девица, все расскажу, – снова попросил череп. – Уже три года меня рука человеческая не касалась, истосковался я!

Василиса замерла в нерешительности. Боязно ей было человеческий череп голыми руками брать, да вдруг еще и Кощей осерчает! Но так про Милицу узнать хотелось! Сердцем Василиса чувствовала, что мачеха не ее первой на погибель к Кощею отправила.

Не удержалась она, привстала на цыпочки, череп покрепче обхватила ладонями и с острия сняла да и в дом побежала, чтобы не передумать.

В доме на лавку череп положила, сама рядом села.

– Рассказывай... правда, не знаю, как звать тебя, величать, – спохватилась она.

Череп глухо засмеялся, глаза его почти потухли, крошечные искорки только и горели.

– Никак меня не зовут теперь, девица, но спасибо на добром слове. А раньше меня звали Найденем.

– Ну и я так звать буду, – решила Василиса и сама себя назвала. – Рассказывай, Найден, что тебя к Кощею привело.

История была не слишком длинной. Сердце Василисы ее не подвело: Милица оказалась той самой. Батюшкой Белолики и Власты, купцом из соседней деревни, был именно Найден. Только он хоромы никак строить не хотел да и в город брать супругу отказывался. А однажды приехал – дочерей дома нет.

– Слезы у Милицы – каждая с горошину была, – вздохнул Найден. – Клялась, что дочерей со двора Кощей увел, как лошадей, и защитить их было некому. Я и поверил. Схватил топор – и в лес.

Василиса кивнула. Ее батюшка небось так же бы сделал, если бы ее кто обидел. Если только мачеха не отговорила бы.

– Осерчал Кощей, когда я к нему ломиться начал, – продолжил череп. Жизнь огоньков в глазницах еле теплилась. – Но прежде чем смерти предать, показал в зеркальце колдовском, как Белолика и Власта за печку прятались, как Милица надо мной смеялась. Присмотрела она себе купца побогаче, что только недавно жену потерял. Вот и ненадобен я ей стал. Кощею я за науку благодарен, но не каждый урок впрок идет: некоторые ты поздно получаешь.

Василиса кивнула. Медленно-медленно. Потому как жалко ей Найдена не было: пригрел змею на груди, и дочери такие же. Что ему толку дальше жить, все одно – ведьма извела бы. А вот своего батюшку куда жальче. Вернется он сейчас с товарами, что будет делать, а ну про нее спросит? Да спросит, конечно, как не спросить? Родная кровинушка. Милица и его тогда к Кощею пошлет.

И будет у Кощея еще один череп на частоколе глазницами светить, потому как Василиса батюшку любила, конечно, но против колдуна – навъего царя ему и минуты не выстоять. Нет, нужно задание выполнять и поскорее домой возвращаться! И Найдена взять, пусть службу сослужит. Заговорит с Милицей или сестрицами, да может они хоть заикаться начнут! Это надо же такому случиться, чтобы родного отца на погибель отправили!

Пока с черепом Василиса разговаривала, не заметила, как темнеть начало. Услышала лишь топот коня – то Ночь в своем черном плаще возвращался, а за ним и Кощей должен был пожаловать.

Заволновалась Василиса, схватила череп, думает, куда нести, успеет ли обратно на кол повесить, а Найдена возьми и взмолись:

– Не уноси меня обратно, дай рядом с тобой отдохнуть, теплом человеческим согреться! Я тебе пригожусь!

Сунула Василиса череп себе на скамью, накрыла пестрым одеялом и скорее во двор – Кощея встречать.

А там уже ворон с пронзительным «кррук» крыльями машет и вихрь черный крутится. Едва-едва успела Василиса подол платья встряхнуть от налипшего сора да косу пригладить, как встал у ворот конь вороной, а ворота сами и отворились.

Кивнул Кощей ей, мол, вижу, что тут осталась и не сбежала, спешился и по крупу коня шлепнул – тот костями и рассыпался.

– Выполнила ли ты задание, Василиса? – Едва ворон корону на голову царю опустил, так тот сразу к госте повернулся. И пусть глаза оставались холодными, почудилось Василисе, что рад он. То ли тому, что она не сбежала, то ли просто увидеть ее рад, поди разбери! – Нашла ли в себе то, что сама не знала?

А Василиса за день пару разочков о задании вспоминала, какой там решить! Хотела она время потянуть, про черепа выпросить или про косточки тех, чьи платья она с утра мерила, да взгляд на куколку упал. Ничего у нее от дома, кроме куколки и платка маминого, и не

осталось. Все Милица подгребла. А уж если и ее батюшку сведет в могилу, ровно как Найдена, то и крыши над головой у Василисы не останется.

– Нашла! – ответила она храбро и глаз не отвела. – Матушка учила меня доброте и кротости, батюшка – покорности и послушанию. Но нет у меня ничего этого для сестер моих сводных и мачехи, змеи подкольной. Я их ненавижу ненавистью лютой. И не знала никогда, что есть во мне ненависть эта, а гляди ж ты, наша. Выполнила ли я твое задание, Кощей?

А по лицу Кощей и не понять ничего: то ли не рад он, то ли разочарован ответом. Поди пойми, что он думает!

Каркнул его ворон, опускаясь на плечо, и в звуке этом Василисе смех хриплый послышался. Только над кем он смеялся, над Василисой ли?

Поморщился Кощей, но кивнул.

– Выполнила, Василиса, – даже снова чуть улыбнулся, и Василиса выдохнула. Она уже привыкать к этой его улыбке начала. – Но это не задание было, а так, разминка только. Настоящее задание завтра будет.

Он повернулся, чтобы уйти в хоромы, но Василиса, не решаясь ухватить за полы плаща или руку, окликнула его.

– Кощей, я боюсь, что меня станет тут искать батюшка и ты убьешь его, – крикнула она и сама испугалась своей смелости. А ну как разозлится?

Кощей даже не повернулся.

– Не начнет искать, пока ты сама не вернешься, – сухо ответил он и скрылся в доме. Только глухо застонала костяная дверь, которой он хлопнул.

– Это ведь хорошо? – неуверенно пробормотала она и оглянулась. Но прочие черепа на частоколе только сияли светом глазниц и молчали. Поди разбери, о чем они молчат!

Глава 5

И снова Кощей сразу ушел в свою башню, а Василиса вспомнила, что ела всего раз за день. И ладно она, но и куколка ее оставалась голодной!

Она разгладила морщинки на скатерти и попросила:

– Подай мне, скатерушка, пирогов рыбных, как матушка пекла, да шанежек ягодных и молока парного.

– Сегодня уже не хлеб с кашей? – Василиса сумела не вздрогнуть, заслышав за спиной знакомый вкрадчивый голос. Но и оборачиваться не стала, только махнула рукой над столом.

– И ты со мной отужинай, незнакомец, не побрезгуй, – предложила она ласково.

– Не могу, красавица, – вздохнули за спиной. – Не ем я пищу людскую. Лучше позволь мне волосы твои расчесать, а то устала ты за день, некогда тебе гребнем частым махать.

Василиса хотела отказаться, но грубо ответить не сумела, а как отказаться, чтобы невидимку не обидеть, – не знала. Вот и согласилась. Хотя румянец на щеках о другом говорил. Приятно ей было внимание слуги Кощеева, с ней давно никто так ласков не был, с самой матушкиной смерти. А что пальцы, нежно косы распутывающие, мужские были, так об этом Василиса попросту старалась не думать.

Волос у нее был длинен, когда не в косу сплетен, так до самого пояса доставал, и впрямь работа непростая – все расчесать и обратно сплести. Только пальцы чужие легко с этим справлялись. А что в сон Василису клонить начало, так и впрямь устала: весь день на ногах провела.

Глаза уже закрылись, и сама она едва на лавке прямо держалась, как под веками словно огонь вспыхнул. И очнулась Василиса на том самом месте, где сидела, а руки чужие только-только косу доплетали!

Открыла она глаза, с лавки поднялась и огляделась. Не было рядом никого, и только под одеялом в ее закутке словно свет какой проглядывал пятном ярким. Поняла тут Василиса, кто ей не заснуть помог, улыбнулась.

– Эй, где ты? – позвала она незнакомца. – Заплел меня, так может, и по дому проведешь, все покажешь?

Тишина была ей ответом. Василиса пожалала плечами и сама пошла по дому гулять. Только куколку с собой взяла: страшно ей было ее одну оставлять. Ну как слуга вернется! А с куколкой вдвоем не так страшно, словно матушкино тепло рядом. Да еще и в окна свет от черепов бил, светло как днем было, а все же понятно, что ночь.

Дом же отчего-то тревожился: поскрипывал ставнями, постанывал половицами. Боязно стало Василисе, но раз решила сама все посмотреть, когда хозяин дома, знать, так тому и быть. Вспомнила она сказку старую, что мама ей в детстве рассказывала, будто царь навий сам по себе ко всему ключ. И потому может оставлять в своих хоромы кого угодно безбоязно: ничего гости прошенные и непрошенные без его ведома не отыщут, никаких тайн не откроют, дверей секретных не заметят, даже если рядом пройдут. Василиса с детства это знала, а едва попала в дом Кощеев, так и позабыла. Только свет от черепа ей все равно напомнил, а куколке в руке снова позабыть не дала.

Вот теперь она видела, что и изнутри хоромы костяные, на печи узор из позвонков выложен, в часах песочных вместо песка крупного или жемчужин мелких зубки молочные, каждый час переворачиваются и с шорохом пересыпаются. Шорох этот в любом месте хором слышен, кроме разве что подвалов, на засовы закрытых.

И казалось Василисе, когда мимо подвалов проходила, будто плачет кто-то и о помощи ее молит. Даже матушкин голос она слышала, так и тянулись руки к засовам, но удержалась Василиса. Снова ее ладонь легонько кольнуло, вот она и отряхнулась от морока проклятого.

«Не может тут моей матушки быть: матушка моя во сырой земле», – пробормотала себе под нос Василиса и поскорее прочь от подвалов пошла. Может, и правда, дом ее морочит и хочет, чтобы поскорее она убралась, сбежала отсюда, не выполнила обещанную службу.

А может, и впрямь сидит кто в подвале. Да только Василисе бы самой живой из этих хором выбраться да огонь домой отнести, что ей за дело до узников Кощея? Но от подвалов она поскорее наверх прошла, миновала светелки и в терем поднялась.

Правда была матушка: открылись двери незнакомые, днем совсем не видные. Сундуков там видимо-невидимо, Василиса открыла первый и зажмурилась: монеты золотые да серебряные, не истертые еще, новенькие, блестят так, что глазам больно.

Закрывает этот сундук Василиса. К чему себя зря искушать? Одна горсть таких монет – и батюшка сможет купить новую лошадь и отстроить хоромы. Только кому эти хоромы по сердцу придутся? Опять же сестрам и мачехе. Нет, не нужны Василисе эти монеты.

Открыла она и другой сундук, а там камни самоцветные. Заслезилась глаза у Василисы: огнем горят камни, так и шепчут: «Возьми, коснись!»

«Тяжело Кощею приходится, – вздохнула Василиса, и этот сундук закрывая. – Столько сокровищ, начнешь считать и разглядывать – и не остановишься. Так и до смерти можно над ними просидеть, совсем зачухнуть».

Показалось ей или засмеялся кто-то? Огляделась Василиса и никого не заметила. И куколка в руке не шевелится, только глазки стеклянные поблескивают. Зато на стене над сундуками увидела Василиса диковины разные. Под ними и написано что-то было под каждой, только вот она была грамоте не научена.

«Может, тут вранье сплошь написано, – успокоила себя, – для ловли простаков и алчных людей».

Провела она рукой по мечу, что по центру в богато украшенных ножнах висел, и вздохнула.

– Меч-кладенец, небось, – вслух Василисе и думалось лучше. Да и куколка так смотрела, словно каждое словечко понимала! А может, так оно и было. – Или меч-зарубец. Возьмешь такой – и он самого нового хозяина крови обязательно испробовать решит. И зарубишься, даже если мастер на мечах биться.

Снова словно засмеялся кто-то. Завертела головой Василиса – никого не нашла, да и не заметила, как буквы под мечом поменялись.

– Шапка-невидимка, да? – Василиса перешла дальше. – Ай, хороша. мех рысий, вышивка какая! Обидно, наверное, что не видно шапки, когда ее носят. Забавно было бы, если человека под ней не видеть, а шапку видно! Шапка-видимка – такое еще поди поищи! А кто невидимку для дурного использует, так тому и надо. А кто лик свой

прячет, потому как тревожить никого не хочет, так шапка ладная ему не повредит!

Раскраснелась Василиса, успокоилась. Уже и дом ее не пугал, хоть скрипеть и стонать не прекращали его лестницы и стены. Но разве до них Василисе, когда она диковины со всего мира перебирала да придумывала, для чего они годны могут оказаться? Если бы только она знала, что каждое ее слово меняет вещь, к которой прикасается, тогда, небось, Василиса не была бы такой смелой!

Но она давно думать забыла о том, что где-то в хоромаш прятается слуга Кощеев, забыла и про самого Кощея. Уж больно интересные вещицы собрал у себя. Даже жаль, что их никто не видит.

— Сапоги-самоходы даже примерять не стала бы. — Василиса погладила голенище. — Шаг в версту, а потом с ног свалятся — и добирайся домой с проезжающими купцами! Вот бы они танцевать учили! Совсем другое дело. И гусли-самогуды. Потеряешь их и снова ничего не умеешь. Пусть бы пальцы прилипали к гусликам-самоучкам и, пока не сумеешь сыграть песню красивую, не отлипали!

Устала Василиса диковины разглядывать. Глаза слипаться начали. Ущипнула она себя за локоть, ойкнула — не спит! Взаправду по сокровищнице Кощея бродит!

А перед ней новая диковина. Висят ожерелья, одно другого краше, а рядом с каждым картинка, на которой искусно красавицы изображены, да так тонко, что каждую ресничку видно, корону или шапку боярскую, кокошник, жемчугом украшенный, или венок из цветов заморских.

— Это, что же, с тех красавиц бусы сняты, а сами девицы в подвалах томятся или в сырой земле? — не удержала язык за зубами Василиса и испуганно оглянулась. Ну как Кощей или его слуга подслушивают?

Тоненький голосок раздался, откуда она не ждала. От куколки махонькой, что в руке Василиса так и держала.

— Нет, Василисушка, судьбы это женские, зачатые. Наденешь такое ожерелье и станешь той девицей, что на картинке: царевной или королевной, земной или морской, а то и лесной княжной, которую все живое слушается. Проживешь ее жизнь от этой картинки и до смерти самой в чужом теле, чужой судьбою.

Василиса пристальнее принялась ожерелья разглядывать. Царевной морской стать или королевной заграничной? Никакой мачехи, никаких сестер противных. С золота ешь да приказывай. Только бы выбрать правильно. Вдруг у королевны жених есть старый? А у царевны отец злой, или у морской девы пальцы кривые, а у лесной изо рта пахнет и ничем не выведешь? На картинках они все красавицы, а как получше поглядеть – непонятно, разве что куколку спросить. Подумала Василиса и устыдилась. Она же самой себе обещала совета спрашивать, лишь когда беда будет. Разве ж беда это – выбирать, какую жизнь прожить вместо своей собственной?

Помотала головой Василиса да по руке себя ударила – не тянись.

– Спасибо, куколка, спасибо, милая, – поблагодарила. – Только мне чужая судьба без надобности, я лучше со своей совладаю.

Оставила Василиса ожерелья на стене да бегом из сокровищницы. Так торопилась, что ноги ее сами принесли в башню с покоем Кощея. Василиса так и замерла на пороге, даже дышать перестала.

Корона черная во изголовье висела, а сам Кощей спал будто мертвый: руку одну на грудь положил, прямо вытянулся, всего и толку, что одеялом укрыт, да и то вторая рука с острыми ногтями черными до пола свесилась, а нога одна из-под одеяла высунулась. Василиса мысленно себя за любопытство заругала, но поближе подошла, поглядеть: а что, если и на ногах ногти острые и черные? В последний момент смелость ее испарилась, и Василиса, зажмурив глаза, поправила одеяло. А потом и руку навьего царя на постель уложила и вышла поскорее.

– Что толку быть царем и колдуном, когда укрыть тебя некому? – пробормотала Василиса, поскорее спускаясь. – Нет, я в царевны не пойду. Лучше уж я, как снег ляжет, жениха себе найду. Хоть хромого Ждана, хоть кривого Некраса.

И вроде думала она уже так, а почему-то в этот раз грустно было так себя успокаивать. Не хотелось уже ни за Некраса, ни за Ждана. А чего хотелось – и не понять никак.

Только спустившись обратно в клетки, Василиса обнаружила, что куколки с ней нет. Когда из рук выпустила? Когда к ожерельям тянулась или когда в покоях Кощея оказалась?

Только думай и гадай, а толку нет – надо возвращаться.

Как ни надеялась Василиса, что куколка окажется в сокровищнице, а пришлось возвращаться в покои Кощея. Ругала себя и проклинала хозяина дома, который мирно спал, пока она бродила по дому.

«Вот спал бы в гробу ледяном в подвале как положено колдунам, мне бы не пришлось сейчас возвращаться, – злилась она. – А был бы страшным и старым, я бы и первый раз в покои не влетела!»

Ох и опасной эта мысль была – покраснела Василиса, как маков цвет, ладно хоть никто не видел! Пообещала она себе, что выполнит службу и тотчас покинет земли Кощеевы, и лишь после этого снова вошла в опочивальню.

Кощей все так же спал, только теперь, сложив обе руки крестом на груди, еще больше напоминал покойника. А прямо там, на его руках, Василиса увидела свою куколку!

«Не разбудить бы!» – заволновалась она и двинулась к ложу. Да только стоило ей сделать один шаг, как из окна вихрем влетел ворон, замер над Кощеем, взмахнул крыльями да сел на корону и хрипло каркнул.

– Тише! – взмолилась Василиса. – Разбудишь!

– Кррук! – будто издеваясь, снова каркнул ворон.

– Хочешь, каши дам? – чуть не плача спросила Василиса. – Я не со злым умыслом, а только куколку свою забрать!

– Кррук! – словно рассмеялся ворон, да Василиса и сама поняла, что чепуху сказала. Какая кашка такой птице? Он, наверное, кроликов с костями и шкуркой глотает и не давится!

– Мясца дам, с кровью, – торопливо пообещала Василиса и протянула ему ладонь. – Ключ, позволяю!

Ворон снова каркнул, но удивленно и совсем негромко. Облако крыльев его накрыло руку Василисы, и пронзила острая боль.

А потом он исчез, будто и не было его. Василиса прижала пораненную руку к груди, а здоровой потянулась за куколкой. Та сидела точно неживая, будто ни слова за ночь не произнесла! Как Василиса боялась и ждала, что ее руку поймают цепкие пальцы проснувшегося Кощея, но ей удалось подцепить куколку кончиками пальцев и покинуть опочивальню как раз вовремя, чтобы, уже спустившись вниз, услышать стук копыт.

Василиса выскочила во двор и смотрела, как исчезает въехавший во двор всадник на белом коне. Погасли черепа. Небо серело утренними сумерками.

– Рано встаешь. – Василиса вздрогнула всем телом, услышав за спиной голос Кощея. Оглянулась и убедилась, что навий царь стоит во всем боевом облачении и в короне. – Неужто один из моих верных слуг приглянулся?

«Да, ноги точно босые были, не мог он спать в этом», – подумала Василиса и, смутившись своих мыслей, помотала головой.

– Интересные слуги у тебя, Кощей, вот и выхожу поглядеть на них, – соврала она. – Трое их, а будто один. Только мастью коней да цветом лика и отличаются.

– Тот, которого ты встречаешь каждое утро, – День мой Ясный, – чуть дернул губами в усмешке Кощей. – За ним сразу скачет Солнце Красное, с ним осторожнее будь: обожжет, если приблизишься. А вечером перед моим возвращением по двору проносится Ночь Темная. Все они мои слуги и верно мне служат.

Василиса вспомнила про нежные уверенные пальцы невидимого ей незнакомца.

– И кто из них в твоих хоромах служит? – спросила она, по косе машинально ладонью скользнула. Красиво незнакомец плел, волосок к волоску!

– Никто, – нахмурился Кощей. Брови его снова как ласточкин хвост свелись, лицо будто тенью накрыло. – Им всем дальше двора хода нет.

И снова Василиса не знала что сказать! Кто-то же ей косы плел да в сон уводил!

– Что с рукой, Василиса? – вдруг спросил Кощей, и вспомнила она про ноющую ладонь, наскоро перехваченную тряпицей, прижала сильнее к груди.

– Дверью прищемила, – солгала она. – Дом меня не принимает, стонет, ночами пугает.

Может, Кощей и хотел что-то ответить, но тут вновь раздался стук копыт, и въехал на двор алый как кровь всадник. Теперь и Василиса сама чувствовала исходящий от него жар. Даже к крыльцу отступила на всякий случай, но всадник исчез, растаял в тумане, а над мрачным лесом встало солнце.

– Василиса, если ты на слуг моих нагляделась, то вспомни про службу, – сухо произнес Кощей, словно Василиса его обидела чем. – Вчера ты рассказала, что ненавидишь мачеху и сестер. Что же, сегодня дам задание посложнее. Ты должна наказать одну из них.

– К-как? – широко распахнула глаза Василиса. Хотела было спросить, неужто ей надо вернуться домой, да еще и без огня, но словно одернуло ее что-то. Промолчала.

– Как пожелаешь, но наказание должно быть настоящим. – Кощей направился к воротам, Василиса поспешила за ним, чтобы не упустить ни слова. – Не вздумай жалеть, как девицу-лягушку ту пожалела. Поняла? А не справишься...

Он щелкнул пальцами и взлетел на восставшего из косточек вороного коня. Наклонился низко, так, что его лицо стало вровень с лицом Василисы, глупое сердце которой сильнее забилося, глянул своими разноцветными глазами и добавил мрачно:

– Лучше тебе не знать, что тогда будет. Помни, Василиса.

И ускакал.

Глава 6

Расплакалась Василиса, едва ворота закрылись. Как такое задание выполнить? Она тут, а мачеха с сестрами – там! Да если бы и умела она ворожить, то что бы наворожила? Чтобы сестры ели и не толстели и таких худых их замуж никто не взял? Невелико наказание. И придумать ничего не получается. Да как думать-то, когда слезы градом катятся?

Вернулась Василиса в дом, руку пораненную как следует перевязала и снова в слезы. А потом скатерть-самобранку попросила накрыть стол яствами заморскими, самыми сладкими и ароматными. Уж раз ей помирать вечером, то пусть она хоть что-то попробует. И куколке самые лакомые кусочки дала, не забыла.

– Может, это уже беда, а не напасть? – всхлипнула она, вытирая губы куколке. – Так ведь можно и пропасть!

И снова расплакалась еще горше.

– Что случилось, Василиса, зачем глаза выплакиваешь, зачем голосок нежный надрываешь? – спросила куколка.

– Как мне не плакать? – шмыгнула носом Василиса. – Дал мне задание Кощей – наказать кого-то, кто жизнь мне испортил, но я-то здесь, а они все в деревне, да и как я накажу, когда ничего такого не умею?

– А как бы ты наказала, если бы могла? – вкрадчиво спросила куколка.

Василиса снова носом шмыгнула и задумалась. И мысли-то все лезли злые, совсем не похожие на те, каким Василиса при себе обычно позволяла держаться. Не видела она, как потемнели ее зеленые глаза, как зашевелились волосы. Красные от слез щеки и распухший нос разом снова красивыми сделались – ни следа от горя не осталось!

– Я бы им обратным ответила, – пробормотала она. – Как они меня на смерть холодную из родного дома выгнали, так я бы их прямо дома так согрела, что молили бы о дождике. Как меня за косу дергали да красе моей завидовали, так я бы устроила, чтобы дергать их было не за что и завидовать было нечему.

Она вздохнула.

– Но это будь я колдуньей, конечно, – с сожалением добавила она. – А раз я обычная, то хотела бы как тетка Дара, которая коромыслом волка забила, когда тот ей у реки встретился. Только страшно думать даже, как человека-то забить! Нет, не могу я придумать, куколка. Самой мне наказания Кощея не миновать.

– Не печалься, Василисушка, – отозвалась куколка ласково. – Я придумаю, как твоему горю помочь, ты пока не плачь больше, ешь, пей, по двору гуляй или в светелке сиди. Не успеет еще Ночь на двор ступить, как разрешится твоя служба лучше, чем ты надеешься.

Поверила ей Василиса, пошла по двору гулять. Снова к конюшне подошла. Сопит оттуда кто-то, фыркает, ну точно Змей Горыныч трехголовый, никак не меньше! Хоть бы одним глазочком поглядеть, да боязно.

Уже почти решилась Василиса дверь приоткрыть да в конюшню заглянуть, как раздался стук в ворота, и такой, будто кто-то кости ломает. Скрипят, стонут ворота, но не поддаются. Василиса, подол придерживая, бегом к воротам – что за армия на Кощея напала?!

Глянула в щель между костями – стоит конь серый в яблоках, а на коне царевич. Короны на царевиче не было, только Василиса сразу поняла, что царевич: по наряду парчовому, что в лесу чуть поистрепался, по мечу на боку и по взгляду хозяйскому.

– Ты почто чужое имущество портишь? – страшно было Василисе, но голос не дрогнул. Потом подрожит всласть, когда гость незванный прочь уберется! – Не тобой ставлено – не тебе и ломать!

Вздрыгнул царевич, головой завертел.

– Кто ты? Покажись! – потребовал. Ну точно царевич! Василиса даже сплюнула от досады.

Все в их деревне мечтали, чтобы сватов какой-нибудь царевич заслал. Там и почет, и уважение, и любовь до гроба, и жизнь в царском дворце. Только вот смотрела сейчас Василиса на царевича и больше замуж за него не хотела. Конь у царевича весь грязный был, видно, что не первый день едет через чащу, а царевич и не думал коня своего от пота протереть, от грязи отмыть, копыта проверить и почистить, из гривы сор вычесать.

Лишний раз коня не приголубит, а жене и того меньше ласки, небось, достается. Кудри у него золотые, да только Василисе больше

темные волосы любви, румянец во всю щеку, как у девки, до свеклы дорвавшейся, а Василисе больше бледные по нраву были.

В общем, такому царевичу да попросить бы ласково, и то Василиса бы подумала, говорить с ним дальше или нет.

Но этот, похоже, ждать не привык.

– Покажись, а то ворота сломаю! – пригрозил царевич.

Делать нечего. Уже много лет Василиса по заборам не лазала, а как иначе показаться и приказа не покидать двор не нарушить?

К счастью, кости на воротах словно поняли, что их она спасает, – сами ладони свои костлявые подставляли, сами где надо выпячивались, где надо – вглубь уходили.

По пояс над воротами Василиса высунулась и хмуро на царевича уставилась.

– Чего тебе? – буркнула. – Али тать ты какой или ворог злобный? Чего ворота в чужой двор ломаешь?

А царевич стоит и глазами хлопает.

– Т-ты Кощей? – пробормотал только.

Сначала Василиса оскорбилась ужасно. Кощей-то красавец был, тут не скроешь. Но царевич, чай, те же сплетни про страхолудного старика слушал. А Василиса, может, и поревела с утра лишку, да все одно – не старуха и не уродина.

Потом Василиса решила, что будет, если она скажет, что так и есть: Кощей она? Царевич вроде как дурачок, может, и поверит. Она уже почти решила шутку такую сыграть, но тут глянула на черепа на частоколе и вспомнила, зачем к Кощейю все от простого люда до царевичей ломаются. Жизнь свою молодую или не очень измерить желают. Только Кощей в этом деле особый мастер – жизнь по шее меряет и ровно до встречи с собой.

А вот Василиса такими умениями не обладает, да и меча у нее нет. Ну как зарубит ее этот дурак, не разобравшись?

– Похожа? – мрачно спросила она, перегнувшись через бедренную кость и повисая на воротах. – Ты приглядиись, царевич, приглядиись. Или на болоте слепень-травы наелся?

– Я... кхм... – На мгновение царевич стал выглядеть обычным дурачком и глазами только хлопал, но быстро исправился: – А кто ты, красна девица? Служишь ли Кощейю или тужишь у него в плену горьком?

– Мое имя тебе ничего не даст, – туманно ответила Василиса, не желая с царевичами знакомства водить. – Чего хотел ты, царевич? Ворота Кощеевы сломать и терем его разорить, пока хозяина дома нет?

– Кощея дома нет? – И не понять: расстроился царевич или обрадовался. – То есть я не тать, чтобы сокровища красть. А... а что у него есть? Я за мечом Кощеевым пришел!

Василиса вздохнула, уже забыв, как плакала. Это же какие силы надо Кощею иметь, чтобы вот такое отношение сотни лет терпеть – он же бессмертный! А к нему ходят и ходят, и всем что-то надо.

– Чтобы что-то получить, надо службу сослужить, – вспомнила она собственные задания. – Три службы! Готов к службе?

Поморщился царевич: не привык он чужие службы служить.

– А меч-кладенец настоящий? – осторожно спросил он.

– Какой еще меч-кладенец?! – возмутилась Василиса и вспомнила свои ночные шутки. – Меч-зарубец есть – даже самый ловкий боец сам себя им заколет!

Побледнел царевич, спал его румянец, но красы ему это не прибавило.

– А еще что есть? – спросил он.

– Скатерть-самосборка есть, – порадовала его Василиса. – Если по нраву ей не придешься, что не поставишь на нее съестного, – все пропадет и протухнет. Яблоки молодильные есть – съешь и младенчиком безмозглым станешь, гусли-самогуды...

– Смилуйся, красна девица! – взмолился царевич. – Но что мне делать? Не могу же я до Кощеевых владений дойти и ни с чем вернуться!

– Как это ни с чем? – возмутилась Василиса и кивнула на череп на ближайшем к воротам коле. – Со своей головой на плечах, мало разве?

Она чуть не свалилась с ворот, когда череп глухо рассмеялся. К счастью, костяные руки удержали ее за платье.

– Но я уже и так был с головой, – возмутился царевич. Ох, даже череп был умнее этого царевича! Или, только попав на кол, поумнел?

– Раз ты через всю темную чащу на коне сюда ехал и сам не знаешь зачем, то вряд ли твоя голова так уж на плечах была, – попыталась растолковать царевичу Василиса. – А теперь будет! Езжай домой с миром, ты видел хоромы навьего царя и жив остался.

– Я не просто так ехал – я хотел из заточенья Кощеева царевну освободить! – возмутился царевич. – Скажи мне, девица, есть ли тут... какая другая девица, которая точно томится?

Василиса подумала, что теперь точно знает, как Кощей злым стал. Сто или двести лет! Да она уже и этого одного царевича черепами закидала бы, если могла. Только сомневалась, что попадет в царевича, а не в его уставшего коня, и что Кощей ей простит разбитых охранников.

– Есть девица – царевна, – кивнула Василиса. – Но не в хоромах, а в болотах. Не хотела она задания Кощея выполнять, не желала по своей воле... замуж за него идти, вот он ее превратил в лягушку и на болото отправил. Найдешь ее, полюбишь – и твоя любовь ее расколдует.

Посветлел царевич.

– Царевна и красивая притом? – переспросил он на всякий случай и кудри свои пригладил.

– Страсть какая красивая. – Василиса почувствовала, что от царевича и голову уже ломит, и сил никаких нет. Может, и вовсе замуж не ходить? Вдруг не повезет и такого вот до самой смерти терпеть придется! – Туда уже пара царевичей ушла, так что ты бы поторопился!

– Спасибо, красна девица! – чуть наклонил голову царевич. – Что предупредила и советом помогла.

Он шлепнул по шее коня, понукая идти к болоту.

– Стой! – взвизгнула Василиса. – Коня погубишь! Там же болото, ты понимать должен! Оставь коня тут – я за ним присмотрю, накормлю, почищу.

Царевич нахмурился.

– А если я сюда дорогу не найду, как я домой без коня вернусь? – спросил он.

«Лучше тебе сюда дорогу не находить», – подумала Василиса, с ворот разглядывая частокол – много ли места для новых черепов осталось? А вслух произнесла совсем другое, чай она тоже с понятием, царевичам только дай в самую узкую нору полезть:

– Так там по дороге камень стоял, написано же: «Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь – женатым будешь, прямо

пойдешь – убитым будешь». Ты налево и пошел, считай, легко отделался: коня потерял.

Любо-дорого было смотреть, как царевич думает. Морщинами лоб весь покрылся, брови нахмурены, глаза в небеса глядят, будто ответа там ищут.

– Точно, девица, – наконец произнес он и со вздохом спешился. – Был такой камень. Проезжал я мимо него.

Оставил царевич коня и прочь поплелся. А Василиса дождалась, когда он за деревьями исчезнет, метнулась в дом стрелой охотничьей, у скатерти-самобранки густо просоленный ломоть хлеба попросила да с ним снова к воротам.

Отворились ворота, словно только ее и ждали, а конь к хлебу сам подошел. Василиса кормила его с ладоней, чувствуя теплое лошадиное дыхание на своей коже, мягкие губы, собирающие соль до последней крошки. И лишь после этого рискнула провести по шее. Потом достала гребень редкий и принялась расчесывать гриву, негромко ругая царевича. Сняла седло, сбившийся уже потник. Помыла коня, при ближайшем рассмотрении кобылицей оказавшегося, раздобыла и сена, поставила у конюшни.

Серая в яблоках кобылица пугливо косилась темным глазом на стену конюшни и негромко ржала. Но отходить не торопилась.

Уставшая Василиса вспомнила, что с утра не кормила куколку, и побрела в терем.

Стоило ей положить ладонь, чтобы привычно уже разгладить морщинки на скатерти, как разом появились те разносолы, что просила Василиса утром. И вспомнила она, зачем яства заморские попросила. Страшно ей стало.

– Ты почто царевича во двор непустила? – спросил череп, о котором она и думать забыла. Найден! – Сломал бы он ворота, вызволил бы тебя из Кощеевой службы, чай царевичу огонь навий без надобности! Увез бы с собой в терем царский, как сыр в масле бы каталась!

– Не понравился мне царевич, – вздохнула Василиса. – Чужого добра не бережет, своего тоже. Кобылица его ласкова и здорова, а он с ней не попрощался даже! Разве ж это добрый хозяин?

– Больше по нраву Кощей, что над златом чахнет, – ухмыльнулся череп. Глаза его блеснули темным огнем.

– Не слишком он над ним и чахнет, – рассеянно ответила Василиса, вспомнив бледное лицо навъего царя. – Как с утра уедет со двора, так весь день и пропадает где-то.

– Ты не понимаешь, – череп клацнул челюстью. – Очнись, девочка, он настоящее зло! Нет, нет, не так! Он повелитель зла и царства мертвого. И сам он мертв!

Василиса искоса глянула на череп. Скрипнул костяной пол, ухнуло холодом от оконца.

– Ты ври, да не завирайся, – буркнула Василиса. – Сердце его бьется – живой, значит. Да и пускай царство мертвое. Вот ты мертвый и чем плох? Иные живые похуже мертвых будут!

Глазницы черепа вспыхнули так, что Василиса лицо рукой прикрыла, чтобы не ослепнуть.

– погоди же! – проворчал он. – Покажу я тебе, какой твой Кощей на самом деле. Я же зеркальце его видел, слова заветные знаю! Неси меня в опочивальню Кощея!

Василиса хотела уж было возмутиться, что Кощей вовсе и не ее и как исполнит она три службы, так и уедет отсюда, но любопытно стало в зеркальце взглянуть. А коли зеркала там нет, то оставит она Найдена, и пусть потом как хочет перед царем объясняется, как он туда попал! Василиса точно знала, что ее он не выдаст.

Принесла она череп в башню Кощея, по дороге половины вчерашних дворец не увидела – ну точно зачарованы хоромы от чужих глаз! Скрипят половицы, тени на стенах мерещатся, хоть во двор беги.

– Под подушкой Кощея зеркальце смотри, – скомандовал череп. – Потом меня на колени клади, а зеркало передо мной держи. Будем к зеркалу взывать!

Все Василиса выполнила как велено. Зеркало оказалось красивое – формы причудливой с четырьмя углами, оправка серебряная, вся в листочках да ягодках искусно отлитых, что так в рот и просятся.

Череп поерзал на ее коленях, отчего Василиса чуть было не скинула его, точно мышь или крысу, и заговорил голосом глухим и негромким:

– Не до острова Буяна, не до царева кафтана, не до неба, не до дна, искру вызови сюда!

Василиса чуть от смеха не прыснула. Что за дурацкие слова? Будто намешал кашу из зерна разного, сколько какого осталось!

Правда, и такая каша бывала вкусной. Василиса вспомнила, как часто ей приходилось себе из таких остаточков варить, там горсточка, тут в мешке на дне осталось... Смеяться больше не хотелось, а тут и зеркало засияло холодным бледным светом, будто луна в нем отразилась.

– Вот! – так череп обрадовался, будто и сам не верил, что получится. – Теперь спрашивать надо. Я и спрошу, не обессудь, Василиса. А покажи, зеркальце, чем Кощей сейчас занят!

Василиса даже зажмурилась поначалу. Страшно подглядывать. Вдруг Кощей почует! Тогда ей точно не сносить головы.

Но уж больно любопытно было подглядеть, где целый день Кощей пропадал да что делал. Так что она открыла сначала один глаз, затем второй, потом поднесла зеркальце поближе.

В зеркальце да на коне Кощей выглядел еще лучше, чем вблизи, и Василиса против воли залюбовалась. Когда он летел не вихрем, а скакал на своем коне, смотрелся настоящим царем. Да не царевичем, как тот златокудрый, что сейчас по болоту за лягушками охотился, а властным и могущественным воином.

– Ты смотри, смотри, что в царстве Навьем делается! – проворчал череп. – Мертвых вона сколько, а кабы только они были!

А Василиса смотрела и видела, что Кощей не просто так свои владения объезжает. Щелкнет пальцами – и дыра в частоколе закроется. Хлопнет по колену – и бурелом путь преградит тварям мертвым, игошкам ползучим, бабкам лихоманкам и другим болезням горьким, человечьим и живности порчам. Жужжали над ним порчи, а он даже не отмахивался, ровно обычные мухи, да еще и не кусачие.

– Видишь, видишь! – не унимался Найден. – Кто Кощею служит, кто в его царстве живет? Все, кто заснуть мертвым сном не сумел, все, кого ведьмы да упыри разбудили. Кто болезни несет и смерть, порчу, страх и ужас!

Но Василисе со своей колокольни все иначе виделось. Она только плечами пожала.

– Так он ведь и следит, чтобы они из его царства не вырвались, в темной чаще заблудились, в студеных ручьях потонули. А кто из леса на спине принесет лихоманку или воды с порчей выпьет, неужто тоже Кощей виноват? Кто-то должен и этими тварями да мертвыми

править. Раз они... не спят. Или скажешь, всех сжечь дотла надо? И тебя тогда тоже вдогонку?

Погасли глазницы черепа.

– Сжечь дотла, – хрипло произнес он. – Кое-кого я бы и сжег дотла, пожалуй...

Он замолчал. Василиса ждала терпеливо, все разглядывая Кощея в зеркале.

– Да только Кощей твой не меньшее зло, – наконец продолжил Найден, вынырнув из воспоминаний. – Я вижу, что он делает. Ты уже готова отдать ему свое сердце, а он желает лишь одного – сделать его таким же черным, как его собственное! Сделать тебя колдуньей! Для того и искушает заданиями своими да обещаниями сладкими!

– Да если бы колдуньей можно было стать лишь по своему желанию! – воскликнула Василиса и расплакалась.

Горько ей стало. Поняла она, что больше всего хотела бы, чтобы Найден оказался прав и Кощейю было хоть какое-то дело до нее. Только надеяться ей было не на что. Обычная она совсем, нет в ней ничего колдовского.

Глава 7

– Что с тобой, Василиса? – испугался Найден, не в силах сам на ее коленях повернуться. – Ты плачешь... слезы... такие настоящие и такие горькие!

– А что? – сквозь слезы произнесла Василиса. – Зло не плачет? Или просто я еще не совсем зло, так выходит, да?

Она вытерла лицо рукавом, вздохнула тяжело, развернула череп к себе глазами. Хоть и страшно ей было, что снова разозлится Найден и спалит ей глаза своим светом, да только говорить с гладким желтоватым костяным затылком было куда страшнее. Пусть хоть пылающие глаза, чем одна кость.

– Если он и хочет меня сделать колдуньей, то лишь для того, чтобы мне было куда уйти, – призналась она честно, как думала. – А то я ведь хоть служанкой-невидимкой, хоть ключницей, хоть конюхом готова остаться. Лишь бы не возвращаться в свою деревню, в родной и когда-то любимый дом!

Зря утиралась Василиса: слезы полились еще сильнее.

– Как жаль, что я не колдунья, – сквозь слезы пробормотала она. – А вот мачеха моя – настоящая ведьма!

Она прикусила язык, вспомнив, с кем говорит, но было уже поздно. Череп сам развернулся к зеркалу и приказал:

– Покажи, почему Василиса домой возвращаться не хочет.

А зеркальце и показало. И не дом, каким его Василиса оставила, а как в него вошли Милица с дочерьми; как переместилась лежанка родной дочки купца-хозяина в самый угол; как с раннего утра, еще до восхода, гнали Василису работать; как бывали дни, когда она съедала разве что корочку хлеба, стесняясь просить у тетки или жаловаться батюшке; как делила скудную снедь с куколкой; как ночевала в хлеву, греясь о корову.

И Василиса смотрела с ним. Теперь она знала то, о чем только догадывалась, – ее иголки, что дарил отец, ровные и тонкие, для работы с кружевами, стащила Белолика, а вот в постель ей их сунули через пару дней они уже вдвоем с Властой. Как искололась тогда во сне Василиса! Власта путала ее пряжу, Белолика пачкала ее платье. А

сколько раз они обе пытались украсть куколку – и не счесть! Даже Милица пару раз пыталась коснуться куколки, но с шипением отдергивала руку.

А потом и того страшнее стало Василисе. Уж не думала она о таком, не гадала. И не увидела, не поверила бы чужим словам, решила бы, что наговоры! Да только варила ночами в хлеву Милица отвар из белены да лютика едкого, корня ландыша, ягод вороньего глаза да листьев веха. И вот это варево сестрицы Василисе в похлебку подмешивали!

И как жива осталась? Она вскрикнула от ужаса и зажмурилась, а череп только шикнул, мол, смотри! И Василиса смотрела. Как кормит она сама куколку первой, а та незаметно от хозяйки и приживал злобных дует на похлебку, и Василиса все съедает до последней ложки, но ни животом не мается, ни с лица не спадает. Злятся сестры, чернеет от злости мачеха, а Василиса не замечает даже.

И вот наконец очередной раз уехал батюшка, и в самый непогожий день затушили сестры весь огонь в доме и выгнали Василису в лес за навьим огнем, напрямик к Кощею.

Потухло зеркало. Устало или все показало – кто его знает. Молчала Василиса, раздумывая, что ей теперь делать и как своей куколке кланяться и матушке покойной благодарность посылать. Молчал и Найден, правда, он прервал тишину первым:

– Прости, Василиса, – безжизненным голосом произнес череп. Сейчас он как никогда выглядел мертвым, Василиса даже испугалась, вот если череп умрет, то с кого Кощей спросит? – Не знал, что твое горе я принес. Я недосмотрел, какими мои дочери выросли, – я речи медовые Милицы слушал и не понял, какая она на самом деле. Когда мысленно клял и жалел того купца, за которого она после моей смерти замуж пошла, я и думать не мог, что пострадает кто-то еще. Я виноват перед тобой.

Василиса вздохнула. Поднялась с лавки, одной рукой придерживая череп, а другой – зеркальце, отнесла удивительную вещицу на место и спрятала под подушку, а череп понесла вниз.

– Ты уже помог мне, не дав уснуть, – лгать, что она не винит Найдену, не хотелось. – Дом Кощей и правда зловещий, стонет и скрипит ночами, теперь я это вижу. Но я все равно не боюсь, мне просто не по себе здесь. Может, со временем привыкну?

– Может, – эхом откликнулся Найден, больше не собиравшийся спорить с Василисой.

– Хорошо бы мне стать колдуньей, – размечталась Василиса. – Я бы помогла Кощею в его царстве. Мертвяки живые не по мне: они и кровь пьют, и мясо рвут. Страшные! Игоши того ужаснее, да еще на детишек маленьких похожи – оторопь берет, как их видишь. Может, мне командовать пнями замшелыми или огоньками блудячими? Нет-нет, не подсказывай, Найден! Как знать, вдруг я бы смогла устроить так, чтобы болезни были заняты чем-то внутри царства и выбирались пореже? А самых послушных я бы напускала на отравителей, чтоб их как в зеркальном отражении мучило то, что они другим людям приготовили, да и сторицей отдавалось!

Она сжала кулаки и нахмурилась. Отчего-то в груди что-то сжалось, распрямилось и словно лопнуло с легким звоном.

– Мою матушку отравили, – глухо произнесла Василиса. – Милица с Белоликой и травили, долго и осторожно, чтобы никто не заметил.

– Однажды ты должна была это узнать, – вздохнула куколка, так долго молчавшая до этого момента, что Василиса и забыть успела, что за пазухой держала ее.

Громыхнул гром, сверкнула молния. Свет от нее отразился в стеклянных глазках куколки и на блестящем черепе. Полил дождь.

– Вроде бы на небе не было ни облачка, – озабоченно произнес Найден. – Так и Кощей раньше вернется!

– Кощей! – ахнула Василиса и прижала ладони к разом зарумянившимся щекам. – Его задание! Я же...

Топот копыт прервал ее. Василиса выскочила во двор, ничуть не опасаясь промокнуть. И точно – дождь закончился так же неожиданно, как и начался. А во дворе уже стоял конь Ночи Темной, вот-вот растает в тумане – и появится Кощей!

– Смилуйся, Ночь, рано тебе приходить, погоди еще немного! – взмолилась Василиса. – Придержи коня!

Повернулся к ней всадник с черепом черным, как сама тьма, в котором лишь поблескивали синие огоньки в глазницах. Кивнул медленно и развел руки, отчего плащ его взлетел крыльями вороньими и засверкала изнанка звездами большими и малыми.

Челюстей Ночь не разжал, а голос его Василиса услышала.

– Погожу, если прокатишься на моем коне и уздечку его не отпустишь. Одна лишь ночь в году короче прочих, и просто так я на еще одну не соглашусь.

Замолчал голос, и только сейчас Василиса поняла, что слышала его в своей голове, как и смех, что звучал затихая. Видно, Ночь был уверен, что Василиса испугается.

А Василиса и напугалась. До дрожи в коленях, что стали точно кисель, того гляди подогнуться, до сердца будто заячьего, до голоса срывающегося. Одно не догадывался Ночь, что вместе со страхом она ощутила восторг. Такой, что ноги подгибались, сердце колотилось, а говорить было трудно из опасения, что сорвется на радостный вскрик.

И потому она только и сумела шепнуть «согласна» да на куколку, на крыльце оставленную, обернуться – успеет ли? А потом взмыла в седло, словно ее ветер подхватил. Уздечка сама в руки прыгнула. Руки черного всадника на ее талии сомкнулись, и взлетела Василиса одним скоком коня прямо в небо. Плащ теперь за спиной развевался, закрывая небо, над которым они пролетали, звездами на темной подкладке.

Василиса глянула вниз и ахнула: словно игрушечные виделись ей и люди, и домишки. Речки текли точно ручьи, коровы были с ладошку, а деревья как кусты черники или клюквы, не выше!

Как ей захотелось навсегда остаться тут, высоко над землей. Парить и все горести видеть крошечными и далекими. Счастливые птицы! Счастливы и всадники, пусть они и слуги Кощея, но каждый день видят такое!

«Каждый день одно и то же, – словно шепнул ей прямо в голову Ночь. – Каждую ночь. И всегда один».

Вздохнула Василиса. Нет, одной все время быть ей вовсе не хотелось. Жаль стало ей страшного всадника, а тут еще тучи собрались, снова гром загремел. Они летели меж бьющих в землю молний, конь ржал неистово и прядал ушами, косился на близкие молнии, будто уже чуял паленую шерсть.

Как могла крепко держала за узды Василиса, направляя коня, но вдруг соскользнули с ремешка мокрого руки, а тут и ладони всадника пропали с ее пояса, словно и не держал он ее. Слетела Василиса с коня и камнем полетела вниз, прямо в собравшиеся серые тучи.

Закричала от страха, да так, что себя оглушила. И не слышала, как хохочет всадник Ночь, любуясь бурей, что рушила домишки и ломала деревья. Не слышала саму бурю, просто падала и падала сквозь тучи и дождь.

Очнулась же она на дворе, где лежала прямо у крыльца, а дождь поливал ее лицо, мочил косу и платье. Всадника Ночи рядом уже не было, и Василиса поспешно поднялась на ноги. Ощупала себя – все ли цело?

А пока отряхивала платье от капель и сора, ко двору подъехал Кощей.

Бровь чуть приподнял левую, глядя на ее плачевный вид, но спрашивать об этом ничего не стал. Спешился, шлепнул коня по крупу – распался конь косточка к косточке. А сам Кощей во двор вошел и к Василисе приблизился.

Щелкнул пальцами – и на продрогшую девушку сверху шуба упала, тяжелая и теплая, по виду медвежья. Вроде и теплее стало, и в то же время все одно – Василиса мокрая стоит. Что с царя навьего возьмешь!

Но поклонилась Василиса с благодарностью, чуть под тяжестью шубы покачнувшись.

– Выполнила ли ты мое задание, Василиса? – спросил Кощей. – Кобылица эта – твоя сестрица или мачеха?

Хотела уж Василиса соврать, что так и есть. Кобылицу ей пусть и жалко было, но себя не в пример жальче! Кощей смотрел до того сурово, словно насквозь просвечивая своими невозможными разноцветными глазами, а у Василисы под этим взглядом язык прилип к гортани, но она все равно смотрела прямо ему в лицо, не в силах отвести взор. Что ответить? Покаяться и упасть в ноги? Солгать все-таки, что Кощей прав: кобылица и есть ее мачеха, и пусть хоть жарит ее, хоть режет, хоть на ней воду возит? А может, ей просто заплакать? Но слезы так много лились в этот долгий день, что сейчас не выдавить было ни слезинки! Василиса привычно оглянулась на куколку на крыльце, но вдруг услышала визг. Так верещали поросята, если дать по нежному, еще поросячьему задку вичкой. Василиса споро подтянула повыше подол, отчего поросенок, беленький и круглый, с разбегу пробежал между ногами, а не врезался ей в платье. Суровый навий

царь – многоопытный Бессмертный Кощей – мертвенно побледнел и отвернулся, пока Василиса щеголяла коленками.

Этой заминки Василисе хватило, чтобы глянуть на возмутительную свинку. Та же затормозила в грязи и с грозным, как ей, по-видимому, казалось, визгом снова бросилась на Василису. Бледно-серенькие глазки с белесыми ресничками были совершенно поросячьими, и в то же время Василиса именно такое выражение видела на одном девичьем лице.

– Так вот же! – отпрыгивая в сторону, чтобы не попасть под удар свиного рыльца, выкрикнула Василиса. – Белолика!

Убираясь с пути поросенка, она не рассчитала и прыгнула в сторону Кощея. И неминуемо упала бы, увлекая его за собой, не поймай он ее в объятия. Василиса перестала дышать, разом забыв про замершую в двух шагах от них свинью. Руки Ночи сжимали ее пояс почти так же, как когда они летели над лесом, но разве боялась она дышать и так же билось ее сердце? Время словно попало в густой гречишный мед. Василиса боялась пошевелиться, чтобы ничего не разрушить. Почему же не шевелился Кощей, она и думать боялась. Так и замерли они все втроем: свинка на месте, словно оцепеневшая, а Василиса в объятиях Кощея. Первой очнулась Василиса. Покраснела густо, вся кровь к лицу прилила, того гляди носом пойдет, да отпрянула. Кощей руки разжал и тоже шаг назад сделал. И только свинка Белолика так и стояла зачарованная, зато не визжала и на ноги не бросалась.

Василиса же шубу тяжелую на плечах поправила, сильнее лицо в воротник спрятала, стояла и больше не шевелилась. Что теперь Кощей скажет?

А тот к поросенку подошел, пальцами щелкнул, и поросенок сам к его лицу подлетел без всякого визга и мельтешения. Заглянул Кощей в его глаза, хмыкнул удивленно.

– И впрямь Белолика, – пробормотал он. – Искусное колдовство, Василиса. Редкое и сильное. Как же ты так сумела, коли не учил тебя никто?

Но Василиса, единожды чуть не умерев в этот день, второй раз испугаться как следует не сумела. Набралась храбрости и нахальства и произнесла так, что даже голос не дрогнул:

– Как не учил никто? А как же ты, Кощей? Ты при мне девицу в лягушку превратил! Я бы тоже в лягушку хотела: Белолике бы больше пошло, но колдовать дюже сложно, вон как вся вспотела, вода ручьями течет!

Удивился такому ответу Кощей. Дрогнуло его лицо, словно даже трещинки на висках шире стали. Не хотела бы Василиса, чтобы лицо Кощея осыпалось, мало ли что под ним прячется! А ей Кощей и таким люб был.

Люб? Заволновалась Василиса от мысли такой, чуть памяти не лишилась. А Кощей будто и не видел ее волнений, подошел снова ближе, косу рукой поймал и к лицу своему поднес.

– Не врешь, – удивленно произнес он. – Пахнет от тебя колдовством сильным.

«Грязной водой да сором от волос моих пахнет», – хотела сказать Василиса, но промолчала. Откуда ей знать, как от колдовства пахнет? Она через тучи вниз летела, на коне колдовском сидела, спиной к всаднику Ночи прижималась. Может, и пахнет от нее по-особенному – ей же на счастье.

Только на счастье ли? Выполнится сейчас вторая служба, там до третьей дойдет, и придется Василисе возвращаться домой, а так не хочется!

Задрожала она, представив дом свой мертвый после матушкиной смерти, батюшку одурманенного да мачеху.

– Что с тобой, не заболела ли от колдовства такого сильного? – озабоченно спросил Кощей. Ладонями обеими лицо ее обнял, в глаза заглядывая, да так нежно, что ногти его острые кожу не царапали.

Замерла Василиса, дыхание затаила, хоть и не боялась уже вовсе, что от Кощея тленом пахнет. А Кощей в глаза вглядывался, да так близко к ее лицу наклонился, что носом ее носа коснулся.

Василиса глаза зажмурила от неожиданности и чуть не вскрикнула, когда навий царь ее губы своими накрыл. Врали все сказки, что Кощей холодный и мертвый: не может мертвое такой жар вызывать! От губ потек огонь по крови, разгорелся в груди так, что больно стало. А Кощей, словно поняв, что не станет Василиса его отталкивать, накинулся на ее губы, будто жажда его мучила, а рот ее был истоком искрящегося прохладой родника.

Терзал ее нижнюю губу зубами, гладил лицо пальцами. Его дыхание со вкусом терпких лесных ягод смешивалось с рваным дыханием Василисы. Врала девки, что поцелуи сладкие да сахарные. В поцелуях и горечь, и терпкость, и сладость, и соленость крови.

— Кррук-р! — раздалось над ухом так громко, что заныла перевязанная рука, где ворон клюнул.

— Ах! — выдохнула Василиса в рот Кощею и распахнула глаза. Черная как ночь птица села на крыльцо, склонила голову набок и ехидно смотрела на Кощея и Василису.

Смутилась Василиса до слез, отпрянула от Кощея, даже шубу тяжелую прямо на мокрую землю уронила да и бросилась в дом мимо ворона, мимо куколки.

Заметалась по хоромам — где спрятаться, где скрыть свои щеки алые, губы припухшие? — как вдруг отворилась дверь в подвал. Не раздумывая, слетела вниз по ступеням Василиса, позволив сырой тьме проглотить ее вместе со смущением и неожиданной любовью.

Дверь со скрипом затворилась, но Василиса не испугалась. На ощупь добралась она до комнаты без окон, нашла руками скамейку да на нее и присела.

Выдохнула. Нет, не врала девки: целоваться было сладко. Раньше же она думала, что поцелуи ей точно не понравятся. И чего в них другие девицы находили? Те, что вечно за околицей миловались с соседскими парнями, хихикали в самых темных уголках на посиделках, пользуясь тем, что свет лучины не доставал до углов дома. Они ходили гадать на суженого, а возвращались раскрасневшиеся с зацелованными губами, словно вовсе и не к оwinнику бежали погадать да судьбу узнать.

Василиса плохо помнила, целовал ли батюшка матушку. Может, и целовал, да она того не видела. А вот мачеху не целовал. Губы мачехи на двух червей походили, что шевелились, когда она говорила. Противно!

Василиса и на других так же смотрела. Что только находят в этих поцелуях? Губы чужие ровно гусеницы красные и розовые, а у Некраса еще толстые и вечно жиром лоснящиеся, словно он постоянно масло или жир пробовал, а потом губы толстым скользким языком облизывал, даже думать было противно. Фу!

Другое дело Кощей. Губы его были словно лепестки увядающей розы, поцелуи были как нежными, так и яростными. Только как теперь ему в глаза смотреть после ласк таких жарких? Чай, царь навий на купеческой дочке жениться не станет!

Глава 8

Только сиди не сиди, а выходить все одно придется. Щеки остыли, жар спал, оставшись лишь в животе и пульсируя, словно задремавший огненный шар, готовый в любой момент снова разогнать кровь и зажечь Василису как свечку.

Пора была возвращаться. Как знать, может, Кощей уже снова к себе в башню ушел? А там утро вечера мудренее, чай, и придумает Василиса, как себя вести с Кощеем.

Она и хотела сделать вид, будто ничего не было, и боялась, что тогда Кощей ее больше не поцелует. Впрочем, еще одного поцелуя она боялась ничуть не меньше.

Так и не высохшая до конца одежда давала о себе знать, и Василиса почувствовала, что продрогла. Она поднялась с лавки и, касаясь пальцами стены, решила так пройти по подземной комнате, пока не дойдет до лестницы. Зато ни за что не зацепится да ничего не уронит!

Так Василиса и сделала. Вела рукой по стене, а вторую перед собой выставила, чтобы не наткнуться на что-то и не упасть. В подземелье этом стонов дома слышно не было, да только тьма была какой-то неуютной и зябкой, отчего хотелось поскорее выбраться на свет. Брела Василиса так недолго, как вдруг правая рука металла холодного коснулась и словно звякнуло что-то.

Василиса ухватила обеими руками за железное кольцо и поняла, что от него цепь ведет. Потом нащупала рядом еще одно, и от него такая же цепь шла, тяжелая да холодная. А когда она нашла вбитый в стену металлический ошейник и погладила его пальцами, то почувствовала, как воздух позади нее изменился. Василиса замерла и прислушалась.

Показалось или далеко вверху хлопнула дверь? И тепло за спиной... ей показалось?

Она резко обернулась, но как ни силилась, ничего в темноте не могла разглядеть. Как вдруг тьма шагнула к ней ближе и обняла такими знакомыми теплыми руками. Когти кольнули даже через платье.

– Нравится моя темница? – вкрадчиво шепнула тьма на ухо.

Вздрыгнула от этого шепота Василиса как от удара. Сразу представила, как закует ее Кощей за бегство и обман – точно уже раскрытый обман! – и оставит в этой тьме одну. И умрет она здесь, прикованная к стене. Уж лучше бы одну из светелок выбрала!

– Н-не очень, – призналась она честно. – А кого ты сюда сажаешь, Кощей? Да еще к стене железом приковываешь?

Еле слышно засмеялась тьма. И до того непривычно было это слышать Василисе – почти не улыбающийся Кощей и вдруг смеется! – что она забыла о своем страхе, протянула руку и коснулась рта навьего царя. Пока не успел он отпрянуть, проскользила пальцами по изгибу, выдохнула. Кощей. Но смеется.

– Никого не сажаю. – Кощей поймал губами ее пальцы, поцеловал, словно так и должно было быть. – Я на расправу скор, но справедлив. Царевичам да мужикам головы рублю или прочь отправляю, девиц коли в полон беру, то в светелки определяю.

Снова жарко сделалось Василисе, только жар другой был – злой и сжигающий. Гиблый жар. Как представила она этих девиц, царевен в парчовых нарядах с золотой вышивкой да ожерельях яхонтовых, богатырок гибких, сильных, толстокосых, деревенских девок в сарафанах алых, с щеками, точно яблочками краснобокими, да и под сарафан словно пара крупных яблок закатилось! И отчего-то почудилось ей, что каждую Кощей Бессмертный так же обнимал да и в губы целовал! Он же Кощей, небось целоваться со взятыми в полон девицами начал еще когда не то что Василисы, бабушки ее не родилось! И продолжал со всеми целоваться. Может, пожалел уже, что ту красавицу в лягушку превратил!

– Ты вся горишь, – озабоченно произнес Кощей. – Неужто лихорадку подцепила? Где только? Эти старухи-лихоманки мои именные владения за дюжину верст обходят!

– А здесь тогда кого держишь? – дрожащим голосом спросила Василиса. Не только голос, но и она сама вся дрожала, только холода совсем не чувствовала, наоборот, ей было очень жарко.

– Так я же говорю, – рассмеялся снова Кощей, но на этот раз смех его был горьким. Он наконец отпустил ее, но все еще оставался рядом. Василиса слышала его голос и дыхание, почти видела, как иначе

движется тьма там, где он стоял. – Моя это темница. Я в ней и был закован.

Язык Василисы точно враг выплюнул первое, что в голову пришло. Словно убегая из ущелья с признанием Кощея про темницу, Василиса провалилась в яму со змеями.

– Ты их всех целовал как меня? – спросила она, шалея от храбрости, что давала ей темнота. Не видеть Кощея, его разноцветные глаза и губы – губы тоже не видеть! – Тех красных девиц, что томились в светелках?

Кощей помолчал и, лишь когда Василиса провалилась в пучину отчаяния, разверзнувшуюся из-за молчания царя, негромко произнес, словно и не слыша ее вопроса, и отвечая на несказанный, что Василиса глубоко внутри спрятала:

– Триста лет назад появились здесь эти цепи. Марья Моревна очаровала меня. Она не была сильной колдуньей, но в ней была колдовская кровь. И глаза колдовские, точно такие же, как твои. Она билась как богатырь, а сладкие речи были будто змеиный яд. Я пустил ее в свое сердце и свой дом законной хозяйкой и потом очутился здесь на цепях, израненный и лишенный возможности увидеть солнце и покинуть подвал. Я не могу умереть, но и жизнью это тоже не было. Сто лет я провисел так, пока мне не дали напиться воды из моего колодца.

Василиса слушала не дыша. В голове бились мысли, точно птицы в клетке. «Кощей был женат», «Кощей любил эту... Моревну», «Кощей ее любил!»

– Ты оставил их тут, – наконец прошептала она, отворачиваясь обратно к каменной стене и касаясь пальцами холодного железа. Кое-где пальцы скользили по гладкому металлу, но чаще она дотрагивалась до шершавой, распадающейся на части от прикосновения ржавчины. – Почему?

Кощей шагнул еще ближе, и Василиса почувствовала, что он стоит точно за ее спиной. Макушку обдало теплое дыхание. А потом ее руки на цепи накрыли его пальцы.

– Чтобы помнить, – глухо произнес он, – всегда помнить, к чему приводит любовь. Она и предательство идут рука об руку, как брачующаяся чета, и глаз отвести друг от друга не могут.

– Но не все ведь так, – запротестовала Василиса, не отнимая руку и обмирая от того, как близко к ней стоит Кощей. – Вот мои батюшка с матушкой! Они любили друг друга!

– Ты не знаешь ничего, Василиса, – жестко ответил Кощей. – Твоя матушка была колдуньей или ведьмой и все равно погибла от яда. Ты можешь поклясться, что не твой батюшка принес в дом яд?

Он замолчал, и тьма успокоилась. Только Василиса этого не чувствовала. Так больно ей не было, даже когда умерла матушка. Ноги ее больше не держали, и она упала бы на каменный пол, если бы ее не поддержал Кощей. Не потому, что она поверила в то, что он сказал, нет! Потому что она не могла поклясться в том, что это неправда.

– А твоя мачеха? – словно не замечая ее состояния, вдруг продолжил Кощей. – Милица свела в могилу одного мужа и постарается свести второго, а потом снова выйдет замуж.

– Это не так! – Ярость и страх за отца придали Василисе сил – она вновь выпрямилась и встала твердо на ноги, и Кощей ее отпустил. – Она ничего не сделает моему батюшке, я не допущу этого! А еще... еще не все предают! И вот в этом я готова тебе поклясться!

Ей вновь показалось, что она услышала смехок, но в этот раз, скорее всего, лишь показалось.

– Что до твоего вопроса, Василиса, – живо вернул он ее на землю. – Я триста лет никого не целовал. С тех пор как разорвались наши узы с Марьей Моревной, я не позволял никому проникнуть в мое сердце. Думаю, так и останется.

«Больше поцелуев не будет, – поняла Василиса. – Он же почти прямо сказал, что это была ошибка! Как жаль...»

Плечи ее опустились, и она наконец почувствовала, что и впрямь замерзла.

– Зачем ты спустился сюда, раз тут такие тяжелые воспоминания? – безразличным голосом спросила она, опустив голову.

Тьма снова приобрела очертания двигающегося силуэта, ощерившегося остриями короны, и цепкие пальцы ухватили ее подбородок, снова поднимая голову так, чтобы лицо было обращено к самому Кощею.

– Тебе одной отсюда не выбраться, – мягко произнесла тьма, и Василиса снова почувствовала на своих губах теплое дыхание со вкусом терпких ягод. – А еще мне бы не хотелось, чтобы ты с утра

сделала вид, что никакого поцелуя не было. Он был, Василиса, и я сумею убедить тебя, что он не был случайным. Ты восхитила меня своим колдовским умением, и я не могу сдержать восторга.

И он вновь припал ртом к ее губам.

«Знает, – плаваясь в руках Кощея и едва держась на ногах, думала Василиса. Мысли снова металась и отказывались складываться во что-то понятное – все, кроме этой. Эта горела огнем и сверкала молниями. – Знает про мой обман или догадывается. Ждет, что я растаю и признаюсь сама. Триста лет назад его предали, и сейчас он за это вернет сторицей».

Ярость снова начала подниматься в ней, и от безвольной Василисы ничего не осталось. Она, пользуясь тьмой и возросшей смелостью, исполнила свою мечту и запустила руки в гладкий водопад волос Кощея и больно укусила его за губу. Поцелуй стал еще солонее, но Кощей не отстранился, лишь одобрительно промычал что-то, что именно Василиса не разобрала.

– Что? – спросила она, разрывая поцелуй.

Вытерла мокрые губы – кровь? – и уставилась во тьму. Глаза до сих пор и не привыкли к темноте, что не так с этим подвалом?

– В тебе сильна колдовская кровь. – Кощей явно нехотя отпустил ее, но тотчас взял за руку. – Я очень рад, но завтра тебя ждет последнее испытание, и будет плохо, если ты не выспишься. Пойдем.

– Пойдем, – растерянным эхом повторила Василиса, пока не понимая, куда они идут. Сейчас она готова была идти куда угодно, лишь бы ее вел за руку Кощей. Хоть за ворота в темную чащу, хоть в конюшню, хоть в царскую опочивальню. Только Кощей привел ее в клеть, где стояли ее лавка со спрятанным черепом и стол со скатертью-самобранкой.

Василиса поискала глазами и, найдя свою куколку, успокоилась.

– Поешь и отдохни, Василиса, утром, едва приедет Ясный День, будет тебе последняя, третья служба, – пообещал Кощей и ушел. Каркнул за окном ворон, и снова Василиса потеряла руку. Ох, прознает Кощей про ее обман: или ворон нашепчет, или сам себе ответ наворочит с зеркалом!

Переоделась Василиса в платье простое, но сухое, да за стол села. Голод уже давал о себе знать, так что погоревать она решила после ужина. Попросила Василиса себе еды простой, как матушка готовила,

да зеркальце самое обычное, но на основе крепкой стоящее, и закручинилась. Как ей завтра быть? Будет служба легкая, значит, придется домой собираться. А будет сложная и не исполнит ее Василиса – тотчас поймет Кощей, что не зря подозревал обман. Вот и выбирай что хочешь, а все плохо!

Раздались шаги за спиной, но Василиса не повернулась, продолжая кормить куколку. Знакомые уже руки коснулись ее волос.

– Твоя коса вся промокла и растрепалась, дозвожь расчесать и переплести, Василиса, – почти промурлыкал голос.

– Дозволяю, – буркнула Василиса, стараясь сесть так, чтобы в зеркале видеть свое отражение и того, кто стоит за спиной. Наконец ей это удалось, и она едва не выдала себя вскриком, но удержалась, только ягоды по столу рассыпала.

– Что случилось, Василиса? – тем же вкрадчивым голосом спросил... Кощей, частым гребнем проводящий по ее волосам!

– Руки устали от колдовства непривычного, – уже привычно соврала Василиса, и даже голос не дрогнул. Тут почувствовала она, что глаза снова слипаются. Так и усыпит ее Кощей, и ничего она не узнает!

Но с ее лавки снова сверкнули глаза черепа, и сонливость как рукой сняло.

– Спишь, Василиса? – прошептал Кощей, вплетая ленту.

– Сплю, – ответила она по молчаливой подсказке куколки, что слегка тронула ее маленькой ручкой. Чуть не выдала себя, а ну как промолчала бы!

Подхватил ее Кощей под руку, мягко, трепетно, словно хрупкий цветок, и повел по хоромам водить. Хоть и не спала Василиса, а чудно было в тереме, кости не стонали, полы не скрипели, окна нежным светом переливались. Волшебство.

– Нравится тебе тут, Василиса? – прервал молчание ее спутник. Василиса чуть скосила взгляд – вовсе не невидимый! И глаза разные. Правый голубой, а левый – зеленый.

Замерла Василиса рядом со светелкой для царевен, задумалась. А так ли должно быть? Разве ж не левый голубой, а правый – зеленый? Попробовала она вспомнить.

Вот он держит ее лицо в своих ладонях, наклоняется к ее губам, Василиса еще не закрыла глаза, смотрит не отрываясь... Так и есть! Правый – голубой! Левый – зеленый!

Не Кощей это! Тогда кто же сейчас с ней?..

– Что случилось, Василиса, ты странно себя ведешь? – встревожился незнакомец с лицом Кощея. Да полноте, с его ли лицом? Отличия были крошечными: мягкость овала лица едва заметная, чуть более улыбчивый, нежесткий рот – такой и целовать стал бы иначе!

– Задумалась, нравится или нет, – ответила Василиса, с трудом вспомнив вопрос. – Всего я не видела, башню хозяйскую хочу посмотреть.

– Опочивальня там Кощея, – немедленно откликнулся подменыш. – Зачем тебе туда ночью?

– Ох, ночью бы я в жизни туда не пошла, – отозвалась Василиса, прикладывая все силы, чтобы не выдернуть из-под локтя подменыша свою ладонь. – Но во сне совсем другое дело.

– Во сне, конечно, совсем другое дело, – с сомнением отвечал ей спутник. – Вот только спишь ты беспокойно, а вчера и вовсе не уснула, и как так вышло?..

Этого вопроса Василиса уже ждала, так что ответила без запинки:

– Переживала, как службу сослужу, как задание Кощеево выполню. Сердце было не на месте, мысли беспокойные голову дурманили – какое тут спать!

– А как тебе удалось выполнить волю Кощея, если ты не колдунья? – тотчас заинтересовался подменыш.

– А я владею колдовской силой, – на этот раз честно произнесла Василиса.

Уже давно она поняла, что ее куколка не простой оберег, а настоящая колдовская помощница. И разве она ей не владеет: матушка перед смертью подарила, значит, только Василисина эта кукла.

Погладил ее пальцы подменыш, и Василиса с трудом удержалась и не вскрикнула. Может, она просто запуталась и это все-таки Кощей? Верить в это не получалось, но Василиса внушала себе это неистово, не желая думать, что ходит по темному пустому терему с неведомым существом, способным взять облик самого навьего царя!

– Ты отведешь меня в башню? – не дожидаясь нового вопроса, спросила Василиса первая.

– Ладно, – нехотя произнес тот. – Но помни! Ты сама хотела.

Только кивнула Василиса, хотя сердце больно кольнуло страхом.

Они поднялись знакомыми Василисе лестницами, прошли мимо сокровищницы, мимо дверей костяных с запорами крепкими, и тут подменыш втолкнул ее в башню. Сердце Василисы забилося как птичка в силках.

Кощей спал. Так же, как спал, когда она любовалась им в одиночестве, так же висела над ним его черная корона.

Он спал и был с закрытыми глазами – и не проверить, какой глаз голубой, а какой – зеленый, но Василисе стало очень страшно. Она вообразила, будто спящий сейчас откроет глаза и поднимется и она окажется рядом с двумя очень разозленными Кощеями!

И что за леший дернул ее попроситься сюда?!

Василиса вырвала руку у спутника и с силой сжала ладони вместе так, что заныла ранка, нанесенная клювом ворона. Кажется, даже снова пошла кровь. Тряпичка, которой она перематывала ладонь, мгновенно намокла в том месте, где была рана.

– Мне кажется, Василиса, – вкрадчивым голосом произнес подменыш, протягивая ладонь, чтобы снова взять ее руку, – что ты меня обманула. Ты все-таки не спишь. И мне очень интересно узнать, как тебе это удалось.

Мурлыкающий голос теперь казался Василисе угрожающим. Наверное, так мурчал кот Баюн, прежде чем сожрать несчастных путников, попавших к нему.

Василиса отступила на шаг, еще один, потом здоровой рукой нащупала подоконник. Сигануть с такой высоты? Она уже упала разок с неба и не разбилась.

Придется рискнуть. И она перекинула ноги через подоконник, готовясь прыгнуть.

– Кррук! – раздалось за спиной, и в ее платье вонзились острые когти в тот самый момент, когда она оттолкнулась от своей опоры.

Глава 9

Василиса думала, что она точно спит, но кровь, ручейками льющаяся по спине, и острые когти, терзающие эти раны, чтобы ухватиться покрепче, не давали ей всерьез поверить в это.

Ворон, не иначе как разбуженный запахом ее крови, которой он уже полакомился, по-своему понял ее попытку сбежать через окно и решил помочь. По крайней мере, Василиса поняла это именно так.

Она развела руки, морщась от боли в пробитых когтями плечах, и представила, будто летит сама. Земля под ногами. Она была совсем не такой, какую Василиса видела с коня всадника Ночи. Они летели над царством Кощея. Всюду были погосты, моревые избы и шалаши лесной нечисти, которой больше нравилось жить с немертвыми.

Водяные духи, что были без ума от русалок-утопленниц, грибные царевны, прорастающие на упырях, кикиморы, нянчившие икоток, – все они поднимали головы, когда над ними, широко раскрыв крылья и закрывая ими полнеба, пролетал ворон.

Ведьмы кланялись или махали руками, верлиоки пытались допрыгнуть и достать до ног Василисы, жареники вяло полыхали жаром: ночью они старались спать. Многих существ Василиса и вовсе не узнавала, другие же, даже не узнанные, выглядели до того омерзительно, что она поджимала ноги и мысленно умоляла ворона не отпускать ее.

Ворон, казалось, прислушивался к ее мыслям. Он нес и нес ее, пока наконец не опустился на возвышенности вдали от всех жилых мест и от самой густой чащи.

– Кррук, – заявил он ехидно, словно так и хотел сказать, мол, а дальше ты сама. И не успела Василиса даже слова вымолвить, как ворон взмахнул крыльями и в мгновение ока исчез в темном небе.

– Куда?! – только и крикнула в сереющее рассветом небо Василиса. – Я же службу должна сослужить Кощею! Последнюю!

Она села и расплакалась. Вчерашние страхи ей показались совсем глупыми. Что ей сделает Кощей, если она не выполнит задание? Не убьет ведь.

Если он не солгал, то за триста лет она первая, кто коснулся его сердца. За это не убивают, так ведь? А вот за бегство... Проснется он и не найдет даже следа ее, что подумает?

Сбежала. Предала.

Василиса коснулась губ. Всего несколько часов назад Кощей целовал их так, словно в его сердце поселилась сама Василиса с ее любовью, смущением и неумением колдовать. А сегодня? Она понятия не имела, где находится, одно знает точно – она очень далеко и от Кощея, и от отчего дома. А еще она находится в царстве Нави, а значит, ей лучше озаботиться оружием. Пусть ничего страшнее вил она в руках не держала, но сейчас и они быгодились. Увы, ворон оставил ее в безлюдном и диком месте.

Вытерев слезы, Василиса поднялась на ноги и огляделась. С одной стороны от нее синел темный лес, оттуда ее принес ворон. Но от одних мыслей о всех тварях, над которыми она пролетала, в ее животе будто ворочался тяжелый холодный камень. С другой же горой возвышался бурелом. Словно какой-то великан, играясь, сложил эту гору из поваленных деревьев и сучьев. Только ни о каких великанах Василиса сроду не слышала, так что уверенно направилась в сторону бурелома.

Она рассчитывала подыскать там себе дубину покрепче, но не слишком тяжелую. А что потом? Так далеко она еще не заглядывала.

За корягой подходящего размера дело не встало. Очень скоро Василиса обзавелась подобием палицы и даже пару раз неумело взмахнула ею. Получилось ужасно, но с палкой она чувствовала себя куда смелее и увереннее, и темные тени от мрачной чащи пугали куда меньше.

Василиса забралась повыше по облезлым сучьям и кривым иссохшим стволам, надеясь с вершины этого бурелома разглядеть тропы, ведущие в обход самых опасных мест. Но тут ее мечтательность сыграла с ней дурную шутку. Зазевавшись, Василиса ступила не туда – нога ее соскользнула с одного вывороченного дерева – и попала в трещину. Василиса задергала ногой и в сердцах помянула Лешего и Лихо разом. Кто из них тут пакостничал – поди разбери!

Только Василиса уже через мгновение забыла про поминаемую нечисть. Разом произошло сразу две вещи. Внизу у самого края

бурелома по едва видной тропке неся мимо знакомый всадник на белом коне с белым черепом на плечах.

Вслед за ним сереющее небо начинало светлеть – наступал день.

«Сейчас доедет Ясный День до царских хором – и Кощей проснется, а меня нет! – чуть было снова не расплакалась Василиса. – Я застряла в этом буреломе!»

Она поняла, что рано горюет о проснувшемся без нее Кощее, когда ее накрыла огромная тень, словно день передумал наступать и вернулась ночь. Василиса оглянулась и закричала от ужаса. То, что она принимала за гору бурелома, было гнездом – огромным гнездом гигантской царь-птицы, голодной и недобро глядящей на Василису круглым глазом размером с ее голову.

– Ясный День! – громко взмолилась Василиса, размахивая корягой и пытаясь отдалить момент смерти в чудовищном клюве. – Помогите!

Череп даже не повернулся к ней, исчезая за деревьями. И только оттуда раздался его голос, но, как и голос Ночи, сразу в голове Василисы.

– Поспешите к тропе, красная девица, да попросите моего брата Солнце.

Легко сказать «поспешите»! Нога застряла плотно, дергая ее, Василиса ободрала в кровь всю кожу на лодыжке, чуть не вывихнула запястье, отмахиваясь от окончательно проснувшейся царь-птицы, но все-таки ей удалось вырвать ногу, и, не устояв прямо, она кубарем покатила к подножию гнезда.

Василисе показалось, будто в ее теле не осталось ни одной целой косточки. Но она сумела подняться на ноги и едва не свалилась снова, но теперь уже под ноги красного коня.

– Помогите! – прошептала она из последних сил. Их обоих накрыла тень царь-птицы, но на мгновение стало так жарко, что Василиса снова упала на колени, а птица с негодующим криком поднялась в воздух. Буря, появившаяся от взмахов ее крыльев, охладила кожу Василисы и окончательно размочалила недавно так аккуратно заплетенную подмышечку косу, но Василисе не было и дела до этого. Она ждала ответа.

Он пронзил ее голову огненными буквами, которые она не могла прочитать, но осознавала уже словами.

«ПОМОГУ, – говорил Солнце. – НО ТЫ ЧЕЛОВЕК. БУДЕТ БОЛЬНО».

– А тут я просто умру, – расплакалась Василиса, у которой болела каждая частичка ее, будь то кожа или косточки. – Помоги, Красно Солнышко.

Солнце проехал на несколько шагов вперед и остановился, когда Василиса уже потеряла надежду. Ей пришлось самой вскарабкаться на коня позади него, и ее руки тотчас покрылись пузырями, какие были в тот день, когда Власта будто случайно плеснула кипящей похлебкой.

Теперь она понимала, о чем говорил Солнце! Его конь, его плащ обжигали, и Василиса боялась даже подумать о том, чтобы коснуться его самого. Небось она бы вспыхнула точно древесная стружка!

Стиснув зубы, она прошипела:

– Едем!

И конь помчался вскачь, то ли торопясь поднять солнце на небосвод, то ли удирая от снова готовящейся к удару царь-птицы.

Вскоре они въехали в темную чащу, но прохлада леса совсем не трогала Василису. Ей было горячо так, словно ее с головы до ног облили кипятком. Она держалась изо всех сил и даже не пыталась открыть глаза, но силы ее подходили к концу.

– Благодарю, – сумела шепнуть она, кулем падая с коня в кусты.

Очнулась она от капель дождя, что поливали ее лицо и изломанное тело. Странно, но она сумела даже сесть.

– Батюшка всегда говорил, что я крепче, чем кажусь, – хрипло рассмеялась Василиса. – Где же ты, батюшка родненький, неужто не чувствуешь, как больно твоей кровинушке?

Мрачный лес не дал ответа, и Василиса со вздохом поднялась. Такую удачную палицу она потеряла прямо там, у гнезда царь-птицы, и теперь чуть не посбивала все пальцы и не стерла ладони в кровавые мозоли, пока выломала подходящую палку. Защищаться Василиса более и не мыслила – палка нужна была ей, чтобы опираться и идти.

– Ах, если бы только я была дорога Кощею и он бы отыскал меня тут, – вздыхала Василиса. Палкой она разгоняла мелкую нечисть, в своих горестных размышлениях не замечая, что идет все тверже. Силы к ней потихоньку возвращались. – Если бы я не полезла в опочивальню, сидела бы сейчас в Кошечевых хоромах да ломала голову над его заданием, – продолжала вздыхать она, отгоняя похожих на

скользких блестящих многоножек порчей. – Не забыла бы взять с собой куколку, не была бы сейчас одна-одинешенька на всю темную чащу. – Слезы сами закапали на землю, даже вытирать их у Василисы сил не было. – Да хоть бы Найден с его светящимися глазами тут был!

Она выкрикнула это в сердцах, да так громко, что с ближайшего дерева слетели птицы и с залиvistыми человеческими и очень недобрыми воплями понеслись прочь.

И тотчас перед ней прямо под ноги свалился череп.

– Ох-ох, где это я? – заворчал череп, потом увидел Василису. – Где это мы?!

– Подожди! – остановила его Василиса и что есть силы крикнула: – Куколка родимая, куколка милая! Приди!

Череп терпеливо молчал.

– Кощей! – заголосила Василиса, не теряя надежды. – Потерялась я!

Никто не откликнулся. По одному перебрала Василиса всех – от ворона до Кощеева подменыша, – только всадника Ночь не звала. И всадника Солнце тоже: еще болели ладони и опаленная жаром кожа.

– Это все потому, что неправильно я желания трачу, – заплакала Василиса. – Они берутся откуда-то, но вечно не те!

– Я-то чем тебе не угодил? – оскорбился Найден и блеснул огненными глазами. – Чай, тоже полезным быть могу, да и наконец я за воротами оказался. Уж удружила так удружила, Василиса!

Правда, когда Василиса водрузила его на дрын и повернула так, чтобы он мрачный лес разглядел, что подбирался к ним со всех сторон, череп поутих.

– Где это мы? – повторил он, но уже очень тихо, словно боялся накликать чудищ из глубины чащи. И Василиса его за это не винила. Ей и самой было боязно. Здесь было даже хуже, чем в том лесу, каким она пробиралась к Кощею, и немудрено: то была чаща между миром людским и Навью, а здесь была одна только Навь, да такая глубокая, где и Кощей, пожалуй, не каждый месяц бывал.

– Не знаю, – вздохнула Василиса. Плечи ее опустились. Плакать она устала, идти было страшно, а ну как к какой ведьме попадешь или к упырю на обед?

– А делать что будем? – не отставал Найден, ворочаясь на дрыне. – С какой стороны дом Кощея? Или... ты все-таки от него

сбежала?

Вроде бы и сил плакать больше не было, да залилась Василиса слезами. Увидит ли она снова Кощея? А вдруг и он тоже решит, будто сбежала она от него? И как потом последнюю службу служить и огонь навий в награду получить? Василиса совсем не понимала.

– Ясно, – проскрипел череп, – не сбежала. Ну чего тут реветь да нечисть к себе притягивать? Пойдем тогда.

Тут уж Василиса спорить не стала. Она смутно надеялась, что не ошибается и идет в нужную сторону, но тропинка перед ней постоянно крутилась, то исчезая, то появляясь, и поди пойми, куда она ее ведет.

– А что Кощей сделал, когда я пропала? – принялась расспрашивать череп Василиса. – Был в ярости?

– Был, – немедленно согласился череп, освещая глазами тропку. Хоть и день наступил, а в чаще все одно тьма держалась. – В такой ярости, ух лютой.

Некоторое время Василиса брела молча, а потом снова спрашивала:

– Или в тревоге был Кощей?

– Или в тревоге, – охотно соглашался и с этим череп, а после признавался: – Я не очень разбираюсь.

– Так может, ему и вовсе все равно было? – не отставала Василиса.

– Может, и все равно, – не спорил череп.

И так на каждый вопрос!

Одно радовало Василису: земля под ногами была твердой, а мелкие твари разбегались под лучами света из глаз Найдена. С черепом на дыне идти и впрямь стало куда легче!

Василиса уже осмелела и прикидывала, успеет ли она за этот день дойти обратно, чтобы вернуться вслед за черным всадником к Кощею, как услышала шум, словно что-то довольно крупное ломилось сквозь кусты.

– Медведь! – ахнула Василиса.

– Упырь? – предположил Найден и моргнул – на мгновение перестал светить глазами.

В этот момент из кустов и вывалился человек.

– Упырь! – пискнула Василиса и направила на него светящий глазами череп. И тут же разглядела, что никакой это не упырь, а

царевич. Не тот, что на болота полез за царевной, – другой. Но царевичи все были похожи друг на друга, а на упырей – нет.

– Царевич я, – дрожащим голосом произнес незнакомец и стиснул в руках лук, подтвердив Василисины догадки. – А ты кто, красна девица, почто одна по лесу плутаешь?

– Она не одна, – кляцнул челюстями Найден, заставив царевича сильнее вцепиться в свой лук и отступить в кусты.

– Я Василиса, иду к Кощею, – решила признаться Василиса: уж больно устрашающе выглядел царевич, торчащий из кустов. А ну как выстрелит! А Василиса не Кощей – от стрел не заговоренная! Погибнет тут в Навьем царстве, и не дождется ее батюшка вовсе.

– Царевна? – царевич снова вылез из кустов.

– Нет, – качнула головой Василиса. Оглядела себя даже, чем она на царевну похожа? На руках кожа от жара Солнца полопалась, ноги в ссадинах, платье грязное, коса и та вся растрепалась.

– Ну хоть лягушка? – не отставал царевич. Василиса ахнула от возмущения, даже слезы от обиды выступили.

– Ты, может, и царевич, а дрыном по голове все одно больно будет! – пригрозила только, чтобы совсем не расплакаться.

Лягушка, ну надо же! Не так уж она и измаралась, по лесам шастая!

Царевич дрына не испугался, закручинился только.

– Что же делать? – вздохнул он и кудри знакомым жестом пригладил. – Может, ты хотя бы та красна девица, что Ивану советом помогла? Он тоже про черепа все блажил, только по его памяти их больше одного было.

– Какой еще Иван? – Василиса нахмурилась, а дрын покрепче сжала. С ним как-то было спокойнее.

– Как «какой еще Иван»? – возмутился царевич. – Царевич-младший, что ж ты темная такая!

– Буду я еще царевичей запоминать! – Василиса хоть и смутилась, а виду не подавала. – Вас тут в лесу как грязи, ходите и ходите, пройти нигде нельзя, чтобы в царевича не уткнуться!

– Ну да, а Кощей один, – пробормотал под нос череп, но Василиса ударила дрыном об землю, и Найден замолк.

Царевич этого не услышал или же виду не подал, кто этих царевичей разберет! Только вздохнул еще горше и спросил:

– Может, ты хоть место знаешь, где Иван лягушку свою нашел?

Вот тут Василиса и поняла, про какого Ивана толкует царевич. Да того же самого, что кобылицу свою оставил на дворе Кощеевом и в болото полез! Кощей еще возмущался, что кобылицу эту поди прокорми, столько она ест. Грозился зачаровать, чтобы сама на чужие поля летала и там овес топтала. Знать, царевич этот не потоп и лягушку ту самую нашел, зря Василиса про него думала плохо, будто сгинет он в болотах.

А царевич сильнее закручинился и продолжил:

– Его лягушка как оземь ударилась – царевной обратилась. До того красивая и работающая оказалась, будто и не царевна вовсе! Только ведь не станет Кощей нецаревну на болоте в лягушачьей шкурке прятать, верно?

– Верно, – согласилась Василиса, – Кощей не таков. Прятать точно так не будет, разве что потеряет.

– Ну вот, – обрадовался царевич. – Может, там еще одна такая царевна есть? А то я уже и камень нужный прошел, повернул правильно, коня потерял...

– Какой камень? – не поняла Василиса. Сроду никаких камней не стояло на дороге, это же она просто так Ивану сказала, чтобы тот с конем в болото не полез!

– Ну точно сбывается то, что ты говоришь, – пробормотал Найден. – Только не все.

– Я уже заметила, – мрачно буркнула в ответ Василиса и зашептала, глаза прикрыв: – Пусть Кощей меня найдет, пускай он меня полюбит!

Ничего не происходило. Только тени, и без того закрывающие свет, тянулись и становились все длиннее и мрачнее, да огоньки чьих-то глаз сверкали за деревьями. Царевич же окончательно выбрался из кустов, нашел какой-то пенек и сел проверять тетиву, не ослабла ли, не отсырела?

– Не работает, – заметил Найден, устав от Василисиного шепота.

– Сама вижу, – яростно прошипела ему Василиса, а царевич снова пригладил кудри и откашлялся.

– Гляжу на тебя девица, уж больно ты хороша, ликом где надо бледна, где надо румяна, коса длинна, а глаза яркие. Как знать, может, ты все-таки царевна, а? Или хоть лягушка? Просто ты вот уже есть –

по болоту лазить не надо, а царь-батюшка спрашивать не станет, какого царства ты царевна.

Разозлилась Василиса. И откуда в ней только столько злости? Седьмицу назад она бы лишь обрадовалась: не Некрас и не Ждан – целый царевич замуж зовет!

– Лягушки закончились! – прошипела она. – Горлинку ищи. Летают тут такие птицы, жирные и сытные. Коли настреляешь много, голодным не помрешь. А коли какая заговорит с тобой человеческим голосом да попросит не стрелять, вот ту и неси в царские хоромы: станет тебе та зачарованная царевна верной женой!

– Спасибо, красна девица! – оживился царевич. Вскочил. Тетиву на луке натянул, стрелу подготовил да и исчез за деревьями, только его и видели!

– Ну вот, опять на других колдунство свое истратила, – возмутился Найден. – Раз сама с царевичем не пошла, хоть Кощея призови! Страшно тут, и вечереет уж.

– Тебе-то чего страшно? – пробормотала Василиса. Она снова едва не плакала. Будто не видит Найден, она и так и сяк пытается Кощея позвать, да не выходит! Словно сопротивляется ей навий царь, свое колдовство использует!

– Не плачь, Василиса, – попытался утешить ее Найден. – Чай у царя три сына, авось нам третий встретится еще до того, как коня своего где-то потеряет, – он и вывезет домой.

– А если нет? – Василиса собралась заплакать, но потом сообразила, что череп прав: вечереет. Неизвестно, кто ночью проснется, вдруг кто до девичьих слез падкий? Или кто не побрезгует ее и зареванную сожрать? Нет уж, потом поплачет, когда прощение будет у Кощея вымаливать.

– Значит, сами выйдем, Василиса. – Найден бодро вспыхнул глазницами. – Не та ты девица, чтобы в навьей чаще сгинуть!

И как с таким было не согласиться! Василиса отряхнула платье от налипшего за время пути сора и уверенно шагнула вперед. И надо было такому случиться, что именно сейчас земля под ногами провалилась и Василиса вместе с вопящим и сверкающим во все стороны огнем из глазниц черепом полетела вниз.

Глава 10

– Я стала слишком часто падать, – пожаловалась Василиса, очнувшись в полной темноте. Спину и ноги холодил камень, голова болела от удара – точно будет шишка. – Найден, ты тут?

– Тут, – проворчал череп.

– Ты живой? – Василиса села и прикусила язык. – То есть светить можешь?

Она вздрогнула и отшатнулась, когда прямо ей в лицо ударил поток света из глазниц Найдена. С трудом поднявшись на ноги, она шагнула к лежащему на камне черепу и подняла его, освещая все вокруг.

Они были в какой-то пещере, удачно свалившись на камни, а не в темную гладь воды, что была с обеих сторон от того места, где они находились. Василиса знала, какая студеная вода под камнями, и боялась, что упади она туда, могла бы и не успеть прийти в себя. Светло бы ноги, остановилось бы от холода сердце, да и утонула бы она, не очнувшись даже.

– Прибавь огня, Найден, – ласково попросила она череп. – Мне кажется, тут что-то не так.

– Тут все не так, – снова заворчал череп. – Мы должны были идти лесом, мимо нас бы поехал Ночь, и ты упростила бы его подвести до Кощея.

– Ну уж нет, – замотала головой Василиса. – Никуда я больше с Ночью не поеду. Он меня со своего коня сбросил так, что я с неба на двор упала.

– И разбилась небось на смерть. – Если бы череп мог ухмыляться, Василиса бы поклялась, что он это сделал.

– Насмерть не разбилась, – согласилась она. – Но...

– Пропахла колдовством, ровно когда должна была сестрицу заколдовать, – прервал ее череп. – И Кощей поверил, что это ты ее в свинью превратила, так?

– Так, – пригорюнилась Василиса. – Получается, я зря на него злилась и он мне добра желал?

– Получается, что так, – череп клацнул зубами, – или нет. Откуда я знаю? Знал бы я все, разве пошел бы живым к Кощею?

Василиса собиралась ответить, но в этот момент в едва рассеянном полумраке ей почудилось движение.

– Свети! – крикнула она и на вытянутых руках выставила череп подальше. Она успела зажмуриться, но все равно лицо едва не опалило, пока Найден не притушил жар.

Но теперь Василиса могла разглядеть стены пещеры и поняла, что ей неслучайно показалось странным это место. Стен не было, вместо них стояли огромные каменные великаны со зверскими, словно вырубленными топором, лицами, коренастыми туловищами, толстыми ногами и руками, достающими до земли. На плечах у них держался свод пещеры. И вот теперь они словно очнулись от вечного сна и начинали медленно просыпаться, поворачивать головами или моргать. Со свода пещеры от этого так и посыпались мелкие камни и даже крупные, что Василиса едва успела отскочить от одного размером с ее голову. Упадет такой сверху – мало не покажется!

– Великаны, – прошептала она, – разве они все не вымерли?

– Так мы и находимся под Навьим царством, – голос черепа чуть дрожал, но рассудительности Найден не терял. – Где им еще быть, как не здесь? Асилки – слышал я о них, но никогда не видел и рад бы дальше не видеть.

– Они опасны? – Василиса завертелась на месте в поисках выхода из пещеры и наконец увидела темный лаз. Для великанов он был бы ровно как мышиный, а Василисе всего и надо было, что чуть пригнуться.

– Сама подумай! – крикнул Найден. – Только думай быстрее. Если они начнут двигаться, все эти горы камня, песка и земли обрушатся на нас!

Василиса поскорее прижала череп к себе и побежала к темнеющему в глубине пещеры лазу. Ей нужно было пересечь озеро, и Василиса лишь надеялась, что там не слишком глубоко.

– Кощей, спаси меня, спаси меня, навий царь, не дай сгинуть, – раз за разом повторяла она, вбегая в воду и продолжая идти, коль не выходило бежать, сначала по щиколотки, потом по колено и вот наконец по пояс в воде. Как она и полагала, вода была ледяная.

Сводило от холода ноги, холод поднимался к сердцу, холодил руки, так что пальцы синели – того и гляди выронит Василиса череп!

А тут еще великаны-асилки пришли в движение, заскрежетали и загремели, начиная двигать руками и ногами, вертеть головами. Вокруг Василисы то и дело всплескивалась вода от упавших в нее камней, от совсем мелких увернуться не получалось, и они били по голым предплечьям, по спине и голове, запутывались в косе, хлестали по рукам.

– Василиса! – крикнул Найден. – Скорее!

Обессиленная и замерзшая Василиса в последний момент руками вперед, не отпуская Найдену, нырнула в темный проход, и только огромные пальцы одного из каменных великанов скользнули по ее ногам, но ухватить не сумели.

– Спаслись, – прошептала Василиса. Она свернулась клубочком, прижимая к себе теплый череп, и закрыла глаза. С закрытыми глазами ей казалось, что так теплее. – Я посплю... чуточку.

– Василиса, ты так замерзнешь, – заволновался Найден. – Василиса!

Но Василиса уже спала. Она спала так крепко и тяжело, что не слышала, как со скрежетом разошлись горы над ней, не увидела звездного неба, не встретила взглядом со всадником, что поднял ее на руки и такую, цепко прижимающую к себе череп, ободранную, обожженную и замерзшую до полусмерти, усадил на коня перед собой и помчался вихрем прочь от опасного места. Над волкодлакскими деревнями, над избами ведьм, над лешачьими полянками и мертвыми полями.

Василисе было тепло и спокойно, и последняя мысль, которую она помнила, была лишь о том, что если умирать так сладко, то она согласна.

Когда же Василиса снова очнулась, был уже день. Солнце светило в окно, щекотало щеки, забиралось под ресницы.

Василиса осторожно попыталась сесть и изумленно ахнула: ничего не болело! Ни побитые камнями руки и спина, ни обожженные ладони, ни косточки, что ныли после падения из гнезда царь-птицы.

Она огляделась, скорее подтянула пуховую перину повыше и задрожала, хотя в тереме было жарко. Только находилась она в башне

Кощей, в его опочивальне, и сам Кощей тоже был в опочивальне, слава небесам, не рядом, а у окна.

Только со спины поди разгляди: Кощей это или тот подменыш, что ей косы плел! И Василиса замерла, надеясь, что Кощей еще не понял, что она очнулась. Он же спиной стоит и что-то во дворе разглядывает!

– Очнулась, Василиса? – не поворачиваясь спросил Кощей. И по сухому голосу Василиса узнала – он, Кощей. Сердце забилося сильнее, и Василиса поспешила выпутаться из теплого кокона одеяла. На ней снова было другое платье, по покрою точно такое же, как два прежних, ни стежочка лишнего, но на этот раз темно-красное, до чего цвет богатый и красивый!

Но любоваться Василисе было некогда – она поскорее спустила ноги с перины и поднялась. Голова немного кружилась, но больше ничего не болело.

– Зачем поднялась, Василиса? – Вот теперь Кощей повернулся и уставился на нее своими невозможными глазами. Левый голубой, правый – зеленый. – Тебе бы до вечера полежать.

– Я чувствую себя хорошо, – уверила его Василиса и нервно обняла себя за плечи. – Как мне убедить тебя, царь, что я не сбежала? Не нарочно это вышло, я...

– Снова «царь»? – Кощей переместился так плавно, словно скользил по полу. Василиса моргнуть не успела, а он уже возвышался рядом с ней, снова цепко обхватив ее подбородок пальцами и заглядывая в глаза. Снова царапнули кожу длинные ногти, но Василиса не вздрогнула даже. – Мне нравилось, как ты зовешь меня по имени, Василиса.

– Что мне сделать, чтобы ты поверил мне, Кощей? – кротко, как когда-то учила мама, спросила она. Внутри же ворочался и рвался вулкан. Хотелось не выслужить, а заставить Кощея поверить ей.

Кощей же словно увидел отблески огня этого вулкана. Дрогнул кончиками губ и отпустил ее подбородок.

– Искушаешь меня, красна девица, – произнес он, задумчиво постукивая пальцами по своим тонким губам. – Но никакой лишней службы мне не надо: знаю я от ворона, что он тебя унес. Поспешил исполнить твое сокровенное желание, да не разобрался. Птица – что с нее возьмешь? А когда я прибыл туда, куда он тебя отнес, тебя там уже и не было.

«Искал! Тревожился!» – Как сумасшедшее забилося сердце Василисы. Она облизнула губы и произнесла как можно спокойнее:

– Прости, Кощей, но не знаю я, как с царь-птицей управляться. Пришлось самой пытаться вернуться.

– Все так, – кивнул Кощей. – Но искать пришлось тебя долго, я все царство вдоль и поперек проскакал, кто же знал, что ты сумеешь провалиться под землю.

Василиса не знала, что ответить, но ей и не пришлось. Во дворе раздался какой-то звук, словно один из великанов дошел сюда с ними и развалился на куски.

– Что это? – Василиса спросила и тотчас оказалась у окна.

– Сильно не высовывайся. – Кощей снова неслышно переместился за спину и положил руки ей на пояс, словно боялся, что она опять выпрыгнет или улетит с вороном. А может, и впрямь боялся.

Василиса во все глаза смотрела во двор. Где она еще такое увидит? На дворе стоял спиной к ним какой-то богато одетый человек, а перед ним – одиннадцать Василис! Все как одна на нее похожи: одинаковые платья, одинаково заплетенные косы и – Василиса готова была поклясться – даже родинка на щеке у всех одиннадцати там же, где у нее!

– Что это? – шепотом спросила она, боясь, что ее услышат во дворе.

– Царевич. – Василиса не смела верить в это, но ей показалось, что обычно сухой голос Кощея звучал так, словно происходящее во дворе ему доставляет удовольствие. – Тебя сватать пришел. Хотел украсть или отбить, но мы сошлись на загадке. Вот, угадывает, какая из них его суженая.

– А, – только и произнесла Василиса.

Приглядевшись, она поняла, кого ей напоминает царевич. Убрать бороду – и будет Иван, или как там второго? Прав был Найден: не миновать ей встречи с третьим царевичем! Права и она была: ходят и ходят, никуда от них не скрыться!

– Дай угадаю, что думаешь, – вкрадчиво шепнул ей на ухо Кощей. – Нехорошо обманывать царевичей? Ведь нет там тебя среди этих девушек?..

Василиса вздрогнула, почувствовав, как впились ногти в ее стан, когда Кощей сильнее прижал к себе. К тому же навий царь и впрямь

угадал ее мысли. Только часть.

– Есть немного, – согласилась она, глядя, как царевич наконец выбрал и ткнул пальцем в Лжевасилису, а та с тем же грохотом, как и первая, осыпалась камнем и песком. – Но с чего ему я понадобилась? Ни разу не видела его, Кощей, клянусь!

– Я знаю. – Кощей не ослабил хватку, но ногти перестали впиваться ей в кожу, и голос зазвучал ласковее. – Этот царевич – наследник престола, вот и захотел себе женой ту, что советы братьям давала, поэтому и пришел за тобой. А я разве обещал быть честным с незнакомыми царевичами?

Он замолчал, будто ее ответа ждал, и Василиса поспешно замотала головой: нет, не обещал никому такого Кощей.

– Запомни накрепко, Василиса, – продолжал говорить Кощей, – в Навьем царстве любой может лгать – от последнего упыря до царя. Но тебя я ему не обещал и в этот раз не солгал. Сказал, что, если постарается, найдет свою суженую.

– Там есть другая девушка? – Василиса чуть не выпала из окна, вглядываясь в десять Василис. Непонятное чувство шевельнулось внутри, точно очнувшаяся от зимней спячки гадюка. Пока Василисы не было, Кощей успевал не только яриться да тревожиться, но и полонить какую-то красну девицу, как знать, может, и царевну!

– Кобылица, – не стал мучить ее Кощей. – Та, на которой младший его брат прискакал, а ты эту кобылицу в моем дворе оставила. Говорю же, прорва ненасытная, а не лошадь. Я уже почти придумал, как летать ее научить, да пусть бы чужие поля разоряла, а тут царевич так удачно перед воротами встал и давай царевну требовать. Кому и кобыла – жена, чем не царевичу? Работящая, а что молчаливая, так со временем еще и рад будет!

– А не расколдуется обратно? – испугалась за царство Василиса, а потом еще пуще напугалась. – И кобыла с моим лицом царевной будет?

– Не расколдуется, – успокоил ее Кощей. – Моего колдовства лет на сто хватит, если только суженый ее не полюбит и не поцелует. Настоящий. А царевна вряд ли с конем целоваться станет, так что будь за царство спокойна. Это с людьми такая беда: в кого не зачаруешь, а все одно – найдется, кто расколдует. Любо людям то с лягушками, то с

птицами миловаться. Что до лица, то пока до царевых хором доберутся, маска изменится. Похожи будете как ты с сестрами.

– Мы с Властой и Белоликой неродные, – буркнула Василиса.

– Вот именно, – согласился Кощей.

Тем временем царевич совсем отчаялся, но наконец ткнул последний третий раз в Василису, а сам глаза зажмурил и отступил, чтобы пыль глаза не разъедала. И надо же, с Василисой ничего не случилось, а остальные девять исчезли, как утренний туман!

Схватил царевич свою Василису в охапку и бегом с Кощеева двора. Вскоре только пыль столбом и указывала на то, что кто-то ускакал прочь. Ну хоть этот коня не потерял, точно наследник престола!

– А теперь продолжим про твоих сестер. – Кощей развернул Василису к себе лицом и нахмурился. – Кобылица – полбеде, но Белолика за те дни, что ты потеряла, извела визгом весь двор. Так что третья и последняя служба...

– Дни? – перебила его Василиса и тоже нахмурилась. – Но меня не было всего день! Даже Ночь еще не проскакал мимо меня, когда я упала в пещеру!

– А потом три дня и три ночи ты лежала ни жива ни мертва, пока я не добыл живой воды, – Кощей смотрел мрачно. – В Нави много источников мертвой воды и лишь один – воды живой, и добраться туда непросто. Постарайся больше не пытаться умереть, Василиса.

Василиса только молча кивнула. Язык ее прилип к небу – ни слова выговорить не получалось. А Кощей словно не замечал ее проблем, погладил по щеке и продолжил:

– Раз уж ты и впрямь сумела встать и силы к тебе вернулись, то я все же озвучу последнюю службу. И на выполнение ее у тебя больше времени: я уеду сейчас и вернусь только утром.

Василиса кивнула. Солнце за окном стояло ровно посередке неба, до вечера еще было время, и целая ночь впереди.

Она снова обхватила себя руками за плечи. Зябко. Что за задание даст Кощей, что на него времени столько потребуется?

– До моего приезда ты должна убить эту свинью, – жестко произнес Кощей, и по сверкнувшим глазам – почти выцветшему бледно-голубому и до черноты потемневшему зеленому – Василиса поняла: это не шутки. И отказываться не стоит, если она не желает

очутиться где-то похуже того места, откуда ее вытащил Кощей. – Никаких отговорок и отсрочек, Василиса. Я ждал долго. Оставляю за тобой право выбрать способ, и только.

Василиса стояла ни жива ни мертва.

– Поняла меня, Василиса? – снова заглянул ей в глаза Кощей, и дрожащие губы Василисы приоткрылись.

– Да, – только и ответила она, мечтая лишь о том, чтобы вернулся царевич и вместо кобылицы увез ее с собой.

– Вернусь сразу после Ясного Дня. – Кощей поправил корону, еле заметно кивнул и вышел. А Василиса осталась в его опочивальне словно хозяйка, но ни радости, ни страха это больше не вызывало. Мысли сами по себе возвращались к заданию.

Убить Белолику. Ту самую, что сыпала ей в суп отраву вместе с матерью и сестрой. Ту самую, что воровала ее иглы и в одежду сыпала перец, которого батюшка привозил всего несколько щепотей.

Василиса упала на перину и залилась слезами. Может, лучше бы она погибла в клюве царь-птицы или в руках каменного асилка? Как ей убить свинью, когда в ней нет ни капли волшебной силы?..

Василиса охнула и села. Как она могла позабыть о своей куколке? Словно заморозил кто-то. И куколка, не кормленная столько дней, как она там?

Позабыв о незавидной судьбе сводной сестры и о своей собственной, если она не справится, Василиса бросилась прочь из башни на поиск дорогой подружки. Куколка и совет даст, и поможет. Как знать, может и найдет она выход!

Глава 11

Вихрем Василиса слетела по ступенькам, миновала терем и светелки, и откуда силы такие, когда только-только при смерти лежала! Чудна живая вода, жаль, не знала Василиса о ней, когда матушка ее заболела, может, и спасла бы ее...

Грустные мысли заставили замедлиться, но куколку Василиса увидела сразу. Она так и сидела в углу лавки, как ее оставили. Василисе стало стыдно, как не бывало давно. Как она так могла забыть о мамином подарке, оставить ее в Кошечьих хоробах, да и платок матушкин тут лежал, без него она из окошка сигануть собиралась!

Василиса опустила на лавку, уже привычно разгладила складки и морщинки и попросила:

– А подай мне, скатерка, тех яств, что подруженька моя больше прочих любит, что куколку мою прежде других порадуют!

Скатерть-самобранка словно и сама по работе соскучилась: накрыла стол так, что ломился он от снеди, и чего только не было – глаза разбегались! И дичь, и пироги-расстегаи, и напитки хмельно-согревающие.

Давай Василиса куколку потчевать. И одно сует, и другое – не ест куколка! Замерла как неживая, глазами стеклянными не посмотрит, ни пальчиком не шевельнет. Неужто обиделась?

– Ты прости меня, подруженька дорогая, – испугалась Василиса. И не задание невыполненное ее пугало, а что останется она одна-одинешенька, коли куколка ее покинет. – Не со зла я тебя оставила, не одной корысти ради вспомнила. Но беда у меня. Дал задание Кощей, чтоб непременно извела я Белолику, да до завтрашнего утра. Не справиться мне без тебя: колдовством я не владею!

Молчит куколка. Уж и слезами ее Василиса поливала, и хмельными напитками уговаривала. Молчит, не двигается.

Стала Василиса думать, как такое случиться могло? Уж не могла куколка так на нее обидеться!

– Может, только одну беду исправить ты могла, и я свое желание так бездарно потратила? – вслух произнесла Василиса и лицо руками закрыла. – Ох, что же мне теперь делать?

– Василиса, чего голосишь, только на ноги поднявшись? – раздался знакомый хриплый голос. Василиса вскочила, продолжая куколку к груди прижимать. Найден! Как же она и про него забыла! Неужто так сильно головой ударилась, что все памятки и выскочили? Или наворожил кто?

– Найден! – воскликнула она радостно и тотчас повинилась: – Над куколкой своей я слезы лью: не ест, не пьет, и совета не допросишься. Точно мертвая!

Заплакала она, вспомнив, как тепло ей рядом с куколкой было, словно привет материнский через года она получала. А череп засмеялся хрипло, глазницы его засияли мрачным синим огнем.

– Уж не обессудь, красна девица, да только разгадал секрет твой про куколку Кощей: ты ж, когда в беспамятстве была, все бормотала, что куколка у тебя голодная. А Кощей с первого же денька в ней магию чуял. Накормил Кощей твою подружку да и запер, чтобы помочь тебе точно не смогла! А где спрятал, не серчай, не подскажу, Василиса. Уж Кощей на такие загадки большой умелец.

Ахнула Василиса и покрепче к куколке пригляделась – так и есть. И стежочки на сарафане другие, и на сапожках не бисер да стеклярус, а камни драгоценные, и глаза стеклянные светлее, почти точь-в-точь как у Кощей!

Поставила куколку Василиса на место да на всякий случай лицом в угол повернула и решила у Найдена спросить, как ей быть.

– Я же сама колдовать не умею, неужто от меня ждут, что я просто прирежу несчастного поросенка? Найден, может, ты знаешь, как мне ее извести?

Вздыхнул Найден, потухли его глаза. А Василиса только и вспомнила, что Белолика его дочь. Совесть ей стало: это ж что она предлагает – ему дочь убить! Пусть Белолика с Властой матери и помогли его к Кощею на смерть отправить, а все одно – дочери.

– Зря я спросила, – вздохнула Василиса. – Самой думать надо. Прости, Найден.

– Это ты меня прости, Василиса, – немедленно откликнулся череп. – Покумекаю я, может, какая мысль и придет в голову. Только зря ты думаешь, будто колдовство творить не можешь: уж в тебе-то колдовства поболее, чем в Милице будет.

– А разве Милица не ведьма? – удивилась Василиса, даже горькую думу ненадолго позабыла. – Чистая ведьма!

– Э, не, – рассмеялся череп. – Отвар ядовитый варить да глаз дурной иметь – невелика наука. А вот ведовства в ней нет: не ведает она, что творит. А твоя мать ведала. И колдовства в Милице нет: как она кошек ночами на перекресток дорог ни носила, как петухов ни резала и в крови ни мазалась – не дадено ей сил колдовских.

– Разве так бывает? – не поверила Василиса. – Раз варит яды и может сглазить, мало разве, чтобы ведьмой стать?

– Мало, Василиса, ой как мало! – усмехнулся череп. – Смотри, Василиса, мне после смерти многое известно стало.

И глядь Василиса, а прямо посреди скатерки, с которой уж все яства исчезли, домик точно игрушечный, такой как у них, да не такой, и полупрозрачный. А в домике девица растет. Волос черен, глаз темен. И девица, и родители ее, и братья с сестрами – все едва ли с мизинчик, а домик весь с ладошку. Смотрела Василиса, как девица украдкой вранов глаз да волчью ягоду собирает, и вспоминала, как матушка ласково ей в руки только малину да калину брать позволяла, как по ладоням гладила, как пальчики маленькой Василисы в кулачок складывала.

Вот на скатерке Милица маленькая визжит от ярости, ногами топает, руками во все стороны дергает, и поди пойми, что не по нраву девчонке, которая мизинца меньше! А Василиса другое вспоминала, как сама плакала, когда раков батюшка наловил, а ей не позволил в садок полезть, и как тучки над ними начали собираться, а матушка по голове погладила, в щеки расцеловала, а потом и баюкала, как маленькую. Дождь так и не полился.

А на скатерке Милица зелье варит: комаров потравить хочет. Против воли улыбнулась Василиса. Кто же от комаров да мошки избавиться не хотел, особенно если на реке рыбачить или на покосе работать?

Только Василису мошкара не беспокоила: легкий ветерок ее сносил, и не заметишь, а то и дождь загонял гнус под деревья, а работать Василисе не мешал. В такие дни матушка строже прежнего просила быть кроткой да слушаться старших. Тогда Василиса не понимала, зачем матушка ее так учит, – сейчас вот догадываться начала.

Росла на скатерке Милица не по часам, а по минутам, и память Василисы раскрывалась словно крылья бабочки, будто прикрывал кто ее, эту память, а теперь Василиса о себе вспоминать все начала: как маленькая ветру косы заплетала, как с забора падала, а ветер ее подхватывал, как ладошки лодочкой складывала, а тучка туда градинки горстями кидала. Прямо летом!

И как же приятно было холодные градинки, словно хрустальные горошинки, во рту катать, пока не растают!

Василиса не заметила, как слезы покатались по ее щекам. Она смотрела на Милицу, что росла перед глазами, ядами отваживала от завидных женихов подружек-красавиц, что потом животом маялись, с лица худели или вовсе в землю попадали. Как варила приворотные отвары Милица, которые как-то так же работали с женихами: кто с лица спадал, а кто и в землю уходил. Пока не отчаялась и не добыла настоящего приворотного зелья у ведьмы. Но Василиса даже не смотрела, что это за ведьма была да как Милица влюбила в себя Найдена.

Она вспоминала, как мама завязывала какие-то узелки на ее ладошках, как заплетала волосы, и после этого ветер перестал подставляться под ее руки, а упасть с забора на сухую землю было дюже больно.

Матушка спрятала ее силу, скрыла ее память, защитила от глаз недобрых, от людей завистливых. Только вот не от всего сумела спасти и себя саму не спасла.

– Видишь, никакая она не ведьма. – Снова потухли глаза Найдена, и исчезла крошечная Милица и весь дом ее со скатерки. А Василиса не заметила даже!

Она сглотнула сухой ком, вставший в горле.

– Вижу, – с трудом разлепила она губы. – Помню.

«Что же ты наделала, матушка, как же мне теперь себя вернуть?!» – подумала она с отчаянием и еще горше расплакалась.

– Меня никто быть колдуньей не учил, – сквозь слезы пояснила она. – Вспомнила я, что есть во мне силы, а как пользоваться ими – не знаю. Не разобраться мне за вечер и за ночь!

– Да, беда, – согласился Найден, и вдруг глаза его вспыхнули ярким светом. – А если Тень призвать и его попросить помочь? Тень без ума от тебя, авось и сумеет подсказать али посоветовать!

– Тень? – повторила Василиса настороженно. Про тени Василиса знала, чай не такая темная, как царевичам казалось. Солнце коли на небе, но не в самой середине неба, то каждый – будь ты человек, животное али дерево – отбрасывал тень. Тень была у всего. Говаривали, что у упырей нет тени, но Василиса не так была любопытна, чтобы это братья проверять. И уж точно Василиса ни с одной тенью дружбы не водила, даже со своей.

Странно, вроде Найден был костью, и, кроме челюсти, ничто в нем не двигалось, а Василиса меж тем стала легко улавливать его настроение. И вот сейчас череп был страшно смущен.

– Тень... э-э... Кощея, Василиса, – признался наконец он. – Как тень колдуна, он может существовать отдельно, и в него Кощей слил свои чувства, что ему мешают быть навьим царем. Поэтому Тень мягче и человечнее, хоть и вовсе не человек.

Василиса моргнула.

– Косу заплетал мне он? – тихо спросила она.

Череп мигнул синим светом, словно кивнул как умел. Василиса прикусила губу. Помолчала.

– И по дому водил меня он? – еще тише спросила она. И снова мигнул череп, словно становясь меньше.

А Василиса еще дольше молчала. Щеки ее медленно заливал румянец, когда она наконец набралась отваги и спросила совсем тихо:

– А целовал и обнимал – тоже он?

– Нет! – громко выкрикнул череп. – Это уже сам Кощей.

И замолк. Потухли его глаза, да и весь Найден словно прикинулся обычным черепом, вовремя не похороненным вместе с прочими костями.

Только Василису таким провести уже было нельзя.

– Ладно, – выдохнула она, поправила платье, пригладила волосы, – рассказывай, как Тень вызывать! Он же небось все время с Кощеем! И разве он не выдаст меня?

Василиса запоздало испугалась. Не то чтобы она обращала внимание на свою тень, да только как можно не знать, где она и есть, рядом или нет?

Но Найден словно подслушал ее мысли.

– А ты как же, Василиса, часто на тень свою оборачиваешься и проверяешь, тут она или нет? – насмешливо спросил он. – И точно

знаешь, что она думает и о чем мечтает?

Василиса против воли покосилась на свою тень. В клетки оконца были меньше, чем в светелках или в башне, так что и тень была зыбкая, еле видная. Неужто и она чего-то своего хотела, о чем-то мечтала? Может, и она ночами бегала за околицу целоваться, пока сама Василиса была вынуждена сидеть дома? И уж не с Некрасом небось, а с Миролюбом или Тишилом! Как бы только узнать?..

Остановилась Василиса. Никак ей не узнать, пока не поймет она, как колдовские силы свои разбудить!

– Рассказывай, как Тень вызывать, – повторила она. – Я готова.

– Только снова в окно не сигай, – предупредил череп. – В догонялки бегать времени нет, да и живую воду Кощей в первый раз на тебя извел.

– Запомню, – свирепо ответила Василиса. Время бежало, вот-вот вечер наступит, а за ним и ночь! Надо скорее было силы свои вернуть да науку колдовскую постичь.

– Просто топни ногой и потребуй, чтобы Тень перед тобой появился, – торопливо пояснил череп. – Пока ты в доме Кощея, его слуги откуда угодно тебя услышат.

Так Василиса и сделала. Поднялась на ноги и топнула босой пяткой по полу.

– Встань передо мной, Тень Кощея! – потребовала она звонко. Не верилось ей, что с первого раза получится, чай тоже колдовство, а в колдовстве у нее руки были связаны. И от того едва не вскрикнула от испуга, когда словно соткался перед ней силуэт: сначала будто и впрямь тень встала, но вот расправились линии, наполнились цветом и объемом, напитались живыми соками, и перед Василисой стоял точь-в-точь Кощей.

Только глаза наоборот: какой зеленый, а какой голубой. Но это Василиса и без того знала. Она боялась, что снова придет в ужас, ведь какого страху нагнал на нее той ночью, когда унес ее от беды ворон. Но нет никакого страха.

Да и Тень вел себя иначе. Склонился до руки ее и пальцев губами коснулся. Станный какой, кто же пальцы целует! Коли кланяться горазд, то кланяйся, а коли любишь, то ладонь целуй. Но говорить этого Василиса не стала. Уж больно не хотелось ей знать, чего Тень к ней питает!

– Чего изволишь, Василиса? – мягким голосом спросил Тень.

– Сначала ответь, почто преследовал меня, косы плел да ласковые слова говорил, – нахмурилась Василиса. – Раз ты тень, то на что тебе я, живая?

Тень Кощея дрогнул губами, точно он сам, руки Василисины в свои взял.

– Я не просто Тень, Василиса, – мягко промурлыкал он. – Я и часть Кощея, и сам по себе. Кощея не раз пытались убить женщины, заманив его в сердечную ловушку, вот и решил навий царь себя от опасности уберечь. Как Марья Моревна его чуть не убила, так и отдалил он мягкое и доброе, что в нем оставалось, да спрятал в меня. Вот и вышло, что он сухой и бездушный, а я ласковый и сердечный.

Он задумался, а Василиса смотрела на его руки. Большими пальцами он поглаживал тыльную сторону ладоней Василисы, а она не чувствовала ничего, кроме щекотки.

– Ну, ласковый и сердечный по сравнению с ним, что и говорить, – наконец признался Тень, не дождавшись ответа Василисы. – Погляди на меня и скажи честно, не тая, Василиса. Разве ж я не лучше Кощея? Разве ж не больше тебе нравлюсь?

Василиса вырвала руку из его цепкой хватки и шагнула назад. Глаза Тени манили и обещали скрыть все тайны, припрятать все секреты, но секрет у Василисы был только один, и он вряд ли мог утешить Тень. Потому как сейчас Василиса поняла крепко как никогда: каким бы ласковым и нежным ни был преданный Тень, а без сухого и извительного Кощея он вовсе не был ей нужен.

– Ты мне зубы не заговаривай, чай не болят, – сухо ответила она, будто сам Кощей говорит, даже отшатнулся Тень, и на мгновение глаза его поблекли. – Я тебя для дела позвала. Дал мне Кощей задание – Белолику извести и времени только до утра. Вот и позвала я тебя помочь мне.

Потарабанил пальцами Тень по губам. Вроде точно такой жест, как у Кощея, а не дрогнуло ничего у Василисы, сердце не забилося как сумасшедшее, взгляд к губам чужим не прикипел.

– Я бы мог и сам извести сестрицу твою, один щелчок – и нет никакой Белолики, да только Кощей сразу мое колдовство почует: мы же с ним одно целое, пусть и на неравные части разделенное, –

признался Тень. – Так и братья-всадники тебе не помощники: и их силу он почувствует и поймет, что помогали тебе.

– Мне и не нужно, чтобы ты за меня поколдовал, – усмехнулась Василиса так, что Тень еще на шаг отступил, словно почудился ему в ее улыбке навий царь, сам Кощей. – Мне нужно, чтобы ты меня научил. Я все вспомнила, Тень. Текла по моим венам сила колдовская темная, умели мои руки колдовство создавать. Но вот как это вернуть да как самой новому научиться – не знаю. В этом мне помочь сумеешь?

Посветлело лицо Тени.

– Отчего не суметь, – уверенно ответил он. – Тебе только и надо, Василиса, что пальцами щелкнуть да представить, что ты сделать хочешь. Потренируйся вон на черепе.

– Я скорее на тебе потренируюсь, – буркнула Василиса. – Придумал тоже! Кто же на товарищах колдовство тренирует?!

– Ну тогда... – Тень огляделся. – На этой куколке?

Хоть и знала Василиса, что кукла не ее, а просто двойник, а все одно – рука не поднималась, и она помотала головой.

– Тогда на вороне! – обрадовался Тень. – Он тебя утащил на другой край царства, ты чудом не погибла!

И снова помотала головой Василиса, мысленно благодаря Найдена за то, что он растолковал ей, почему ворон так поступил.

– Нет уж, буду учиться на... на... на подушке! – заявила она.

– Это не слишком по-злодейски, – с легким смешком заметил Тень. – Кощей таким не впечатлишь, если ты об этом думала, Василиса.

– Вот еще, – фыркнула она, хотя сердце больно кольнуло. – Очень мне нужно кого-то впечатлять. А ты не болтай – неси подушку. Самую красивую и кружевную из опочивальни Кощей. И побыстрее!

И еще раз ногой топнула, чтоб наверняка. И почувствовала себя очень злой! Но пока обычной.

Глава 12

– Может, я просто неспособная? – простонала Василиса спустя час и присела на лавку, спиной в стену уперлась и глаза прикрыла. Умаялась она страшно, а толку ноль. Подушка была уже вся в пыли, побывавшая во всех темных углах, и даже Тень признал, что так использовать любимую подушку Кощея, у которого наверняка будет болеть голова, если он уснет на ней, очень по-злодейски. Только Василиса прекрасно понимала, что он ее просто утешает. Сделать подушке хоть что-то с помощью щелчков никак не удавалось.

– Как знать, вдруг это колдовство только на живые предметы действует? – попытался утешить ее череп. – Возьми букашку какую, или пусть Тень тебе зайчонка из леса принесет.

Василиса замотала головой. Нет уж, она даже Белолику извести не может колдовством, а зайчонок в чем виноват?

– Может, ты щелкаешь неправильно? – предположил Тень. – Давай вместе попробуем. Поднимайся!

Не хотелось Василисе вставать, но делать нечего. Скоро уже вечер, а она совсем нисколько не сдвинулась в выполнении последней третьей службы. Страшно подумать даже, что Кощей сделает, если она не справится! Василиса даже думать об этом боялась. Одно она точно знала: даже если он ничего не сделает, но краешки губ его пойдут вниз, а не вверх, и в разноцветных глазах отразиться хоть тень разочарования, она этого просто не вынесет и ее сердце разобьется.

Тень подошел к ней со спины, левую руку своей накрыл, правой же за пояс ухватился: то ли сам упасть боялся, то ли ее придерживал. Осторожно, касаясь лишь ладонью и подушечками пальцев, чтобы не впиться длинными ногтями. А Василисе стало грустно. Учи ее колдовству сам навий царь, разве так она бы себя чувствовала?

Руки бы жарило от близости чужого тепла, она бы тянулась уткнуться в грудь Кощею и дрожала даже от мысли так сделать на самом деле. Слушала бы ровное биение чужого сердца и суматошное – своего.

– Василиса, – прервал ее мысли вкрадчивый голос Тени, – щелкни пальцами. Вот так.

Он накрыл ее пальцы руками и свел их вместе.

Но Василиса подумала о Кощее, и у нее снова ничего не вышло. И снова. И снова.

Она только и думала, что будь с ней Кощей, он бы уже разозлился. Сурово нахмурил бы брови, развернул ее к себе... и поцеловал. А у нее обязательно вышло бы колдовство, потому как его поцелуи снова зажгли бы в ней огонь, который не потушить ветерком: нужна темная буря.

– Ничего не получается. – Тень нехотя отпустил ее и отошел в сторону. – Придется использовать последнее средство. Если ты не испугаешься, Василиса.

– А что это за последнее средство? – с подозрением спросила Василиса, не спеша радоваться. Еще дюжину дней назад оскорбилась бы мыслям, что она чего-то испугается настолько, что откажется делать. Но она шла через темную чащу. Дважды. Убегала от царь-птицы и падала с неба, а еще тонула в ледяной воде. Нет, она потерпит с ответом!

– Если не можешь найти выход своей магии, то надо пойти в темную чащу и найти в ее глубине самое сердце. Там и колдовство отыщешь, и оно к тебе вернется, – Тень вздохнул. – Но там тебя тоже могут ждать испытания, и как бы не пожалеть тебе о своем желании узнать больше.

– Без сомнений, ждут, и точно пожалею, – пробурчала Василиса, с легким стоном растирая уставшие пальцы. – Мог бы и раньше сказать – мне бы не пришлось на ночь глядя в лес соваться. Как я хоть пойму, что это сердце чащи?

– О, ты точно поймешь, – как-то очень тяжело вздохнул Тень. – Не бойся заблудиться, просто пожелай вернуть свои утерянные силы, и сердце чащи само потянет тебя к себе.

– Возьми меня с собой, Василиса! – предложил Найден. – В темной чаще может быть довольно... темно.

– Я с вами не пойду: мне без Кощея туда пути нет, – горестно добавил Тень. – Идти туда полдня или полночи, но коли ты колдовством овладеешь, то вернешься куда быстрее. Щелкнешь пальцами, желая оказаться у ворот, – и там окажешься.

– Да я уж нащелкаю такого... – Василиса так и не поверила, что это поможет, только вот выбора не было: без колдовства она разве что

зарезать Белолику могла или в лес отпустить да надеяться, что ее волки сожрут. Только Белоликой и волки могли побрезговать, а Кощей не шутил, давая ей такую службу.

Василиса вышла за ворота и не оглядываясь пошла к темным деревьям. Не в ту сторону, откуда она пришла из деревни, но и не туда, где начиналось Навье царство. Черепа еще не светились, всадник Ночь еще не проезжал, но небо уже посерело, а под сводами лохматых могучих елей было темно, словно ночь уже наступила.

– Вовсе и не страшно, – бормотала Василиса под нос, неся перед собой дрын с черепом. – Упырей нет, ям нет, просто по лесу гуляю. Может, ягод насобирать? Своими руками пирог приготовить, не на скатерти, тесто завести, в тепло поставить. Хороша скатерка, но хлеб подает уже испеченным, хлебного духа на все хоромы не получить. А как надышится тесто, да раскатать его тонко, выложить ягоды вареные, накрыть, проткнуть лучинкой да и поставить в печь...

– Василиса! – не выдержал череп. – Не мучай ты меня, я же пить и есть не могу!

Замолчала пристыженная Василиса, и дальше они шли в тишине. В этой темной чаще не пели птицы, не скакали зайцы и не трещали белки.

– Видят небеса, если встретим царевича какого или старушку, которой помочь надо, я буду бить их этим дрыном, пока не выдохнусь, – призналась Василиса. – Уж больно это места небывалые, нечего тут людям делать.

– Это точно, – прошептал Найден, словно ему и вовсе было страшно подавать голос. – Тут только нечисть всякая водится.

– Вовсе не только нечисть, – раздался позади них голос.

Василиса резко обернулась, выставляя вперед испуганно вспыхнувший глазами череп, но никого не было.

Зато слышался смех, который раздавался сразу со всех сторон, отражался от деревьев и поднимался к небу.

– Кто ты? – крикнула Василиса. Она стащила Найдену с палки и водрузила себе на голову, а сама обеими руками обхватила дрын и замахала им, точно булавой. – Покажись!

– Увидимся у сердца чащи, Василиса, – снова рассмеялся голос. – Тебе осталось совсем недолго.

И снова наступила тишина.

– Что-то я уже не очень хочу это сердце чащи видеть, – нарушил молчание Найден. – Василиса, я очень хочу помочь тебе, но...

– Мне тоже кажется, что сердце чащи я должна увидеть одна, – прервала его попытки оправдаться Василиса. – Только где мне тебя оставить, чтобы медведи не утащили?

– Меня не утащат, – успокоил ее Найден. Едва он понял, что идти никуда не придется, так сразу же к нему вернулось хорошее расположение духа. – Сумею отбиться. Ты за мной вернись, главное.

Василиса прекрасно услышала, что он на самом деле хотел сказать: «Ты вернись, главное». Что же, тут она была с Найденом согласна: вернуться надо было обязательно просто потому, что ее ждал Кощей. Ведь ждал?..

Василиса пожалела, что не взяла оружия, которое предлагал Тень, не взяла «малость порченную кем-то» шапку-невидимку. Даже скатерть-самобранку не взяла, только попросила суму, хлеба в нее да кувшинчик с водой. Огня с собой не брала, ведь у нее был Найден, и сейчас ей предстояло идти в сумерках. Можно было попросить его поджечь палку, но Василиса чуяла: против ее врага огонь не поможет.

Сердечно попрощавшись с черепом, Василиса двинулась вперед и прошла едва ли два десятка шагов, как вдруг вынырнула из густой чащи на берег озера и застыла на месте. Что это было за озеро! Гладь его, несмотря на конец лета, не поросла ряской или камышом, не была украшена белоснежными крупными или желтыми, как осколки солнца, мелкими кувшинками. Ни уток, ни водомерок или водяных жуков в озере было не видать. Его поверхность была гладкой и ровной, точно зеркало. Никаких кустарников и ив, на которых так любили резвиться русалки в русалии, здесь тоже не росло, и лишь одно дерево позволяло воде лизать корни.

Но какое это было дерево! Василиса никогда в жизни не видела такого гиганта. Казалось, что в его ветвях запутались облака, а корни уходят к самой середке Земли. Кора его бугрилась и складывалась в неясный рисунок, мощные ветви были увенчаны темно-зелеными и золотыми листьями, меж которых поблескивали еще неспелые желуди. Весь ствол было не обхватить и хороводу из дюжины человек, но на дубе том висела цепь, обвивающая его крест-накрест несколько раз и уходящая куда-то под крону.

– Нравится, Василиса? – раздался насмешливый голос, тот же самый, что она слышала еще в лесу. – Вот оно, сердце самой темной чащи. Самое заповедное место, сюда не каждый может дойти, ведь подобраться к этому озеру, значит, и подобраться к ключу от жизни Кощея. Кощей такое не прощает.

Василиса обернулась и увидела воительницу. Волосы у воительницы были русыми, отливающими темным золотом, коса в руку толщиной. Глаза как изумруды блестели и такие же холодные. Брови вразлет. На бледной идеальной коже словно кровью свежей нарисованные губы изгибались луком. И поняла Василиса, кого видит, ничуть не засомневалась, ни на ноготок от мизинца.

– Нравится, Марья Моревна. – Так и тянуло поклониться: не каждый день богатырку старины глубокой встречаешь, но удержалась Василиса, не прогнула спины. – И озеро красивое, и дуб хорош. Только я сюда не за жизнью Кощея пришла, а за самой собой. Себя мне найти и вспомнить надо, а жизнь Кощея мне без надобности.

Подошла Марья Моревна ближе, точно лебедушка белая подплыла.

– Так уж без надобности, Василиса, – пропела она, точно медом лила, а на губах Василиса лишь яд горький чувствовала. – В глаза смотри, красна девица. Все я в них прочитала, все твое сердце. Жизнь Кощея тебе дороже своей стала, да только тебе ее и коснуться не дано: ликом ты не вышла.

Побледнела Василиса, покачнулась, будто ударила ее Марья Моревна. И ответить нечего было, чай Марья-то законной женой Кощея была, пусть и триста лет назад. А Василиса всего и похвастаться могла, что парюю поцелуев.

Ничего не ответила Василиса, устояла на ногах, а Марья Моревна еще ближе подплыла посуху, точно по морю.

– За последние триста лет, как думаешь, Василиса, много ли царевен, цариц, купеческих и боярских дочерей перебывало в тереме Кощея? По глазам вижу, что знаешь. Много. А уж богатырок и простолудинок и вовсе не счесть. Какие среди них красивые бывали, Василиса! – И Марья Моревна зажмурила глаза, словно вновь представила соперниц. – У одной волосы – чисто золото, у другой глаза – бездонные океаны, а третья так и вовсе – где надо кругла, где

надо гибка. Неужто поверила ты, будто станешь для него особенной, будто ради тебя он сотни красавиц позабудет?

Промолчала и тут Василиса. Не раз и не два она сама вспоминала ныне пустые светелки и гадала, когда там снова появятся жилицы? Правда, все реже она верила, будто Кощей специально берет в полон девиц, – больше выходило, что сами они находили заповедные тропы и рвались к навьему царю. Зачем – об этом Василиса думать не желала, но Марье Моревне до ее желаний не было никакого дела.

– Кощей Бессмертный вечно молод, – продолжала терзать ее сердце Марья. – Неужели и впрямь ты думаешь, будто никто не пытался украсть его сердце? И пусть его сердце разбила и забрала осколки я, попытки могли быть очень приятными.

Марья Моревна подвигала красивыми бровями, которые сейчас Василисе больше напомнили уродливых мохнатых гусениц, отощавших от голода и отравивших ядовитые тонкие жала, и расхохоталась.

Василиса почувствовала, что и ее собственное сердце осыпается осколками. Разве не права Марья, разве не об этом и она сама думала ночами?

– Он мне сказал, что никого не целовал триста лет! – все-таки попыталась защититься она и тотчас поняла, какую ошибку совершила, но было уже поздно.

– Милая моя, – теперь Марья стояла так близко, что позволила себе ласково провести по щеке Василисы, словно жалея, – припомни-ка, что он еще тебе говорил. Ты сумеешь, я знаю. Ну же, вспоминай!

Ее глаза неотрывно смотрели в глаза Василисы и словно насильно вытаскивали из ее памяти слово за словом.

«Запомни накрепко, Василиса, в Навьем царстве любой может лгать – от последнего упыря до царя».

– Умница, – снова рассмеялась Марья Моревна, но смех ее звучал горько. – Навий царь совет – недорого возьмет. А ты скоро растеряешь красу, начнешь увядать и вернешься в свою деревню, где и будешь доживать век, только и вспоминая поцелуи жаркие да ночи слишком короткие.

– Так и с тобой было, да? – снова попыталась перейти в наступление Василиса, хотя сердце ее обливалось кровью и горячими слезами.

Марья Моревна качнула головой.

– Я не стала ждать, Василиса. Зачем ждать увядания, будто я одна из сотен? Я могла победить Кощея и победила. А потом вышла замуж за купца и родила ему детей.

– Ты победила его обманом, приковала в подвале, чтобы потом сбежать к купцу? – не поверила Василиса. – Богатырка, о чьем имени слагали легенды, просто осела в деревне? Не мою судьбу ты пророчишь, Марья Моревна, а только свою горькую долю вспоминаешь!

Сверкнула глазами Марья, за мечом потянулась, но Василиса не испугалась.

– На родную кровь руку не поднимешь, Марья Моревна, – протянула она да и спиной к воительнице повернулась. – Я пусть грамоте не обучена, а по глазам тоже читать умею. Кровь у нас с тобой одна, по моему батюшке. От тебя и твоего купца мы род ведем, так что не одна из сотен я для Кощея, а та самая. Ты сердце ему разбила, а я склеить сумею.

Она посмотрела в свое отражение в воде. Вроде стемнело давно, и лишь луна освещала сердце темной чащи, да только озеро будто само по себе светилося.

В нем Василиса видела свое отражение, видела и свою соперницу. В нем она видела теперь то, что не заметила с первого взгляда, – лица их были неуловимо похожи. Словно Марья была отпечатком четким, свежими красками рисованным, свежим углем подведенным, а Василисе осталась и печать после еще нескольких дев, и краски подсохли, и уголек исчернили до самых пальцев.

– Это не простое озеро, Василиса, – шепнула ей Марья Моревна. Краски снова вернулись на ее побледневшее было лицо, глаза вновь заблестели. Но Василиса и не надеялась с одного удара поразить соперницу.

Она и сама видела, что озеро непростое. Руки и тянулись коснуться воды, и было так страшно, словно это могло принести боль и смерть. Как знать, может, это зывали мертвецы, что навеки поселились на дне?

Василиса прислушалась и уловила едва слышную чудную мелодию, созданную тихими волнующими голосами. Неслись голоса

из-под толщи воды, и Василиса чувствовала, что Марья не слышит эту песнь.

Голоса звали и манили, но в то же время внушали тревогу и просили не глядеть в озеро, не тревожить души.

– Хочешь узнать его тайну? – продолжила Марья Моревна, вновь прервав молчание, так и не дождавшись вопросов, и Василиса решилась. Пусть голоса умоляли не смотреть, она не могла просто взять и уйти.

Она должна была найти себя и свое колдовство.

– Хочу, – призналась она, не отрывая взгляда от светящейся воды.

– Видела ли ты зеркальце Кощея? – вместо ответа спросила Марья и весело рассмеялась, словно ее это забавляло. – Конечно же видела. Кто не видел, того это озеро тянет куда сильнее. Раз – и ушла бы под воду к другим храбрым дуракам. Это зеркальце и подобные ему создают на берегу этого озера. Из песка, взятого с этого берега, да известняка, вырытого на том берегу, из поташа, что получают из золы этого дуба, на змеином огне плавят стекло. Серебро, что приносят с собой покойники, растирают тонкой пленкой по стеклу, только так можно получить зеркало, которое покажет тебе кого ты пожелаешь и когда пожелаешь.

Василиса еле удержалась от вздоха. Почему-то ей сразу привиделось, как Кощей самолично делает зеркало, как подыскивает ему оправу... Или и оправу он сумел сам сделать? Он бессмертный и мог многому научиться за сотни лет жизни.

Почему-то эта мысль вместо восхищения вызвала у Василисы дрожь и неясное томление. Даже жарко стало, хотя тепло уже покидало лес, день полностью уступил время ночи, а от озера ощутимо тянуло прохладой.

Если Марья Моревна и заметила это, то ничего не сказала, лишь продолжила свой рассказ:

– Но зеркало просто повторяет за озером. Поглядишь в него и попросишь узреть нужное – и увидишь все как есть. Озеро не подведет и не обманет.

Василиса задумалась. Что она хочет увидеть? Как находит свои колдовские силы? Но разве удастся ей найти, если она их увидит?

Нет, не так она мечтала вернуть свою память. Может, поглядеть на матушку да спросить, почему она завязала ее силы и как это сделала?

Но разве можно у зеркала спросить?

– Ну? – жадно спросила Марья Моревна. – Готова ли ты увидеть то, что не дает тебе покоя, узнать то, что навсегда заберет последний сон?

И снова все ясно как день стало Василисе, поняла она, чего ждет от нее Марья.

– Готова, – кивнула она. – Давай, Марья Моревна.

Глава 13

Марья Моревна словно только и ждала ее слов. Она присела у озера и коснулась его глади рукой. Ох, не зря Василиса не хотела подходить к воде, неспроста она чуяла что-то!

Кончики пальцев Марьи будто прилипли к воде, да так, что отдирать пришлось с кровью. Даже бровью не повела Марья, лишь махнула рукой так, что капли крови сорвались с кончиков ее пальцев и окропили зеркальную гладь. Затуманилась вода и тотчас снова сделалась прозрачной.

– Спрашивай, – усмехнулась Марья, словно не замечая, как продолжает стекать кровь по ее руке. Но и Василиса тоже усмехнулась в ответ. Знала она, чего ждет от нее бывшая жена Кощея. Что не удержится она, спросит, кто Кощею люб, чем Кощею Марья лучше. А то и совсем глупость совершит – попросит поглядеть, как Кощей себя вел со своими пленницами все эти триста лет.

Да только Василисе, может, и любопытно на это взглянуть, но не при сопернице же! Нет, другое она спросит – то, что мучает ее ничуть не меньше, а может, и больше. И уж точно дольше, и терпеть больше нет сил.

– Батюшку моего покажи. Хочу узнать, почему он меня с мачехой оставил, почему жалоб моих не слышал? Я ведь знаю, что любит он меня!

Зашипела змеей Марья Моревна, но озеро уже снова затуманилось, и Василиса увидела своего батюшку. С другими купцами он сидел в таверне и печально вздыхал над блюдом, полным дичи да прочей снеди.

«Непогода какая разгулялась, да? – произнес его сосед. Кафтан на соседе был синий, штаны в полоску, а волос что бороды, что бровей светлый, почти белый. Никогда Василиса такого купца не видала. Знать, далеко батюшка забрался за товарами, долго его еще ждать. – Леший шалит или ведьмы разгул устроили?»

«Да хоть бы и ведьмы, а лесом сейчас не проехать, – другой купец, востроносый и с короткой куцей бородашкой, влез в разговор. –

Вам хорошо: вы ткани да перец везете, а мне с моей рыбой как? Хоть прямо тут начинай продавать!»

Они все посмеялись. Востроносый невесело, другие же купцы, напротив, словно ожили, едва обнаружили, что кому-то хуже, чем им.

Разговорились повеселевшие купцы, расспросили друг друга, кто домой идет, а кто за товаром.

«А я бы и рад уже домой, да не могу: гостинец младшенькой не нашел, — повинился один купец, высокий и статный, с темными кудрями, ухоженной бородой. — Старшие дочери попросили чудесные вещицы, но нашел я их запросто. А младшенькая, любимица, попросила аленький цветочек. Никак отыскать не могу!»

Помрачнели остальные купцы, даже Василисин батюшка. А сама Василиса дыхание затаила. Что не так с желанием неизвестной дочери купца?

«Нельзя дочь баловать, если не хочешь, чтобы ведьмой злобной стала или померла вдругорядь, — наконец произнес один. — Вот моя жена свою дочку баловала, тешила, а мою работать заставляла. Уж я и так противился, и эдак, а потом гляжу — женихи вокруг моей так и выются! Моя-то зимой на реке сама своими ручками стирает, румянец на всю щеку, сама ткет, сама шьет и пироги печет, как перед такой рукодельницей устоять? Так жена ее в мое отсутствие к Яге отправила за мотком шерсти. И вернулась дочурка моя с подарками! Замуж вышла за парня работающего, а падчерица моя так на печи и лежит да женихов ждет».

Зашумели купцы. Каждому было что рассказать — не про себя, так про соседей. Все такие случаи знали, когда от злости и скуки девки ведьмами злобными становились. И замуж никто неумех не брал, и красоту они всю на печах просыпали.

«И у меня случай был! — снова вклинился востроносый. — Точно как у тебя, Савелий. Жена свою дочку тешила и ласкала, а мою мне сказала зимой в лес увезти да под деревом оставить. Авось волки сожрут. Только моей Аленке Мороз встретился, да так ему ее кроткий нрав понравился, что вернулась она домой на запряженных конями санях и с подарками. Я теперь на этих санях и зимой и летом рыбу вожу: в них холоднее, чем в погребе, а пройдут и по камням, и по траве, и по снегу. А мачехина дочка как за подарками в лес удрала, так там и сгинула. Только по весне ее насмерть замершую и отыскиали!»

«Совсем не так у меня, – нахмурился Савелий. – Одно дело не баловать и в черном теле держать да уму-разуму и кротости учить, и совсем иное – на верную смерть в лес зимой отправлять. Очумел ты, братец! Родную дочку едва не извел своими руками! Мороз ведь колдун недобрый, повезло твоей Алене под настроение попасться!»

И другие снова зашумели, принялись востроносого ругать, но Василисе все без надобности были – она на своего отца смотрела. А батюшка был молчалив и лицом темен, словно дума у него была тяжела и неподъемна.

«Хватит, – наконец ударил он кулаком по столу. – Набросились на Елисея. Ничего мы про его дом не знаем, и про жену его – тоже. Как знать, может, она сама ведьма или знается с ведьмами, тогда никакая любовь не поможет».

Василиса вся в слух обратилась, того гляди плюхнется в озеро.

А батюшка ее тем временем продолжал:

«Вот моя вторая жена меня приворожила. Сама ли али колдунью какую попросила – мне неведомо. Сначала вроде бы нормально жили, я и не мешал ей воспитывать и мою дочь тоже. Чай тоже не хочу ведьму злую вместо кровинушки родной получить. К тому же Василиса с детства была матушкой балована, того гляди колдунья вылупится. Только заметил я в последние месяцы: уезжаю подальше, как тотчас понимаю, что и сама жена будто на змею похожа, и дочери ее точно две жабы, и мою дочурку обижают, да только и думают, как свести в могилу. А чем ближе к дому, тем меньше я об этом думаю».

«Так ушел бы совсем, – всплеснул руками тот купец, что цветочек аленький искал. – Али богатств несметно в доме припрятано?»

«Пуда три, не больше, – без улыбки ответил батюшка и пояснил: – Дочь у меня там. Каждый раз хочу с собой ее забрать, а пока доеду до дома, уж и не помню об этом. Змея эта что-то такое наворожила».

Вздохнул он и остальные купцы завздохали, квасу попросили хмельного, чтобы такие истории запить, а для Василисы озеро снова затуманилось и скрыло все лица.

– Довольна, Василиса? – спросила Марья Моревна, блестя темными изумрудами глаз. – Ничего больше узнать не хочешь?

– Довольна, Марья Моревна, – согласилась Василиса. – Самое главное я узнала, благодарю. Не по своей воле батюшка меня

супостаткам оставил, не по своей воле и домой возвращался. Не будет меня – уедет прочь и не воротится.

– Только почему это он из своего дома уезжать должен, да? – подсказала Марья, и Василиса кивнула. Она и сама об этом думала. Нет, это змеища со своими дочерями убраться должна, а лучше сгинуть, как она им с батюшкой желала. – Вот и убей ее, Белолику, – продолжила Моревна. – Кощей ведь не просил ее колдовством убить. Убей ножом, возьми у Кощей навий огонь и иди домой спокойно. Навий огонь горит ровно, дров не жрет и кормить его лучше живыми людьми али животными. Отпусти навий огонь на сестрицу и мачеху да и махни рукой, когда от них только пепла горсточка останется. И живите с отцом вдвоем припеваючи.

– Не так быстро, – нахмурилась Василиса. – Я пока от Кощей уходить не собираюсь, да и он меня не гонит.

– Не гонит, но разве тебе любя роль нищенки-приживалки? – ощерилась злобным оскалом Моревна, враз растеряв половину красоты. – В нашем роду вовек не бывало таких. Кротость тебе мать прививала, а не мягкотелость, осторожность, а не уступчивость. Впрочем, если тебе судьба ключницы али царевны в светелке по вкусу, не смею мешать. Жаль, что вместо свободной воли колдуньи ты выбрала это.

– Да и ты вместо богатырки стала купчихой, – не осталась в долгу Василиса. Пальцы у нее зачесались, словно это на ее руках стремительно заживали ранки после касания озера. – Тебе больше это место не занять, не вернуться в думы Кощей. Триста лет прошло.

– Триста лет как три дня, – совсем почернели глаза Марьи Моревны, она вновь будто стала выше. – А только как наведается Кощей в сердце чащи, так и встретит тут меня.

Василиса не опустила глаз.

– Нечасто наведывается Кощей в сердце чащи, видать, не слишком скучает. А ко мне каждый вечер возвращается.

– Он домой возвращается, а не к тебе, – хохотнула Марья и вдруг вытянулась почти до вершин сосен.

Василиса ахнуть не успела, а на месте Марьи Моревны стояла змеища на толстых лапах с острыми когтями, каждый с саблю длиной, с гибкой чешуйчатой шеей, тупоносой маленькой головой, на которой выделялись горящие яростью изумрудные глаза.

Василиса чувствовала себя странно. Вроде бы и напугаться стоило, а ну проглотит ее драконица, и в то же время словно кровь вскипела ответной яростью. Что себе эта старуха позволяет! Триста с лишним лет навъему царю покоя не дает!

Вот теперь она сама почувствовала, как словно взлетает в воздух: так резко удалялась от нее земля. А вот коса, наоборот, потяжелела и теперь стелилась по земле. Шевельнула ею Василиса, переступила ногами, изогнула шею да и рассмеялась в морду драконице. Точно такой же, разве что чуть тоньше и изящней, драконицей она обернулась, такая же черная и блестящая чешуя, такой же жар в груди – дунешь и огнем опалишь.

– Что еще покажешь, бабушка? – гроыхнула Василиса. – У тебя учиться полегче, чем у Кощеевой Тени!

Пуще прежнего разозлилась Марья Моревна. Хвостом махнула, огнем пыхнула! Но и Василиса не отставала: тоже огнем плюнула, а хвостом так ударила, что песок на берегу фонтаном взлетел.

Сверкнула Марья Моревна глазами, завертелась на месте, своей тушей пригибая и ломая деревья. И увидела Василиса, как у змеищи словно крылья прозрачные появились, чешуйчатые и с перепонками, точно как у летучей мыши, но огромные словно паруса.

Взлетела Марья, и плохо бы пришлось Василисе, если бы не сумела она и этот секрет разгадать. Лишь представила, как сражается с соперницей в небе, и тотчас же поднялась вслед за ней.

Что бы ни сделала Марья Моревна – била ли крыльями, жгла огнем, била хвостом, – Василиса не отставала от нее ни на шаг, сама поражаясь таким силам. Может, все дело было в сердце чащи, а не в самой Василисе? Думать об этом было некогда. Все-таки Марья Моревна была не только старше, но и куда опытнее Василисы. На стороне же девушки были только ее молодость и острое желание выжить. Ведь не дело это – пережить ночь в Навьем царстве, почти выполнить все задания Кощея и погибнуть от руки или лапы прародительницы!

Пусть она и верила, что та не станет добивать родную кровь, но обескровить настолько, что Василиса пролежит тут до прихода Кощея и не исполнит службу, – это она точно сумеет! И Василиса билась так, словно речь шла не только о ее жизни, но и о жизни Кощея.

Кто же знал, что истина так близко?

Но вот и старая драконица тяжело села на землю и обратилась человеком. Василиса спустилась рядом, чуть не рассчитала и ударилась о берег уже своими голыми ногами, но вскрик сумела сдержать и была вознаграждена.

– Твоя взяла, – рвано дыша, произнесла Марья Моревна. Волосы ее побелели, словно инеем покрылись, сама она осунулась, под глазами темные круги пролегли. – Угадай, какие силы твои, а какие от матушки или от меня достались, и оставлю тебя тут, уйду.

Василиса вздохнула. Сложная была бы задачка, не решай она ее сердцем. А сердце Василисы ответы уже отыскало.

– От тебя, Марья Моревна, умение оборачиваться любым существом, – произнесла она медленно. – Я пока не сумею, как ты, любым, но научусь. Обязательно научусь! От матушки – умение говорить с мертвыми. Оттого и тебя я слышу и вижу, Марья Моревна, ведь давно в земле твои косточки лежат и не поют даже – спят недобрым сном.

Окаменела от ее слов Марья Моревна, губы только и шевелились, скривилась она злобно, да лишь ни звука изо рта не вылетало. Права была Василиса!

– И никто, кроме меня и Кощея, тебя не видит и не слышит, – продолжала Василиса. – А уж моя сила мне давно знакома. Буря да ливень, ветер да гроза. Я все вспомнила давно, Марья Моревна, только не знала, как использовать. Верно ли я назвала?

Молчала богатырка, челюсти сжимая.

– Говори, я слушаю, – милостиво добавила Василиса, подол платья отряхнула, косу пригладила, будто и не было тут, в сердце чащи, никакого боя.

– Угадала ты, Василиса, – скрипнула зубами Марья. – Одного не знаешь. Может, я и сплю беспокойным сном глубоко под землей, но я здесь есть и буду, пока ты жива, потому что я – не Марья Моревна, а та самая ты, что ты ищешь и найти не можешь. Такой ты станешь со временем, коли не помрешь. Нравится тебе?

– Нравится, – не стала спорить Василиса. – Хороша. Только одного ты не знаешь, а я знаю. Что еще одна сила у меня есть, которой ты не владеешь, – сила слова.

Ярко вспыхнули глаза Марьи: поняла она. Да и рада бы бежать, только ноги словно к земле приросли, все это Василиса знала, будто

сама чувствовала. Как знала она, что в этот раз у нее точно все получится.

– И не будет больше Марье Моревне дороги к Кощею ни во снах его, ни в жизни, ни в смерти, – нараспев заговорила она. – Рядом будете идти, а друг друга не увидите, в одно место придете, да временем разминетесь, в глаза смотреть станете, да другие видеть будете.

Закричала Марья Моревна таким диким звериным криком, что даже по глади озера рябь прошла, а Василиса не дрогнула и только добавила жестко:

– Хватит тебе его сердцем владеть, теперь моя очередь. Я хозяйкой рачительной буду, уж тысячу лет похраню в целости и сохранности, а там и до второй тысячи счет пойдет.

Повеяло теплым ветерком, отступила Марья Моревна. Снова коса ее потемнела до золота, снова глаза сверкали изумрудами, да только недолго. Пара ударов сердца – и исчезла она, как исчезает роса утром.

Оглянулась Василиса и поняла сразу, что изменилось. Озеро было таким же, берег, даже лес. А вот на дубе, который теперь был прямо перед ней, а не у самого озера, цепь не просто обвивала ствол крест-накрест и уходила в крону, нет. Там в кроне на этой цепи держался сундук.

«Там жизнь Кощея... нет, там смерть Кощея... – пели и шептали из озера. – Погляди, Василиса, посмотри, Василиса. Хоть одним глазочком. Положишь ладонь на сундук – и откроется он, а с ним и сердце Кощея».

Василиса же сделала шаг назад. Потом еще один и еще. И глаза закрыла ладонями. Пусть сердце ее умоляло послушаться голосов и получить во владение сердце Кощея, но Василиса всем своим существом протестовала, не хотела касаться жизни того, кого полюбила, без его ведома. Но сердце так молило, так убеждало, что Василиса шагнула обратно к дереву.

А потом подняла руки ладонями к дубу и растопырила пальцы. Она не видела, как потемнели ее глаза, как своей жизнью зажила длинная коса, принявшаяся извиваться точно змея и подниматься в воздух, она даже не заметила, как поднялся ветер. Сначала он просто дул, но вскоре усилился до бури. Полетели сухие ветки, сор и листья. Василиса повела руками, и от этого движения весь сор, а за ним и

крупные ветки, и даже вывернутые с корнем старые деревья полетели к дубу, чтобы обрушиться у его корней.

Василиса больше не слышала мертвых голосов и позволяла себе все сильнее и сильнее отступать спиной под сень могучих деревьев, а перед ее лицом вырастали огромные горы поваленных деревьев, комьев земли и камней.

Ветер постепенно затихал, а Василиса так и отступала шаг за шагом и, лишь когда светящееся озеро и дуб, скрытые теперь за буреломом, окончательно исчезли с глаз, повернулась и побежала.

– Эй! – окликнули ее раньше, чем она успела пробежать несколько шагов. – Василиса!

Василиса остановилась. Сердце продолжало биться так сильно, словно она еще вызывала бурю, но плакать уже не хотелось. Взглядом нашла едва белеющий в темноте череп, да и то, лишь когда он мигнул огнем.

– Что с тобой? – озабоченно произнес Найден, когда она подошла и взяла его в руки. – На тебе лица нет!

Василиса лишь горько усмехнулась. Лицо у нее было, но она и сама теперь не знала: свое оно или в ней все видят юную Марью Моревну. И Кощей. Особенно он.

Глава 14

– Ну что, как мы теперь вернемся? – Найден и так и сяк пытался расшевелить Василису, но та просто брела по тропке обратно, словно и не слышала вопросов. – Может, вихрем унесешь нас? Или нет! Щелкнешь пальцами – и мы уже у ворот, а?

– Время до рассвета еще есть – ногами дойдем, так сподручнее, – наконец буркнула Василиса. – Не стоит тревожить чащу без надобности.

На некоторое время Найден замолчал, но надолго его не хватило.

– Что ты видела, Василиса? – шепотом спросил он. – Что там, в сердце чащи? Ты видела что-то особенное?

Похоже, он уже жалел, что остался ждать в лесу.

Василиса вспомнила свою битву с Марьей Моревной, вспомнила, как смотрела на отражение батюшки в зеркале озера, как боялась и мечтала коснуться жизни и смерти Кощея и до сих пор не знала, что там, в сундуке. То самое сердце, разбитое Марьей, или что-то другое? Черный дракон и сейчас дремал у нее в груди, словно лишь ждал, когда понадобится. И Василиса точно знала: пройдет время – и с драконом там поселятся другие звери, в которых она сможет оборачиваться. Раз уж Марьиная сила проснулась в ней, то теперь не уснет.

– Видела, – наконец ответила Василиса. – Описать не смогу, Найден. Не умею я так говорить ловко, уж не обессудь.

И пришлось черепу довольствоваться этим. Пусть и полыхнул он глазами недовольно да принялся бормотать о несчастной судьбе, но Василиса осталась глуха к его стонам.

– Рассветет скоро, – снова начал Найден, убедившись, что Василиса его не слушает. – Что, если не успеем? Что ты решила с Белоликой, как убить ее собираешься?

Василиса вздрогнула.

Во время битвы с Марьей она не раз и не два оказывалась в шаге от смерти, но не только своей, но и своей соперницы. Толкни она ее в озеро или ударь хвостом посильнее, плюнь огнем, когда Марья Моревна случайно подставила нежную шею!.. Но ничего этого Василиса не сделала. Она боялась навредить пусть и давно умершей да

еще и расколотившей на мелкие осколки сердце Кощея, но выглядевшей такой живой женщине.

И поняла тогда Василиса, что не сумеет она убить Белолику. Потому и не торопилась к Кощееву двору: уж больно было страшно службу не сослужить.

– Попрошу у скатерки поросенка жареного, а Белолику отпущу. Пусть бежит, авось сумеет скрыться, – наконец произнесла Василиса. – И не смотри на меня так осуждающе: не сумею я живого человека, пусть и поросенка, убить!

– Вот эту вот змеищу?! – возмутился Найден. – На что она мне дочь, хоть и в том я сомневаюсь все чаще, но я бы не пожалел. А ты жалеешь?

– Не жалею, – вздохнула Василиса. – Рука не поднимется.

И снова замолчал череп, но с укором таким, что прямо руки жгло. Василиса уж подумывала новый дрын для него подыскать, но времени и впрямь оставалось мало: небо потихоньку серело, и уже вот-вот должен был прискакать Ясный День, а за ним и Кощей.

Василиса увидела, как впереди сияет светящимися глазами черепов частокол, и ускорила шаг. Пока глаза не потухли, не прискачет Ясный День, значит, и с Белоликой Василиса успеет. Благо скатерка подвести не должна, что до колдовства, то Василиса им насквозь пропахла в сердце чащи.

До ворот она добралась быстро. Едва коснулась рукой костей, как тотчас они без скрипа распахнулись, и Василиса шагнула во двор.

Сначала она надумала со скатеркой решить и печеного поросенка заказать. Печь нужно растопить, будто она сама поросенка зажарила. Кощей ведь не царевич какой – его одними словесами вокруг пальца не обведешь. Навьего царя обманывать было страшно, но Василиса крепко запомнила, что он сказал про обман в своем царстве. Каждый мог лгать – от царя и до последнего упыря. Чай Василиса не хуже упыря!

Но только она до середины двора дошла, как вдруг почувствовала острую боль в щиколотке. Она охнула и дернула ногой, лишь после этого глянув на обидчика. И не поверила своим глазам. Пока она ломала голову, как спасти Белолику от незавидной участи, мерзкая сестрица подкараулила ее во дворе, подобралась ближе и, уличив минутку, цапнула за ногу.

До сих пор Василисе удавалось избегать укусов домашним скотом: ее не кусали и не лягали кони, к ней ласкались даже злые и голодные сторожевые псы. Сколько пытались Власта и Белолика раздражить соседского пса – все без толку! Коровы и козы не бодали и не кусали, и свиньи тем паче. И оттого так опешила Василиса, когда беленькая круглая свинка, какой стала Белолика, вдруг пребольно цапнула ее за ногу.

Белолика тотчас отскочила, но не стала даже убегать. Плюхнулась в сухую пыль, когда-то бывшую лужей, и уставилась на Василису наглыми глазами с короткими белесыми ресничками. Весь вид поросенка так и кричал, что Белолика отлично знает Василису и ее метания.

«Ничего ты мне не сделаешь», – видела на мордочке поросенка Василиса и готова была поклясться, что свинья улыбается.

Василиса была уверена, что пусть и не простила мачеху и сестер: такое простить было никак нельзя, то хотя бы пережила свою обиду. Они не обязаны были любить ее, и она в ответ не любила их. И не бойся она за своего батюшку, то и вовсе предпочла бы оставить все как есть. Просто она поскорее покинет свою деревню и... выйдет замуж? Уйдет учиться к колдунье?..

Даже в самых сокровенных мыслях Василиса не позволяла себе думать, будто она может остаться у Кощея. Марья Моревна вскрыла ее страхи. Хоть ключницей, хоть в светелке мечтала остаться Василиса рядом с Кощеем, но боялась, что не утерпит, если к нему продолжат ходить царевны и богатырки. Как же быть, когда Кощей и вовсе не говорил, будто она может надеяться задержаться?

Она только-только была при смерти, но он даже не перенес ее службу, наказав убить Белолику. Что же, кровь Василисы вскипела от ярости. Боль от ноги передалась по всему телу, но болела не ранка, из которой едва выступила кровь.

Болели воспоминания. Каждый раз, когда Белолика, одна или с сестрой и мачехой, травила Василису – отваром ли ядовитым или злыми словами, – когда колола иглами или шептала о том, что она больше не нужна своему батюшке, или насмежалась, что у Василисы нет матери – каждое словечко, каждая вспышка воспоминаний впивалась шипом в руки Василисы, которые вскоре горели точно облитые кипятком.

Василиса подняла руки. Хрюкнула свинка, настороженно следившая за ее движениями. Кажется, Белолика поняла, что у самого кроткого человека вроде Василисы может оказаться порог терпения, и пусть это лишь жалкий пороссячий укус, но он перенес Василису через порог. И свинья с визгом бросилась прочь по двору, ведомая желанием спастись. Отнюдь не своей виной.

Что-то она увидела в потемневших глазах Василисы или между ее ладоней, только убежать ей далеко не удалось. Над двором в пару ударов сердца собрались седые тучи, серебристо поблескивающие и розовеющие от близости рассвета.

В своей всепоглощающей ярости Василиса словно пила бурю, поднимающуюся над двором, но ни капли дождя не проронившую на землю. Волосы ее рвались из косы, сама коса вновь как живая крутилась, змеей обвивая шею хозяйки.

Загрохотал гром. Такой оглушительный, что все замерло, потухли глаза черепов, замерла и визжащая от ужаса свинья.

Молния, каковых Василиса не видела никогда в жизни, раскромсала небо на две половины. Толщиной в руку, белая как смерть, и сияющая, как неотвратимость, она ударила в землю, рядом с тем местом, где стояла Белолика. И все пропало – все звуки, грохот грома, визги, шелест леса.

Василисе показалось, что она одновременно оглохла и ослепла. Молния поразила ее глаза, а гром – уши. Обессиленная после вспышки ярости, она как слепая шарилась руками, не в силах сделать и шага. Ноги ее больше не держали.

Она начала заваливаться назад, когда услышала ржание.

«Не оглохла!» – проскользнула последняя мысль, и Василиса рухнула бы прямо в пыль, если бы ее не подхватили чьи-то руки.

Руки были крепкие и надежные и до того ласково обняли ее стан, поднимая повыше, чтобы перехватить поудобнее, что, даже проваливаясь в беспамятство и снова выплывая из него, Василиса решила, что это Тень. Тень оставался дома. Тень ждал ее возвращения здесь. Тень питал к ней те чувства, что она была готова бросить к ногам Кощея.

Василиса качалась в чужих руках, как в лодке. Во дворе должно было быть зябко: раннее утро конца лета, но было тепло, и пахло луговыми цветами.

Василиса дрожала в такт легким волнам и над собой видела лишь белесое небо без облачка, голова маленькой Василисы тепло устроилась на коленях матушки, которая плела венок из охапки трав и цветов, брошенных в лодку батюшкой.

«Ты не умеешь выбирать травы, – тепло смеялась матушка и щекотала щеку уснувшей дочери луговой кашкой – крошечным растрепанным белым комочком, который призывно пах медом. – Зачем мне в венке кровохлебка? Она мне нужна для отвара. А почто ты нарвал столько осота?»

Батюшка что-то отвечал, его хрипловатый и грубый голос брал непривычно мягкие высоты, словно сердце его пело и требовало того же от большого и грузного, будто медвежьего, тела. Маленькая Василиса спала, убаюканная мерно бьющими о борта лодчонки волнами реки, что неторопливо несла их к омуту. Там батюшка таскал самых лучших раков, а матушка и Василиса сидели рядышком, наслаждаясь теплым спокойным днем и отдыхом от ежедневной работы.

Маленькая Василиса смутно вспоминала, как в дни вроде этого матушка приносила заранее сплетенные венки домашнему скоту и они терпеливо дожидались их возвращения. Не голодные и не измученные, словно не стояли они весь день в своих хлевах и стойлах, а были обихожены лучшими пастухами. Теперь, в полудреме, Василиса помнила, будто говорила матушка с кем-то и кланялась почти до земли, уводя их с батюшкой то в лес по ягоды, то на реку. Мертвые не только слышали ее, но и могли помочь. Впрочем, матушка не употребляла умение во зло, пользуясь своих помощников редко, отчего Василиса нанизывала эти тихие чудесные дни, словно драгоценные бусины на ниточку своей коротенькой жизни. И бусин таких еле-еле набралось на одну ниточку, едва шею обернуть. А потом матушка заболела, и только сейчас Василиса уже знала, что ее начали травить.

Злость жгучим ядом прорывалась в нежные чистые воспоминания, чернила руки и веки, плыла темными пятнами по воде за лодкой. Василиса вспомнила, что отец торговал по молодости куда меньше и не ходил слишком далеко, не желая надолго оставлять супругу и дочь. А теперь его путь лежал до самых границ. Того и гляди отправится в другие страны, лишь бы не возвращаться в когда-то родной дом.

Василиса хотела, чтоб батюшка путешествовал лишь по своей воле и не печалился больше о ней. И если для того придется выйти замуж за первого в деревне, кто соберется позвать, то так тому и быть. Даже Марья Моревна прожила с купцом до самой смерти, родила ему детей и не горевала о своей доле, чего ж тут Василисе горевать? Подождет Покровов, чтобы накрыло белым саваном ее сердечные боли, замело ее яростное пламя... Все одно – Кощею она не нужна.

Василиса вновь вынырнула из забытья, чтобы почувствовать, как крепко держат ее мужские руки, прижимая к груди, как щекочут длинные волосы ее висок, как мерно стучит сердце у ее уха.

– Лучше бы ты был Кощеем, – выдохнула она, толком не понимая, зачем и кому говорит. Часть ее еще качалась в маленькой лодчонке, другая часть наматывала на руки липкие, словно в дегте, нити ненависти, готовясь облепить ими весь мир или запутаться самой. Та часть Василисы, что оставалась на руках спасителя, была слишком мала, чтобы сопротивляться очнувшимся голосу и сердцу.

– Лучше? – голос над ее головой был вкрадчивым и словно мед затекал в уши, обволакивал снова проваливающееся в полудрему тело. – Чем же лучше, Василиса?

Василиса молча качалась на волнах, не понимая, кто и к кому обращается, звон ли в ушах или кто-то и впрямь говорит с ней.

И только когда хватка ослабела и ее тело словно скользнуло с чужих рук в неожиданно теплые и ласковые волны реки, и до того, как вода сомкнулась над ее лицом, Василиса прошептала:

– Будь ты Кощей, я бы обняла тебя.

Может, ей и ответил кто – Василиса не знала. Она окончательно провалилась в середину лета, где матушка была жива, батюшка молод, а у самой Василисы было всего бед, что не расплакаться до появления туч да уговорить батюшку дать ей рака, а тот цапнет за палец.

Темные дегтярные нити обволакивали ее лето, но Василиса будто не видела их, продолжая пребывать в счастливом беспамятстве и больше не выныривая из него, потому как волны памяти, сомкнувшись над ней, прекратили качать ее словно в лодке.

Одно лето кончилось – началось другое. Самые яркие дни: собираемые с матушкой подснежники, охота с батюшкой на кикимору, что путала матушкины нитки и кидалась сором из-за печки.

Василиса вспоминала, как мама дергала ее за косу и щипала за пятки, когда долго не было дождя, а потом ласково целовала теплыми губами мокрые от слез обиды и дождя щечки; как они с мамой уходили глубоко в лес, когда вся деревня шла на покос. С мамой было весело следить за зеленопятыми юными лешими и собирать спелые ароматные ягоды, но только сейчас Василиса понимала, зачем они уходили. Мама берегла ее от гнева деревенских, ведь если бы она навела дождь на покос, кто-то да заметил бы, что перед этим топала ногами и злилась Василиса.

Матушка защищала ее от всех бед, а когда стала болеть, принялась снаряжать куколку. Теперь Василиса поняла, что видела, как мама шьет крошечные вещички, со всем вниманием вышивает подол и ворот крошечного сарафана и рубашки. Но Василисе было не до матушкиных причуд: она бегала за околицу и дальше до края деревни, где начинался темный лес. Туда, где она однажды встретила всадника.

Василиса, никогда раньше не видевшая доспехов и короны, вообразила, что перед ней царевич, и спряталась за куст, разглядывая украдкой нечаянного гостя.

Она долго носила в памяти его облик и однажды зимой за гаданиями с подружками призналась:

«Я выйду замуж только за царевича!»

«За которого? – Феклуша уже заневестилась и оттого ревниво относилась к таким обещаниям. – Старшего али младшего? Иль того, что посередке?»

Василиса задумалась, но молчала недолго.

«За черного! Который из них черный?»

Всю зиму ее дразнили женихом «дегтярным царевичем», а по весне забыли. Только Василиса и помнила своего «жениха», но через год матушка слегла и Василиса позабыла все: смех, счастье, теплые летние деньки и Кощея, нечаянно встреченного у леса.

Чудно, но Кощея она позабыла тогда первым.

Чтобы наконец вспомнить сейчас.

Василиса вынырнула из воспоминаний и забытья, с трудом удержав на устах вскрик. Чего ей стоило продолжать лежать смирно и дышать ровно, словно не было всех этих снов, не было лодчонки и не было Кощея несколько лет и зим назад, но точно такого же, как сейчас. Прекрасного и бессмертного.

И именно его голос она слышала тотчас совсем недалеко от себя. Даже два голоса. Василисе понадобилось еще несколько минут, чтобы вслушаться и понять, что Кощей разговаривает со своим Тенем. Даже не так – ругается с ним, и, похоже, уже довольно давно, раз перешел на повышенные тона, словно и не боясь разбудить Василису.

«Может, я снова почти умерла, вот и не боюсь», – подумала Василиса и попыталась пошевелить пальцами сначала рук, а потом и ног. Все двигалось, но с большим трудом, словно она все еще была в воде.

Приоткрыв глаза так, чтобы смотреть сквозь ресницы, Василиса убедилась, что она снова в башне Кощея и утопает в его перине, укрытая пуховым одеялом.

В этот момент Тень рассмеялся, и Василиса распахнула глаза: так неожиданно прозвучал его смех.

– Зря отрезал меня с кровью: сердце так не спрячешь! – заявил Тень. – Достала тебя колдунья, до самого нутра достала!..

Кощей молчал, а Василиса зажмурилась. Колдунья... это она?

Глава 15

– Ты снова наступаешь на те же грабли, – продолжал Тень. Куда делся его медовый вкрадчивый голос? Он безжалостно рубил словами, заставляя Василису сильнее сжиматься под пуховым одеялом. – Ты снова позволишь завладеть твоим сердцем, но на этот раз колдунье. Она растопчет его так же, как и богатырка, и что ты сделаешь? Отрежешь от себя еще кусок, создашь еще тень? И так каждый раз? Насколько тебя хватит, Кощей? Ты бессмертный, но не бесконечный!

– Она не такая, как Марья, – голос Кощей был так тих, что Василиса едва слышала его. – Да и что ты предлагаешь? Просто забыть ее? Чувствую, она горит тем же огнем!

– Горит, – Тень усмехнулся. – Но она юна и быстро учится. Сумела же вызвать меня и вернуться из сердца чащи. Ты проверил, как там твоя смерть?

– Я бы почувствовал, коснись Василиса ее, – голос Кощей похолодел. – Что случилось, Тень? Куда ты растерял мои чувства, что хранил триста лет? Ты стал еще недоверчивее, чем я!

– Я не хочу, чтобы через тысячу лет в Навьем царстве остались лишь тени Кощей, – резко ответил Тень. – Болезни и порчи разбредутся по всему свету, мертвые сердцем или разумом станут жить среди людей, упыри будут бродить по дворам и пить кровь даже днем. Ты этого хочешь? Или вспомнишь, как ты стал царем мертвым, проклинаемым всеми, главным злом от моря и до моря?

Кощей молчал, а Василиса, кажется, даже не дышала.

И Тень продолжил уже чуть мягче:

– Она не примет тебя, когда узнает про твое прошлое. Что ты будешь делать? Запрешь ее колдовские силы и понадеешься, что человеческий век короток и она ничего о тебе не узнает? Сильная колдунья может жить несколько веков! Раскромсанный на две неравные половинки ты не сумеешь ни сам быть счастливым, ни Василису счастливой сделать!

Как же хотела Василиса прямо сейчас вскочить и крикнуть Тени, что его и не спрашивают даже! Видал бы он бабское счастье в деревне:

выйти не за хромого и не за пьяницу да в лесу не сгинуть, на работах и родами не сгореть!

А любовь... Никогда Василиса не чувствовала такого жара, как при взгляде на Кощея, никогда Василиса не горела так. Да неужто ее огня не хватит на них двоих, если уж все чувства Кощей отдал Тени?..

– Кррук... – раздалось негромкое в изголовье, и Василиса поспешно притворилась спящей. Сейчас отваги высказать все Тени у нее не хватало, как и сил.

– Ворон прав: мы разбудим Василису. – Василиса почувствовала, как оба Кощея подошли ближе, но говорил тот, что был настоящим. Ее Кошеем. – Мне кажется, она могла бы меня простить.

– За всех, кого ты убил? – Тень тоже заговорил тише и сверлил взглядом Василису, точно не верил, что она спит. – Она же человек. Она не простит.

– За все те разы, что я умер, – жестко ответил Кощей. – Ты тогда был мною и помнишь, что это было одинаково больно.

– Она может оказаться твоей смертью, – заметил Тень, наконец отходя от ложа, на котором ни жива ни мертва лежала Василиса.

– Может, – не стал спорить Кощей. – Но я готов рискнуть. Лучше уж снова смерть, чем такая жизнь.

Они вышли. Но Василиса осмелилась открыть глаза, лишь когда шаги обоих окончательно стихли. Она осторожно села в подушках. Все болело, словно ее провернули через жернов.

– Кррук, – негромко каркнул ворон, слетая с изголовья на одеяло в ее ногах.

– Я не сержусь, – вымученно улыбнулась Василиса. – Я поняла, что ты хотел помочь, но больше не бросай меня где попало, дружок.

– Кррук. – Ворон развернул крылья и взмахнул ими, потом скосил глаз, повернувшись левой стороной головы к Василисе, и она на мгновение четко увидела кости его черепа и пустую глазницу.

– Ты мертвый! – сообразила Василиса. – Вот почему я тебя теперь понимаю!

– Кррук-р! – согласился ворон.

– Да, я бы хотела понять, о чем говорит Кощей, – вздохнула Василиса. – Да только как мне увидеть то, что было столько веков назад?

Ворон клюнул ее в руку и негромко каркнул.

– Я останусь тут, но часть меня может оказаться там? – повторила за ним Василиса. – Что же, дружок, я согласна. Веди меня, ворон.

И тотчас Василиса рухнула на перину бледная как смерть, а крошечная искорка, сверкнувшая на капле выступившей из ладони крови, поднялась в воздух и исчезла. Следом, развернув огромные крылья и на мгновение накрыв выглядевшее бездыханным тело, исчез и ворон.

Василиса и глазом моргнуть не успела или испугаться, как почувствовала, что парит в воздухе и не падает. Она с трудом сумела одним глазом глянуть себе за плечо.

– Ворон! – воскликнула она. – Я ворон! Крррук, крррук!

Лететь на собственных крыльях было изумительно, словно дышать после того, как тонул и сумел вынырнуть на поверхность. Легкие жгло, глаза заново привыкали видеть, но как же хорошо ей было! Не передать словами!

– Вороны слетаются на твою скорую смерть! – зычный голос донесся с земли, и Василиса вспомнила, зачем она здесь.

Картина на поле, над которым она парила, напугала ее. Множество павших воинов. Неужели их всех убил навий царь? Василиса разглядела полдюжины живых богатырей на богатырских огромных конях и Кощея, стоящего перед ними.

– Это мы еще посмотрим, – ответил Кощей и слизнул с губы кровь. Глаза его были одинаково голубые, а короны не было. Но в остальном это был точно такой Кощей, каким его запомнила Василиса и каким полюбила. – Убить богатырского коня не значит убить и самого богатыря!

– Да какой ты богатырь? – снова гроыхнул самый видный из воинов. – Ты убил ударом в спину красивейшую из женщин и смеешь еще называть себя так?! Проклятый колдун!

– Шамаханская царица и тебе успела глаза застит? – ухмыльнулся Кощей и поморщился, когда из разбитой губы снова струйкой потекла кровь. – Все эти убитые вокруг – брат шел на брата, отец на сына ради одной улыбки этой твари – ни о чем не говорят? Это же даже не человек, она просто прикидывается словно одной с нами крови! Я отрубил ей голову, и там не хлынула красная кровь, нет! Хочешь знать, что там было, богатырь?

– Довольно! – выкрикнул другой богатырь. – Сейчас мы поглядим, какая кровь у тебя!

Кощей поднял меч, готовый к продолжению битвы. Этого Василиса уже стерпеть не могла. Они же убьют его, убьют ни за что!

В ее времени тоже были Шамаханские царицы, но их давно никто не видел вблизи, и всем было известно, что бороться с ними должны богатырки или даже простые бабы с коромыслами. Существо, время от времени созревающее в глубине чащи и путешествующее в собственных лепестках, принимающих вид шатра, очаровывало хоть царей, хоть стариков и совсем юных мальчишек. Василиса не знала, что в них такого страшного, разве нравится всем – не мечта любой девицы? Но теперь, кружа над полем битвы, Василиса знала ответ.

И она бросилась вниз, раскидывая обширные крылья и закрывая собой Кошью.

Небо потемнело, снова начали собираться тучи. Богатыри прикрыли лица от бури, их кони заволновались и негромко ржали, желая убраться с поля подальше.

А Василиса махнула крыльями раз – высоко в небе загрохотал гром, махнула второй – сверкнула молния. Полился косой злой дождь.

Василиса смотрела, как из последних сил поднялся Кощей, как взял у павшего воина копьё... Она прикрыла свои птичьи глаза, когда Кощей ударил копьём. Она отвернулась, когда он размахнулся мечом, снося голову. Она взмыла чуть выше, когда Кощей использовал колдовство, вбивая спешившихся противников в землю, и спустилась, лишь когда все закончилось.

Кощей все так же тяжело опирался на меч, но теперь стоял один живой на поле боя. Василиса хотела заплакать, но сумела только заклекотать на птичьем. Это вернуло ее в реальность. Чего она ждала? Кощей неслучайно стал навьим царем: он убивал и не скрывал этого. Что до богатырей... Глаза их не зря сияли странным светом: похоже, и их зацепило колдовским очарованием Шамаханской царицы. То, что раньше Василиса не видела этого, ничего не поменяло для нее.

– Спасибо, ворон, но теперь некому защищать эти земли от набегов, неужто мне придется? – выдохнул Кощей, вытирая металлической перчаткой кровь с лица. Василиса только сейчас поняла, что разница не в одних глазах: у этого Кошью нет еще паутины

шрамов на лице. Да он, похоже, еще очень юн! – Да и коня у меня больше нет.

Кощей опустился на одно колено рядом с разрубленным на куски конем и коснулся ладонью залитой кровью гривы. Василиса вспомнила, как легко бросил царевич свою кобылицу на их дворе, и нежность затопила ее маленькое воронье тело.

Она села на голову коня.

– Прости, ворон, – твердо произнес Кощей и протянул руку, чтобы согнать птицу. – Можешь клевать кого угодно на этом поле, лакомиться глазами или пожирать мертвечину с утра до вечера, но моего боевого товарища не тронь.

Василиса негромко, но возмущенно каркнула. Она взлетела с головы коня, но лишь для того, чтобы снова сесть на круп, а потом она подула на коня раз – и ей непросто далось это с ее птичьим клювом!

Один раз дунула Василиса на коня – с костей слетели шкура и мясо, рассыпались пеплом, ушли в землю. Второй раз дунула Василиса – и встал конь как живой, лучше прежнего. Ржет, прядет ушами, хвостом от мух отмахивается.

– Ишь ты, – восхитился Кощей, улыбнулся широко, даже снова губа треснула, кровь на ней выступила. Совсем сомлела от его улыбки Василиса, не будь она вороном – упала бы в его объятия. Если уж ей его кривые усмешки по сердцу были, то как же тут удержаться? Но Кощей снова посуровел. – Тоже так уметь хочу. Может, богатыри еще послужат своим землям, за Шамаханской следом вечно какие-то твари лезут: то змеищи, то Горыныч – пожгут земли, ядом отравят.

Из Кощея ученик был не чета Василисе. Дунул – и начали подниматься воины. Плоти и кожи лишенные, но в доспехи да кольчуги облаченные, принялись свои и чужие копы да мечи подбирать, строем вставать да поворачивать к лесу гиблому, из которого и впрямь какая-то тварь лезла, змеиной головой качала, с зубьев яд капал, с того яда земля чернела и смердеть начинала.

От напряжения у Кощея, что дул и дул все на новых воинов, поднимая навью рать против змеищи подколодной, на висках полопалась кожа, да не кровь пошла, а заструился темный дым, окутывающий его голову, точно шлем какой.

Будь Василиса собой, рыдала бы сейчас горькими слезами, ведь видела она, что убивает себя Кощей, слишком много Нави поднимает,

слишком много жизни отдает. Но ворон не мог пролить ни слезинки, и Василиса воспарила вверх, туда, где снова собирались тучи, где гремела и ворочалась злая буря, для Василисы бывшая словно родная матушка, что утрет слезы и покачает на коленях.

Затерялась Василиса среди туч, намокли ее крылья, а когда вернулась, то поняла, что годы прошли, пока ее не было на земле. И нет больше следов змеищи-супостатки, да идут на Кощея те самые крестьяне, земли которых он защищал.

Василиса не знала, что про Кощея говорили эти зимы и лета, а земля полнилась слухами. Шамаханская царица обратилась невинно убиенной девицей, икотки да игоши – пожранными ненасытным колдуном младенцами, а уж армия его, из мертвецов собранная, и вовсе покоя никому не давала. Вот и вышел простой люд с топорами да рогатинами на колдуна, а Кощей поднять руку на них не решался.

«Бей! Бей или беги! Чего ждешь?» – что есть силы каркала Василиса, пытаясь крыльями закрыть Кощея, но он стоял, не в силах поднять меч и слишком гордый, чтобы бежать, и не понимал ее.

Василиса вновь попыталась укрыть его крыльями и бурей, но к ней подобралась юнцы с сетью да и накрыли, прижав к земле. Василиса бессильно каркала и ворочалась в сети, глядя, как протыкают Кощея рогатинами, как рубят топорами. И оставили его, повисшим на рогатинах, едва последний вздох покинул его изрубленное тело. Тень Кощея продолжала стелиться позади него и корчиться от боли, но это видела только Василиса.

Но теперь и она прикрыла глаза и обмякла. Она уже знала, что будет дальше, и сил смотреть на это у нее не было.

Повернулись замершие в отдалении оставшиеся без колдуна мертвецы и без особого порядка медленно двинулись на ликующих людей. Из леса полезли гнусные твари, что сдерживались колдовством Кощея, по земле стелилась и рябью перетекала лихорадка.

Василиса очнулась. Полно слезы лить над Кощеем – сейчас и ее затопчут или лихорадка выпьет. В мрачной чаще ей голодно – она и птицей не побрезгует. А мертвая Василиса никому не поможет: ни Кошеем, ни земле, которую заполоняли мерзкие твари, что лезли из всех щелей.

Василиса задергалась, острым клювом стараясь порвать сеть. Она едва успела отскочить вместе с запутавшейся на крыльях сетью, когда

ее чуть не затоптали убегающие. Тянуло гарью и остро пахло кровью, кричали люди, плакали дети, а Василиса, припадая на одну ногу, с волочащимися на крыльях и хвосте обрывками сети, пыталась пробиться к Кощею.

Он так и висел, согнувшись кочергой, телом поддерживаемый рогатинами, а ноги его едва касались земли. Бездыханный и бледный точно смерть. И только тень продолжала дрожать и дергаться. Василиса представила, какие муки испытывает Тень, привязанный к израненному и погибшему телу, и поспешила на помощь.

Как до этого она рвала крепкие сети, сейчас острым клювом кромсала тень у самой границы с телом, стараясь не смотреть, как ошметки тьмы утекают крошечными струйками. Василисе казалось, что она слышит крики боли, но, конечно же, ей казалось, и крики неслись не от тени, а от людей.

Но вот наконец последний удар клювом позволил Тени стать свободным.

Отделившийся от хозяина Тень вытянулся, поднялся с земли и подрос еще, становясь выше деревьев, но все таким же тонким, тоньше волоса. Василиса принялась счищать с крыльев ошметки сети, а когда обернулась к Тени, то в ужасе каркнула так громко, что едва не потеряла голос.

Тень то ли шел, то ли полз, неотвратимый, как сама смерть, и там, где он проходил, не оставалось никого – живого или мертвого. Точно огонь, он пожирал без остатка и людей, и тварей, и мертвецов, и зверей с птицами.

Одно хорошо – от сожранного он не рос, а наоборот, уменьшался и уплотнялся. Первыми проявились зеленые глаза, и Василиса ахнула: змеиные они, а вовсе не кошачьи, как ей раньше казалось! В остальном он походил на того Кощея, которого она помнила, разве что кожа была не бледная, а словно кость точеная, волосы были не черные, а словно тьма, струившаяся по плечам.

Замерла Василиса на земле, пошевелиться не смела, а ну и ее чудовище с лицом любимого проглотит? Но Тень, едва стал таким, как был, тотчас перестал поглощать ненасытной пастью все вокруг и вернулся к Кощею.

Словно соломенную куклу, поднял его, снимая с рогатин, да прижал к себе крепко. По спине ударил раз-другой. Василиса

приковывала поближе и смотрела во все глаза. Похлопывания по спине точь-в-точь повторяли удары сердца, и чуткая Василиса слышала, что пробитое сердце Кощея и впрямь начинает биться. Сначала медленно, потом точно так, как хлопал его по спине Тень.

Кощей открыл голубые глаза и медленно отстранился от Тени. Губы его ярче ягодного сока окрасила выступившая кровь, но в остальном он был таким же, как до своей ужасной смерти, и крепко стоял на выжженной черной земле.

Кощей закашлялся кровью и вымученно улыбнулся, разглядывая Тень. Тишина накрыла поле. Василиса боялась каркнуть, глядя на похожих точно близнецы с разными глазами Кощея и Тень.

– В этот раз ты получился хуже, чем обычно, – хрипло произнес Кощей. – Что случилось? Где сердечная игла?

Недобро усмехнулся в ответ Тень и раскрыл ладонь.

Чтобы рассмотреть получше, Василиса взмахнула ставшими свободными крыльями и опустилась на плечо Кощея. Тот даже не вздрогнул, разглядывая поломанную пополам иглу на ладони Тени.

– Тебе дважды пробили сердце, – пояснил Тень, словно любуясь иглой. – Я говорил, не держи ее там. Зато я немного похожу своими ногами.

– Нам нельзя жить по отдельности, – мягко произнес Кощей. – Ты превратишься в чудовище: ты взял слишком много плохого из меня. И поэтому ты в этот раз такой.

Тень молчал, качал на ладони обломки иглы и молчал.

– Ты же не хочешь таким оставаться, верно? Нам надо быть вместе, – повторил Кощей.

– Ну так позови ее, – наконец резко ответил Тень и сверкнул змеиными глазами. – Пока она еще может явиться на твой зов!

Глава 16

Василиса неловко переминалась с лапы на лапу, не зная, пора ей улетать или нет. К встрече с очередной соперницей, да еще когда она сама в вороньем облике, она была не готова. Но секрет сердечной иглы до того поглотил ее, что она не решилась покинуть Кощея. К тому же Василиса не успела еще привыкнуть к тому, что он снова жив и даже гладит ее воронью голову, чешет шейку и крылья.

Когда спустя несколько часов томительного ожидания появилась *она*, Василиса уже не знала, правильно ли сделала, что осталась. Сгорбленная старушка точно не была ей соперницей, если только это была не смертная супруга Кощея, которую он не оставил. Ее взгляд словно выцветших, но ясных глаз пронзал насквозь. Василисе захотелось спрятаться за Кощея и уж точно не смотреть в сторону старухи.

– Набедокурил, сынок, – произнесла старушка, отводя пронизывающий взгляд от Василисы. – Сколько говорю тебе: не подпускай людей близко, врагов держи на расстоянии копья, а добрых людей того дальше! Не слушаешь меня, а мой век не как твой: он у меня недолог.

Из-за пазухи она достала иглу, точь-в-точь похожую на сломанную, только целую и все еще испачканную в крови. Именно сейчас Василиса поняла, откуда берется эта игла. Хотелось ухватиться за грудь – а ее собственная игла есть ли? На месте ли она? Но Василиса не смела даже шевельнуться, глядя, как старушка вытягивает нить из своего платка и вдевает в иглу.

Кощей смотрел на матушку так, что даже сбоку Василиса видела в его глазах нежность. Тень выглядел недовольным, но не роптал. Уселся на землю позади Кощея, подтянул свои ступни к его. А старушка тяжело встала на сырую землю коленями, поморщилась и принялась шить. В ее сухих, точно птичьи лапки, руках игла только и мелькала. Тень тоже морщился, но терпел.

– Однажды кто-то узнает тайну, что вас надо одновременно убить, – беззлобно ругалась старушка, пришивая тень. – Спрячьте иглу

мою получше: второй не будет новой, и чем дольше будете по отдельности, тем сильнее разойдетесь, тем больнее сшивать будет.

Она бурчала себе под нос, время от времени бросая короткий взгляд на Василису, но та не чувствовала опасности. Напротив, зная, что это матушка Кощей, Василиса хотела показать себя во всей красе. Она разворачивала крылья, напивая их тьмой и бурей, но не давая вырваться даже ветерку, поворачивалась то одним боком, то другим и лишь жалела, что не может посмотреть обоими глазами разом.

– Да что с тобой, ворон? – пробормотал наконец Кощей. Он тоже морщился от того, как пришивала матушка тень к его ногам, но не только от этого. – Все плечо мне истоптал и когтями исцарапал. Неужто горюешь, что не испробовал мяса моего павшего?

От возмущения у Василисы вместо чистого раскатистого «Кррукрр!» вышло лишь «кхаа!», но тут за нее вступилась матушка, с трудом поднимающаяся на ноги. Споро протянутую сыном руку она не приняла, лишь положила в ладонь мокрую от крови иголку.

– Ворона не тронь: он мертвечину клевать не станет, разве что живого поклует, ну так то для пользы одной, – проворчала она. – И иголку долго у сердца не храни – найди место покрепче и получше.

Потом вдруг притянула Кощей за плечи ниже и поцеловала.

– Прощевай, Кощейюшка, не поминай лихом, – прошептала и... исчезла.

Василиса глаза закрыла и клювом щелкнула. Если Кощей только прознает, что она его таким видела, никакая служба не спасет. В лягушку превратит и каблуком раздавит!

Кощей стоял с остекленевшими глазами, вроде смотрел перед собой, но не видел ничего.

– Давно ей пора было, – неловко произнес Тень. – Задержалась, ведьма старая, на свете. На пару веков задержалась.

Василиса бы клюнула противного злюку, но так Тень это сказал, словно вот-вот слезы лить начнет.

– Она обещала не оставлять меня, пока я судьбу не встречу, – глухо ответил Кощей, все еще глядя сквозь то место, где только что стояла его матушка. – Обманула?!

Боль и ярость заставили его глаза вспыхнуть нестерпимо белым светом – отшатнулась Василиса, замахала крыльями. Залило этим

светом всю округу. Где немертва земля была, там трава пробиваться начала, а где мертва, то еще мертвее сделалась.

Но не ответил Тень: весь в Кощея перетек, осталась только тень от Тени, что как солнце повернет, так и замирает.

Долго бушевал Кощей, но и он выдохся. Устал, упал на землю и заснул беспробудным сном. А Василиса полетела мир посмотреть, каким он века и века назад был, неужто неинтересно хоть глазочком глянуть?

Мир ей не понравился. Промеж людей твари ходили, как люди одетые, как люди говорящие. Русалки-утопленницы к рекам мужиков заводили, упыри прямо на улице напасть могли и крови напиться. Малых деток без оберегов никто во двор не пускал, не то что за околицу. Ведьм просили о помощи, а потом их же тащили к реке топить, ежели помогала хорошо или не помогала вовсе. Волкодлаки не ждали зимы, чтобы лезть во дворы, и не было им разницы, раздирать на части скот или людей.

Пару раз Василиса разворачивала крылья, желая молниями пожечь целые деревни, зараженные лихорадкой или с волками-перевертышами, но останавливалась. Не ей тут жить – не ей и решать.

Потерянная и печальная, она вернулась к Кощею, чтобы обнаружить, что он времени не терял. С помощью своего коня, привычного ходить под седлом, а не под бороной, он поднимал плугом мертвую землю, в которую бросал человеческие зубы.

Ни легкому коню, ни Кощею это просто не давалось, но там, где они проходили, вырастал густой лес, и Кощей продолжал упрямо со всей силой давить на плуг, пока искромсанные куски черной от крови и яда земли не выворачивались, позволяя сеять.

«Да это же та самая мрачная чаща!» – сообразила Василиса, оглядываясь.

Она села на плуг, машинально принимаясь выглядывать червяков, – все лучше мертвой плоти, но в измученной земле не было ничего живого.

«Пусть живой сюда дорогу найдет только по великой нужде, а мертвый в трех соснах заблудится, в ручье потонет, в болоте застрянет, а из леса не выйдет. Пусть болезнь к корням льнет, во мху застревает...» – бормотал себе под нос Кощей, заклиная свое будущее

царство. От усилий дымок все сильнее тек из трещин в коже, формируя над головой Кощея уже не шлем, а корону.

Василиса отругала себя мысленно. Она Кощея воображала себе бессмертным, старым и сразу царем, будто таким он и уродился. А откуда царство у него взялось – не спрашивала ни себя, ни матушку, ни Кощея. А царство далось с кровью и болью, со смертью и ужасом.

Василиса снова поднялась в небо. Бури юному мрачному лесу было не нужно, а вот дождь был бы в самый раз. Все выше и выше поднималась Василиса, пока все, что не могла она выплакать, не пролилось на землю дождем.

Когда Василиса вернулась, не было сделано и десятой части, а трещины на лице Кощея расширились на палец. Того и гляди слезет кожа, обнажит кость и останется голый череп, ровно как у Ночи, Дня и Солнца, и целовать тогда Василисе кость до скончания ее века.

Не то чтобы она отказалась от такой участи – с любимым рай и в костяных хоромах, – но не позабыть ей было сладких поцелуев и улыбки, когда чуть поднимется уголок губы Кощея – и пропала улыбка, будто не было.

По всему выходило, что надо живую воду добывать, где бы она ни была. Решила Василиса, что так тому и быть. Украла в ближайшей деревне туесок крошечный, из березового лыка плетеный, да едва ли на горсть ягодок годящийся, оглянулась на Кощея в последний раз и полетела.

Долго ли, коротко ли она летела, глядь – источник из земли бьет. Села Василиса рядом, достала из туеска ягодку калины, кинула в источник. Почернела ягода.

Полетела Василиса дальше. Летела долго, но смотрит – из камней еще источник бьет. Кинула туда ягоду малины – ничего с ягодой не случилось. Кинула Василиса травинку – и снова ничего. Напилась Василиса воды обычной студеной и полетела дальше. Земли вокруг были черные, кишели тварями, что только опустились на землю. Василиса лишь радовалась крыльям и острому вороньему зрению – блеснувший источник она издалека увидела. Снова опустилась на землю, еще ягоду кинула – и снова ягода почернела.

Так и летела Василиса еще три дня и три ночи, пока не долетела до каменных глыб у подножия горы, а между ними была глубокая расщелина, и словно блестело там что-то. Спустилась Василиса ниже,

но в яму только собралась нырнуть, как услышала оттуда шипение и тотчас взвилась в воздух.

Уже с высоты птичьего полета она снова оглядела яму и поняла, что попала правильно. Только источник живой воды оказался вовсе не источником, а тоненькой ниткой воды, которая могла вдохнуть жизнь даже в мертвого. И добыть эту воду можно было, лишь спустившись в яму и придерживая сосуд для драгоценных капель у стены, балансируя на грани смерти и боли, ведь яма была заполнена ядовитыми змеями.

Касаясь ладонями капель живой воды и позволяя себе прильнуть к стене губами, когда боль от яда и укусов становилась нестерпимой, и так выжить – вот что требовалось от охотника за живой водой. И если судить по клыкам чешуйчатых бестий, они и сапоги кожаные пробивали, не то что платье или штаны.

Только вот Василиса была сейчас вороном, и стоять в кишевшей змеями яме ей было без надобности. Она бы и рада, только ее способ был немногим лучше. Несколько раз она подлетала к яме, рискуя свалиться прямо в змеиное гнездо, и выбирала, как ей спуститься, чтобы попасть точно к тоненькой ниточке воды, а не промахнуться и не соскользнуть ниже. Потом она отлетела к камням повыше и тренировалась денно и ночно держать крошечный туесок так, чтобы можно было прислонить его клювом к стене каменной и не выронить. Получалось плохо, но за каждый полет в дурно пахнущую ядом и мертвой плотью тех, кто не сумел выбраться, Василиса добывала каплю живой воды.

Так, долго или коротко, а справилась Василиса. Полный туесок собрала, крышечку приладила да назад к Кощею полетела.

Однако летела Василиса и узнать места не могла: мор прошел по земле выжженной, как только Василису и не задел. Деревья стояли чахлые, животные лежали там и тут, птицы не пели. Страшно стало, едва не повернула она назад, чтобы переждать мор, да вспомнила про Кощея, и крылья словно новую силу обрели.

Кощея она встретила недалече от пригорка, где он ворога встречал, змеищу подколенную. Только сейчас Кощей с каким-то деревом возился, поди разбери издалече!

Василиса подлетела ближе и чуть не каркнула от изумления. Одно и удержало, что в клюве туесок драгоценный держался.

А Кощей с дерева осторожно снимал мертвого ворона, на гнезде распластанного. Шевельнулась ревность в груди Василисы: неужто Кощей ее с этим вороном перепутал? Уж не похожи они ни капли: черные перья лежат иначе, крылья другой длины, да и мертв этот ворон, а она живая!

Кощей, заслышав хлопанье ее крыльев, обернулся, и такое облегчение на его лице появилось, что Василиса тотчас поняла — узнал.

— Как я рад, что ты жив, ворон, — произнес Кощей. — Словно наслал кто-то этот мор, остановить его даже черным колдовством сложно было, живых и не осталось почти. Поднять я подниму и птиц, и животных, если захочу, да только будет ли с того толк? Птицы мертвые не поют, животные мертвые не прячутся по кустам, в лесной чаще мертвые белки по ветвям не скачут и не трещат.

Он помрачнел.

— Слышал я, что про меня люди болтают, — продолжил он. — Царь Нави, кровожадный колдун, убийца и злодей. Устал я доказывать обратное, теперь попробую звание заслужить.

Кощей хотел было оставить ворона на дереве, но пальцы его нащупали в гнезде что-то еще. Василиса снова с трудом удержалась от возгласа, когда он вытащил пятнистое голубовато-зеленое, точно вода речная, яйцо.

— То ли еще живое, то ли нет, — вздохнул Кощей. — Теплое. Почему-то всего одно, как чудно!

Василиса, больше всего мечтавшая уже высказаться по поводу находки и того, что случилось с Кощеем, пока ее не было, подлетела к нему и села на плечо. И выплюнула наконец на подставленную ладонь крошечный туесок. А потом ласково коснулась трещин на виске, которые грозились раскрыться сильнее и сквозь которые уже виднелась белеющая кость черепа.

Кощей бережно взвесил на руке туесок. Он сразу догадался, что это, на то он и великий колдун.

— Живая вода, — прошептал он. — Непросто достать.

— Крррук! — не удержалась и похвалилась Василиса и замерла. Это что же Кощей удумал?

А Кощей смотрел на свои ладони. На одной лежал драгоценный туесок, а на другой умирающее воронье яйцо.

– Ворон, мне ведь много не надо, – произнес Кощей, да таким голосом, которого Василиса сроду у него не слышала. На что воронье у нее сейчас было сердце, а и оно застучало быстрее. Говорил бы он с ней таким голосом всегда, ничего бы просить не пришлось: Василиса бы на все согласна была! – А птенца жаль. Помоги разделить.

– Крр... крррук, – отозвалась Василиса, и, понимай Кощей ее язык, обязательно бы ответил, что злодей он для людей, а не для беззащитной птицы, но Кощей не понимал и лишь терпеливо ждал, когда она послушается. Будто чувствовал, что отказать в просьбе Василиса не сумеет!

Туесок был совсем крошечным, и капель драгоценных в нем было едва-едва, но перечить Василиса не посмела. И несколько капель с ее помощью попали на скорлупу яйца. Василиса сомневалась, что этого хватит, но уже через несколько коротких мгновений они оба услышали, как слабые удары наносятся на скорлупу изнутри.

Яйцо раскололось, точно вражий череп, и из него показалось серо-розовое скользкое существо. До чего дурно выглядел птенец, Василиса даже не посмела каркнуть, а вот Кощей был доволен.

– Вырастет – будет нам с тобой товарищ верный, – пообещал он. Василиса же глянула на просвечивающий с левой стороны несуразно-огромный череп, но только головой качнула. Так и будет. Вырастет.

А Кощей наконец ссадил птенца на валяющийся поблизости конский череп и осторожно, капля по капле, начал наносить оставшуюся воду на свои колдовские раны. Сейчас Василиса видела, что лицо Кощея потрескалось уже слишком сильно, чтобы восстановить его живой водой. Будь там хоть глоток, чтобы Кощей мог ее выпить, может, и хватило бы. А на деле он мог лишь втирать живительную влагу в те места, где это было особо нужно. Сидя на плече и вглядываясь в лицо навьего царя, Василиса видела то, что не замечала раньше. Трещинки расходились от глаз, сами глаза, светлые, словно июльское полуденное небо, будто покрылись коркой льда. Волосы выглядели безжизненными и едва клубились дымом. Тяжело навьему царю давалось его царство, даром что бессмертный!

И потому, когда Кощей попросил приглядеть за птенцом, Василиса не сумела ему отказать. Ну не сам же царь мертвых станет вороненку в горло куски мертвечины и червей совать, не ему его и холодными ночами греть!

Кощей бережно поднял две половинки скорлупы, уложил в них иглу сердечную и ушел. Куда – Василиса не следила. Одно она была рада, что Кощей иглу не у сердца держать нынче станет.

Вороненок рос не по дням, а по часам, и Василиса все быстрее узнавала черты Кощеева товарища, что жил в его тереме, а ее перенес сюда. Неужель чувствовал, что без Василисы ему не жить? Василиса его не спрашивала: мал еще был ворон, юн слишком. Кормила она его не только мертвечиной, но и кровью своей по капле: уж больно слабым вначале был птенец, да на крови поднялся. Вместе с Василисой уже по земле ковылял, того гляди и на крыло встанет.

Василиса ждала.

Она отчаянно тосковала по Кощею. Вроде бы он был рядом, слышно было, как строит он свои хоромы, но ни разу к ним не приходил: уж очень был занят. А Василиса вспоминала хоромы со светелками, с башнями, с подвалом да пристройками и тосковала. Долго Кощей строить будет такие хоромы – не увидит его Василиса, пока выкормыш не полетит.

И, словно понимая ее тоску, ворон рос. Он неловко разводил уже широкие крылья, взмахивал ими, все быстрее ковыляя по земле, а однажды наконец взлетел.

Едва выкормыш скрылся в голубеющем небе, как Василиса поспешила к Кощею. Туда, где белели костями тянущиеся к небу башенки.

Глава 17

В пару взмахов крыльев добралась Василиса до хором и ахнула. Пусть она и помнила их в своем времени, но видеть их только отстроенными да знать, что Кощей сотворил их пусть и с помощью колдовства, но один, – совсем другое дело.

Оставались мелочи: ставни поставить, частокол вокруг двора да крышу на конюшню.

Кощей нашелся рядом со своим творением и выглядел еще более уставшим, чем когда Василиса его покидала. Она хотела усесться ему на плечо, потереться клювом о щеку, дать погладить себя нежным, пусть и твердым пальцам, но не успела.

Дверь хлопнула, и на крыльце появилась девица. «Царевна», – поспешила мысленно поправить себя Василиса. Таких красивых царевен она до сих пор даже во сне не видала. Разве что на куколку ее она была похожа. Кудри золотые, точно солнечные лучики, в косу убраны, да коса почти до земли стелется. Глаза будто васильки синие, губы пунцовые, кожа ровная, а румянец горит, точно солнышко закатное. И не идет – плывет царевна лебедушкой.

Не посмела Василиса на плечо Кощей сесть – на конек крыльца приземлилась, оттуда и царевну видать было, и Кощей тоже.

А царевна спустилась с крыльца и к Кощею подплыла. Смотрела Василиса во все глаза, как Кощей красавицу обнял, а когда целовать начал, так зажмурилась. И пусть знала она, что тысячи лет Кощей живет и до Марьи Моревны в его доме девицы бывали, и после нее тоже, а сердце глупое никак понять этого не могло. Заболело, затужило, словно предал ее Кощей, целуя на ее глазах царевну в уста сахарные.

И не сдержалась Василиса.

Крикнула на прощание «кrrrrрук» с такой болью, что вздрогнул Кощей, оторвался от губ царевны, на нее оглянулся, да только было уже поздно. Ринулась Василиса в небо, перед глазами потемнело, словно посреди бури она летела, глаза тьма застилала. А потом с той же силой, с какой вверх рвалась, вниз ринулась.

Камнем ударилась о землю и... очнулась.

Василиса открыла глаза, чувствуя, как не хватает ее рукам перьев, будто голые они и мерзнут. И смотреть прямо тяжело и неудобно, и нос короткий!

– Василиса, ты очнулась! – кинулся к ней Кощей. Один глаз зеленый, другой голубой.

– Очнулась, Василиса, – с облегчением подтвердил и Тень. Другой глаз зеленый, второй голубой.

Василиса подняла руки и медленно повернула перед собой. Пять пальцев, ладони, голая кожа. Как неудобно, как же странно.

– Василиса! – Кощей схватил ее за руку и рухнул на колени рядом с ложем. Руку же ее к своему лбу приложил. Лоб обжигал, край короны холодил, а Василиса думала, как мечтала она его обнять, пока была птицей, и как больно ей было видеть, как его обнимает царица! Воспоминания хлынули водопадом, и она вырвала руку из хватки Кощей, откинулась на подушки и застонала.

– Это я виноват, – мертвым голосом произнес Кощей. – Почто мне эти проверки, даже пусть бы и вовсе не было у нее колдовской силы, разве ж хуже была бы сама Василиса? Разве сердце нам дано, чтобы мы взвешивали его на весах наравне с золотыми монетами и драгоценными камнями и мерили по чистоте бриллиантов?

Тень молчал, только смотрел на Василису неотрывно, словно видел насквозь, и от взглядов таких ей становилось жарко.

Но она помнила Тень, что пожрал людей и животных, вбирая силу для жизни Кощей, и потому взгляды жаркие ее морозили сильнее, чем зимний холод.

– Что ты смотришь на меня так, Василиса, будто обидел я тебя чем? – тем временем заволновался Кощей. Лицо его вроде и совсем не менялось, а вот взгляд... стал жарче, чем у Тени, того гляди лед треснет!

Хотела бы Василиса ответить, а что сказать – и не знает. Что целовал он царицу много веков назад, когда Василисиной семьи и в помине не было! Звучало совсем печально, будто обещал Кощей ей что-то или клялся, будто не было у него поцелуев жарких и объятий нежных. Только она и так знала, что были. Одного не гадала, что так больно будет это самой увидеть, что сердце до сих пор на части рвалось.

– Василиса... – Кощей ближе пододвинулся, снизу вверх в глаза заглянул, как не ответить! Василиса уже даже рот открыла ответить, как со двора шум раздался, словно кто-то в ворота ломился.

– Я посмотрю, – предложил Тень и, не дожидаясь ответа, вышел.

– Василиса, – наконец Кощей поднялся с колен и снова притянул к себе ее руку и заглянул в глаза, – как ты себя чувствуешь, сердце мое?

Василиса смотрела, как шевелятся его губы, но, казалось, не понимала ни слова. Хотелось забыть обо всем, что она видела в прошлом, встать достаточно, чтобы их лица были вровень, и дожидаться, когда Кощей прикоснется губами к ее рту. Но она не смела: слишком свежо было в ее памяти, как он целовал царевну.

– Это царь. – Ворвавшийся в покои Тень заставил их отпрянуть друг от друга. – Требуется показать ему девицу, что помогла жениться всем его сыновьям.

– Знаю я его. – Кощей помрачнел и выпрямился. – Царь вдов уже несколько лет, он снова мечтает жениться. Тень, у нас есть кто-то, кого мы можем выдать за Василису? Пусть как его наследник поищет среди одинаковых девиц нужную.

– Постой, Кощей, – прервала его Василиса, садясь на перине прямо. Силы возвращались к ней вместе со злостью. – Почему ты решаешь за меня? Неужель и впрямь в полон взял, али я вещь твоя из сундука?

Замер Кощей и так на Василису взглянул, что она уж на попятные пойти хотела, но он отступил и спросил глухо:

– Царицей быть хочешь? Чем мои злата и серебра тебе не угодили? Я не меньше царь, чем он, а то и более. Чай люди мрут часто и все в моем царстве оказываются!

– Не шуми, навий царь, – ухмыльнулся Тень раньше, чем Василиса успела придумать, что сказать в ответ. – Ты Василисе стать царицей не предлагал, все службами маял. А вот царь небось сразу свое счастье поймет.

Помрачнел Кощей, лицо потемнело, глаза метали молнии, но он кивнул, мол, прав ты, Тень. И произнес голосом, которым можно было заморозить:

– Ступай, Василиса, познакомься с царем. Только заклинаю, будь с ним аккуратнее. Он... непростой человек.

– Ты тоже на диво сложный, – снова влез Тень. – Даже я у тебя сам по себе, к тому же не совсем человек.

– Помолчи, – одернул его Кощей, а Василиса поднялась с перины, поправила платье, пригладила волосы и наконец спустилась.

Вообще-то царицей ей быть вовсе не хотелось. Но уж больно разозлило ее, как Кощей все за нее решал! И прав был Тень: Кощей ей так ничего и не обещал, разве что золото с серебром да огонь навий.

Да и царя Василиса ни разу не видела, чай, до их деревни царь не добирался! Василиса еще раз в сенях поправила волосы и платье, лишь потом вышла во двор и тотчас оробела. Надо было платье парчовое да сапожки сафьяновые надеть, как Кощей давно предлагал, как сейчас царь пошлет ее за настоящей Василисой, и что она скажет? Что эта вот замарашка она и есть?

К счастью, во дворе только один всадник стоял. Лошадка у него была низенькая да неказистенькая, а вот кафтан, золотом расшитый, блестел похлеще лысины. Прочие гости за воротами остались. Похоже, Кощей пускать всех разом не собирался.

– Ну и где царь? – спросила Василиса, струсившая настолько, что уже желавшая скрыться за надежными дверями. Пусть только царь поглядит на нее, она на него тоже поглазеет, и бегом обратно!

– Тихон! – неожиданно зычно для такого мужичка крикнул всадник, и тотчас ворота открылись и пропустили могучего, как богатырь, Тихона, волочившего с собой сундук.

«В сундуке царя возят! – мысленно восхитилась Василиса, прикусив язык, чтобы не сказать ничего вслух. – Умно! Чай, в сундуке не сглазит никто и на части враг не порубит».

Но вот Тихон погромел ключами и открыл замок, а внутри оказался сундук поменьше. И снова погромел он ключами и открыл второй сундук... Пока Василиса, раскрыв рот, смотрела, как сундук за сундуком становятся все меньше, мужичок в парче кряхтя спустился с коня и встал к ней поближе. Но вот наконец из последнего, совсем небольшого сундучка Тихон достал корону и со всем почтением водрузил на лысину мужичка. Корона была куда тоньше и меньше короны Кощея, зато золотая, и Василиса сразу все поняла.

– А зачем в сундуке ее возить? – спросила она прежде, чем успела себя остановить, тотчас ойкнула и поспешно поклонилась в пояс. Все-

таки царь! Хоть Василисе он совсем и не понравился: царь был староват, лыс и невысок.

Нет, если бы Василиса хотела быть царицей, она бы и не глянула на это. Да только Кощей совсем не был прав: она вовсе не мечтала о золоте и камнях и царской власти тоже не ждала. И оттого царя видела, каким он был – без короны.

– Так украдут же иначе: народ темный, до злата жадный, – царь поправил корону и вздохнул. – А тут, в Навьем царстве, и вовсе поди опасно с таким ездить.

– Вот еще, – обиделась Василиса за упырей и кикимор. – По твоей короне, царь, только в двух шагах и углядишь, что она есть. Разве ж на нее кто позарится? Да и люд у нас пусть темный, а простой: пока в ноги кланяется, до короны не тянется. Ты бы лучше приказал кузнецу сковать тебе корону полегче и потоньше, зато пошире и с узором побогаче, да и не из золота, а из меди или жести. А сверху тонким слоем сусального золота покрыть. Такая корона как огонь на солнышке гореть станет – далеко видать будет.

Задумался царь, пальцами по губам постучал, бороду кудрявую разгреб, брови нахмурил.

– Так надо мной все послы заморские смеяться будут, – наконец произнес он.

Василиса даже руками всплеснула. Вот же ж царь-недогада!

– Так послы тебя, царь-батюшка, вблизи видеть будут, им и эта золотая корона сгодится, а для люда простого надо корону поярче и позаметнее. И сопрет кто – не обидно будет!

Посветлел лицом царь – понял наконец.

– Ну Василиса, ну Премудрая! – покачал он головой. – Не зря я на тебе жениться решил!

– А у самой Василисы спросить не забыл, царь? – раздался мрачный голос Кощея за спиной, и Василиса с облегчением выдохнула. Испугалась она, что царь с собой увезет. А там поди и не женится, а будет еще лет сто обещать, пока она не состарится.

– Ну так чай не каждый день цари сватаются, – подбоченился тот. Кощей не испугался, но тут Василиса быстро поняла, в чем дело: тоже не признал, как и она при первой встрече. – А ты кто таков будешь?

– А я хозяин всего Навьего царства, – ровно ответил Кощей, становясь аккурат позади Василисы. Еще немного, и руками бы ее

пояс обвил, но удержался. – Ко мне ты приехал, царь, так что поговорим... по-соседски.

Побледнел царь, оглянувшись на оставшихся за воротами всадников, на шаг отступил.

– А говорят, будто старый ты совсем и вместо лица череп, – наконец произнес он. – Даже царевичи так говорят!

– Из царевичей меня только старший твой видел, а почто не признался... – Кощей развел руками. – Да леший его знает, ведьма ведает.

– Девицы, что у тебя день-деньской томятся да ночки коротают, – не выдержала Василиса. Снова перед глазами царевна-лебедь как живая встала. – Они, чай, замуж потом выходят. Им не с руки женихам говорить, что Кощей красив и молод.

Она вздрогнула, почувствовав, как наклонился Кощей к ней ближе, дыханием коснулся уха:

– Так ты считаешь, что я красив, Василиса? – шепнул навий царь, обжигая прикосновением губ.

Не ответила Василиса, только щекам от такой близости Кощеевой жарко стало.

– Ты невесту мою тут не соблазняй, – хмуро заметил царь. – Полонил ее где или служит тебе? Таковую красу не грех и по весу злата выкупить. У меня будет.

– Василиса у меня три службы служила, а как последнюю отслужила, так и свободна идти куда хочет. – Слова Кощея резали точно лед, а вот теплые руки таки обвили стан, к себе прижали. – Только вот я...

Что хотел сказать Кощей, Василиса не узнала. Вспомнила она, что до ее путешествия в прошлое было, до девы-лебедя, что глаза ей застила, до смерти Кощеевой. Другой кто-то умер, о ком она уже и думать забыла! Третья служба!

Полились слезы у Василисы градом. Лицо она руками закрыла.

– Белолика! – всхлипнула она. – Сестрицу сводную я по третьей службе сгубила.

Царь только бороду почесал.

– Ну точно моя первая жена, – произнес он наконец. – Та, чтоб царицей стать, двух сестер извела, а чужих девиц и вовсе без счету. Обычное дело при царском дворе. Ее и саму потом отравили,

болезную. Ладно хоть двух сыновей родить успела. А отравительница как царицей стала, третьего мне сына родила. Уж она дважды из одного кубка не пила, ела только после повара.

– И что с ней стало? – спросил Кощей, поворачивая к себе Василису и пытаясь в глаза заглянуть. Только Василиса рук от лица не отнимала, продолжая оплакивать Белолику.

– Да я в башне запер, – отмахнулся царь. – Совсем она ополоумела, хотела уж меня и старших царевичей потравить.

– И ты хочешь, чтобы я в такое опасное место Василису отпустил? – спросил Кощей холодно. – У меня на что упыри и ведьмы, а в царском тереме никого не травят, да и в темницу... кроме меня, никого не сажали.

– Ты мне зубы не заговаривай, – разозлился царь. – Прекращай девицу обнимать руками бесстыжими. Дам за нее злата по весу и коня богатырского. Пока царевича не родит, цела она будет, у нас в царстве с этим строго. А там, как знать, может, и привыкнет. Царевичам она тоже любя – не дадут в обиду.

А Василиса, все еще рыдающая по убиенной ею же Белолике, вдруг только-только сообразила, что быть царицей – это не только оставить Кощея, но и жить с царем, целовать его, а не Кощея, позволять ему себя обнимать, снимать парчовое платье...

Василиса спрятала вновь зардевшее лицо на груди Кощея. До платья у них с Кошеем дело не доходило, но от мыслей этих ей становилось жарко, а стоило подумать о царе – холодно.

– Не пойдет Василиса с тобой, – наконец произнес Кощей. – Уезжай, царь. Сразу в объятия не бросилась, значит, не твоя царица.

Царь снова почесал бороду. Василиса крепче прижалась к Кощею и зарыдала еще громче, опасаясь, что ринутся воины, сопровождающие царя, а Кощей опять безоружен, да и теперь Василиса это знала точно: не поднимет руку на тех, кто пошел на него не по своей воле. Если только он не изменился за прошедшие века, и думать об этом тоже было горько.

И не видела Василиса, как развернулись черепа на частоколе внутрь, как загорелись их глаза синим пламенем. Не видела, как за спиной обнимающего ее Кощея выросла молчаливая призрачная армия павших воинов, как явились тени волкодлаков и змей, как над самым теремом закрыл небо и солнце крыльями Змей Горыныч.

– Как же мне быть? – растерялся царь. Дрогнул, но не сбежал: чай он царь, а не мужик простой, чтоб от нечисти и нежити бегать! – Я же за царицей поехал. Как с пустыми руками вернусь?

Уж на что слезы Василисы были горькие, да только дар колдовской язык похлеще отвара горячего обжигал.

Повернулась Василиса, глаза ладонью вытерла да молвила между всхлипами:

– А ты поведай всем, царь, что не за царицей ездил, а за советом мудрым. Негоже царю самому себе невесту искать. Пусть царевичи и богатыри потрудятся да отыщут сад, где молодильные яблоки растут. Тот сад за тридевять земель в тридесятом царстве. И охраняет сад дочь царя, царевна пригожая как день, лунолика как ночь. Пусть твои сыновья и те, кто хочет попытать удачи, отправятся туда, добудут тебе молодильное яблоко и царевну в придачу.

Царь хитро глянул на Василису из-под бровей.

– Будь у меня молодильные яблоки да дочь-красавица, я бы просто так их не раздавал. Или вора́м руки и головы рубил, или давал бы службу сослужить похлеще прежней, – медленно произнес царь. – Ай, Василиса Премудрая! Так и мои царевичи при деле будут вместо того, чтобы с женами своими мне козни строить, и я авось женюсь да омоложусь. Не злата по весу, а камней самоцветных давать надо было!

На этих словах царевых Кощей руками Василису обвил, а появившимися крыльями сверху точно плащом накрыл.

Поглядел царь в небо на Горыныча, потом на тени безобразные, что за Кощеем стояли, да и снял корону, в сундук положил.

– Совет да любовь, – буркнул, когда Тихон последний замок приладил. – Прощайте.

Сел на коня и выехал за ворота.

Глава 18

Закрылись ворота, и снова стало тихо. А Василиса с новыми силами зарыдала, вновь про Белолику убиенную вспомнила. Пусть Белолика и ей самой смерти желала, а все одно – Василиса рыдала, ведь хоть не родную кровь, а убила она сестрицу собственными руками.

Кощей уж ее обнимал, слезы с щек сцеловывал – ничего не помогало.

– Что ты плачешь, Василисушка? – Кощей ее на перильце крыльца посадил, сам приобнял, глаза у них вровень оказались, вот навий царь ей в глаза и заглядывал. Один глаз зеленый, другой голубой, а оба с непривычной заботой смотрят, да так, что губы и без поцелуев горят. – Ужель жалеешь, что в царицы не пошла? Хочешь, осыплю золотом и бриллиантами, на золоте будешь есть, на перине, камнями расшитой, будешь спать?

Улыбнулась Василиса сквозь слезы.

– Не жалею я, Кощей, что в царицы не пошла, и подарков мне таких не надо вовсе. На золоте есть – еда простынет раньше, чем я успею кусочек попробовать, а на камнях спать жестко. А горюю я о своей душе подлой, о сердце черном, да о том, что убийцей стала.

– Это горе не беда, – краешком губ в улыбке дернул Кощей. – Я ведь такой же: душа и сердце мои черны, а убивал я не раз. И ты такая, Василиса, колдунья и злодейка, один в один мне подходишь. И так хорошо придумала царя извести. За яблоки уж немало битв кровопролитных было, а уж за молодильные кровь рекой литься будет.

Снова расплакалась Василиса, но Кощей останавливаться не стал. Только принялся целовать горячо губы, щеки, шею... Жарко стало Василисе, губам от собственных слез солено, тело же все плыло и горело в руках навьего царя – как тут плакать!

– Ну же, душа моя, сердце самой темной чащи, – с трудом оторвавшись от ее губ, выдохнул Кощей. – Хочешь, покажу, что было бы, останься Белолика дома? Завлекла бы мачеха твоя в свой дом старшего царевича, и стала бы Белолика царицей. Закрой глаза, я перенесу тебя туда, где это будто совершилось.

Василиса губу прикусила едва ли не до крови, но все-таки вслух сказала, что думала:

– А Расскажи на словах, Кощей. Боязно мне снова смотреть что-то да отправляться. Я еще с прошлого раза ни жива ни мертва. Столько мне напоявлялось, что мне еще расхлебывать и расхлебывать!

– В хоромы тогда зайдем, – предложил Кощей. – На скатерти покажу, так не боишься?

Вспомнила Василиса, как смотрела на человечков с ладошку, и кивнула. Одно она позабыла, что вдругорядь без Кощей смотрела. А Кощей от нее ни на шаг не отходил, пока на скатерти развернулась история, и Василиса на части разрывалась: то ли смотреть, как Белолика воду, отравленную зельем приворотным, царевичу с поклоном подает; то ли шепот, щекочущий шею, слушать; то ли смотреть, как Белолика царя травит; то ли руки Кощей убирать, что ее платье оглаживали.

А Кощей не соврал.

Белолика как царица страшное горе царству несла. Все больше и больше от простого люда требовала, уж на полях день и ночь работали, в лесах все зверье и птиц выловили, Василиса бы заново расплакалась, но уже от облегчения, только Кощей отвлекал от слез: целовал шею и плечи, опалял жаром там, где касался ладонями бесстыжими. Не стала Василиса досматривать, чем царствование Белолики должно было закончиться, развернулась в руках Кощейевых, сама к губам его первая прильнула, руки в волосы запустила.

Долго ли, коротко ли они так стояли. Молчал череп, на лавке оставленный, молчал Тень, в проеме дверном застывший, молчала и куколка, которую навий царь вернуть решил. А когда Кощей и Василиса друг от друга оторвались, Тени рядом уже не было. И это оказалось на руку Василисе, которая ясно вспомнила, что говорила Кощейева матушка.

Обвила Василиса руками шею Кощей, приподнялась на цыпочки, чтобы на ухо шепнуть, и спросила:

– Как давно вы с Тенью разлучились в этот раз?

Если и удивился Кощей вопросу такому, то вида не подал. К ее уху наклонился и шепнул в ответ, что триста лет они разными ногами дороги меряют.

Василиса пошатнулась – так и упала бы, не поддержи ее Кощей.

– Триста лет? – змеей прошипела она ему. – Три века?! Да как вы с ума еще оба не сошли?

Кощей щелкнул пальцами, и стало тихо так, что Василиса решила сначала, что оглохла.

– Теперь никто не подслушает, – пояснил устало Кощей. – Тень давно уже мечтает или сам иглу сердечную сломать, или царевичей и богатырей подговорить. Но без меня в сердце чаши ему не попасть, так я все зачаровал. Ведь его убить никто не догадается, а коли после иглы меня убьют, он снова свободу почувствует.

– Он все дальше от тебя, да? – Василиса погладила кивнувшего Кощея по щеке и задумалась. Тень Кощея пусть не сам Кощей, но умен и хитер, просто так его на мякине не проведешь. Разве что использовать слабости, а таковых у Кощея и его Тени пусть и немного, но они разделены на двоих. – Кажется, я знаю, что делать. Попрошу лишь об одном: уходи и вернись по моему первому зову, а как придешь – не мешай.

– Это уже три просьбы, душа моя, – усмехнулся Кощей, но спорить не стал. Наклонился, поцеловал по очереди все пальчики Василисы, потом раскрытую ладонь, крутанулся на месте и исчез.

Василиса подождала немного, потом поправила волосы и платье, прохладными ладонями остудила горящие щеки, вдохнула, выдохнула и позвала властным голосом:

– Явись передо мной, Тень.

И ногой топнула, как в прошлый раз.

Она до конца не верила, что все получится, но Тень и впрямь возник прямо перед ней – она едва удержалась, чтобы не отшатнуться.

– Звала, моя царица? – ухмыльнулся Тень. – Этого Кощей тебе не скажет, а я вот запросто. Оставайся со мной, я дам тебе то, что Кощей не сумеет, ведь он даже воспоминания о любви, тень прежних страстей безжалостно оторвал от своего черного сердца и отдал мне. Соглашайся, Василиса, со мной ты не будешь ведать печали.

Василиса, сердце которой от вкрадчивых слов трепыхалось словно птица в силке, лицом ничуть не изменилась, только бровь подняла изумленно.

– Думаешь, я звала тебя, чтобы слушать? – произнесла она холодно и достала частый гребень, что еще батюшка ей из дальних

путешествий привез. – Ты мне столько раз косы плел, хочу и я к волосам твоим прикоснуться.

– Усыпишь меня и голову отрубишь? – сверкнул зеленым змеиным глазом Тень. – Иначе зачем тебе баловство такое?

– Мой гребень обычный, – Василиса повертела гребень в руках. – Надо очень постараться, чтобы он усыпил. Что до баловства... В одном ты прав, Тень: Кощей мне в жизни не позволит к его волосам с гребнем прикоснуться, а мне очень хочется.

– Очень хочется, – повторил Тень и облизнулся, не отрываясь глядя на губы Василисы. – Что же, будь оно по-твоему, моя царица. Но как закончишь расчесывать, у меня тоже будет к тебе одна просьба.

Василиса качнула головой.

– Сразу говори какая просьба, – потребовала она, памятуя о планах своих коварных. Исполнение просьб могло их нарушить.

– Поцелуй твой хочу, – снова сверкнул зеленым глазом Тень, – мне подаренный.

Василиса думала недолго.

– Будет тебе поцелуй, – вздохнула она и на лавку указала. – Садись, Тень.

Волосы у Тени были точь-в-точь как у Кощея – тут Василиса чуть душой покривила, а не соврала. Мечтала она однажды так гребнем по волосам Кощея пройти, но спросить боялась. А тут вроде как для дела.

Гребень у нее был простой – это Тень точно увидел да проверил. Забыл только он или не знал даже, что у Василисы колдовская сила в словах таилась. Пальцы едва заметно светиться начали, когда она гребнем водила, а Василиса еле слышно приговаривала:

– Спи, глазок, спи, другой, сердце, спи, усни, Тень, крепче, ничего не разбудить, кроме Петушка – Золотого гребешка...

Тут Василиса спокойна была: петухов на дворе Кощея не водилось.

Уснул Тень, тяжело назад завалился, чуть Василису не уронил.

Василиса и крикнула, зная, что теперь ничто Тень не разбудит:

– Я жду тебя, Кощей!

Вихрь посреди комнаты тотчас явился, раз – и стоит Кощей, во все глаза смотрит.

– Что ты удумала, Василиса? – только и спросил, подойти ближе не решаясь.

– Сейчас увидишь, – хлопнула Василиса в ладоши, и опустил ей на вытянутую руку ворон. Сразу с яйцом в клюве – умник такой!

Когда-то из этой скорлупы он и вылупился, скорлупа живой водой была полита, поди еще расколи ее! Но ворон это сумел. Сжал клюв – треснуло яйцо, и сердечная игла из него прямо в ладонь Василисе вывалилась.

Побледнел Кощей, точно смерть свою увидал.

– Что ты хочешь сделать? – только и спросил хрипло, будто голосу своему не доверял.

Василиса ворону на платок матушкин кивнула, а как его получила, принялась нить за нитью доставать. Уж чем лучше сшить навьего царя с его тенью, если не нитью из платка, который матушка с любовью соткала!

– Соединить вас обратно в одного хочу, – пояснила она, вдевая нитку в иголку. – Негоже одной судьбе двумя расходиться.

– Нельзя нам вместе снова быть! – Кощей отпрянул, того гляди в угол забьется. – Тень неспроста от меня оторван. Там моя любовь старая, там мои горести и обиды! Все я в него слил, чтобы ничто меня тронуть не могло!

Не будь руки Василисы заняты, она бы ими всплеснула.

– И зачем ты им позволяешь в твоей Тени расти и сил набираться? Прими их все, это часть тебя, а не огрызок какой. Что до любви твоей старой, я и не боюсь вовсе. А раз я не боюсь, то и ты не бойся.

Кощей молчал долго. Василиса уж думала, что ей придется его дальше убеждать, но наконец он медленно кивнул, после чего подошел и осторожно приподнял Тень, облокотившегося на Василису, и уложил на лавку так, чтобы голова покоилась на лавке, а ноги свисали до пола. Встал сам Кощей со стороны ног Тени, спиной к лавке, ссутулился, руками себя обнял, но стоял и не шевелился.

Василиса скорее присела на пол, пока Кощей не передумал, и давай иглой работать. Уж шить ее матушка хорошо научила! Чего Василиса никак не ожидала, так это того, что нить укреплялась кровью из сердца того, кто шьет. То-то Василисе странным показалось, что руки матушки Кощея мокрые от крови были! И ничем старушка не выдала, что это так больно!

Василиса прикусила губу. Матушка Кощей многожды справлялась – уж Василиса один раз точно справится. Каждый стежок пронзал короткой болью сердце, и нить выскальзывала из пальцев, липкая и мокрая от крови.

Давно уж Василиса опустила на колени, чтобы легче было переносить боль и быстрее дошить. Только быстрее никак не выходило. Делала Василиса шов больше – сердце кровью обливалось, ни вздохнуть, ни выдохнуть, делала меньше, но чаще, и совсем задыхаться начинала.

– Не получится у тебя, Василисушка, ничего, – вдруг клацнул челюстью Найден, о котором Василиса и забыть успела. От неожиданности она иглой кольнула палец и выступившей каплей крови испачкала нить.

– Почему не получится? – Василиса поднялась на ноги и потянулась, как же она устала! Хорошо хоть стежков осталось сделать совсем немного. Да и Кощей молодец – стоит и не шелохнется, даже на голос черепа головы не повернул. И Тень спит, не просыпается. Можно пальцы исколотые размять, подышать полной грудью.

– А ты вспомни, что ты ему пообещала, – череп вспыхнул глазами. – Не исполнишь до того, как тень обратно вольется, кто тогда тебе останется? Кощей али Тень, который будет исполнения просьбы ждать?

Похолодела Василиса. Чай, когда матушка Кощей шила, все легко и ловко получалось! А у нее все не так!

Обежала она стоявшего, словно статуя, Кощей и поняла тут, почему он так стоит: он и впрямь замер во времени. Глаза его были широко открыты, но цвета в них не было – белешеньки оба глаза, ни точки другого цвета!

Испугалась Василиса так, что своя боль сердечная чепухой показалась. Обвила шею Кощей, целовать принялась, а толку нет – губы его холодные, дыхание еле теплится.

– Не того опять целуешь, дурная девица! – прикрикнул на нее Найден. – Скорее! Нить вот-вот истончится, останутся они не до конца соединенными, быстро шов разойдется, второй раз не обманешь!

Ринулась Василиса обратно к лавке и замерла. Вот лежит Тень, глаза закрыты, грудь мерно вздымается, ни дать ни взять – Кощей. И ведь правда почти Кощей, только будет ли обманом ему поцелуй

дарить? А ну как сам Кощей узнает? Он небось не Василиса, чтобы слезы лить и злиться, про других девиц думая. Выгонит ее со двора и огонька навьего даже не отсыплет.

Разозлилась Василиса на себя. Когда поцелуй обещала, о чем думала? Поздно сейчас печалиться!

Она наклонилась и поцеловала Тень. Губы его были теплые и нежные, и Василиса с трудом оторвалась от них, чувствуя, словно жизнь покидает ее тело вместе с поцелуем.

– Дошивай быстрее! – череп клацал зубами от волнения. – А то умрешь! Зачем ты его в губы поцеловала, можно и в лоб было, а сейчас в нем пустота зияет: он же в Кощей почти перетек!

Бросилась Василиса к игле оставленной, еле дрожащими пальцами ухватить сумела. Стежок, второй. Пот льется, глаза застит, Кощей не шевелится, а вот Тень потихоньку словно рябью пошел, как вода на озере от ветерка слабого.

Последний стежок она сделала, почти уткнувшись носом в пол. Зубами нить оторвала и руку с иглой подняла. Умный ворон тотчас иглу выхватил, взмах крыльями – и нет его в хоромах.

«Только бы снова сознание не потерять! – подумала Василиса, пытаясь не дать глазам закрыться. – Кощей уж пожалел, что со мной связался. Болезная – то притомится, то сомлеет, то вовсе сбежит!»

С пальца побежала по капле кровь, начала пачкать пол и шов, и боль не давала Василисе ускользнуть во тьму. И потому она видела, как потемнел Тень, как стали тускнеть его жизненные краски, как стало сбиваться дыхание, а потом ей стоило моргнуть лишь один раз, как он обратился плоской тенью, такой же как у самой Василисы. И в то же мгновение вздрогнул Кощей, вдохнул полной грудью, выпрямился.

Как выпрямлялся Кощей, так Василиса чувствовала холод и безразличие. Ее только и радовала хорошо сделанная работа – ни стежочка не было видно между навьем царем и тенью! Знать, не забыла она матушкину премудрость.

А Кощей? Да что Кощей? Кощей сейчас заново переживает любовь к Марье Моревне. Ладно хоть знать не будет, что благодаря Василисе никогда больше бывшую супружницу не встретит – ни во сне, ни наяву.

Василиса наконец сумела встать прямо. Холод сковал ее изнутри, но больше не беспокоил, точно это она сама по себе была холодной, а не замерзла.

– Он! Ты! – вихрем налетел на нее Кощей, за плечи потряс, в глаза заглянул. – Василиса, ты его поцеловала!

Василиса и боялась этого вопроса, и ждала, но теперь осталась безучастна.

– Поцеловала, – лишь вяло согласилась она. – Таков был уговор.

– И ты не жалеешь? – грозно сверкнул глазами Кощей, плечи сжал так, что сам испугался и хватку ослабил.

– Таков уговор, – Василисе стало скучно, украдкой она зевнула.

– Ты! – Василиса впервые видела растерянность на лице Кощея. Хихикнул череп, улыбнулась куколка, а Василиса даже бровью не повела. – Ты теперь должна вернуть мне этот поцелуй!

Задумалась она. Неужто и впрямь должна? Посмотрела на Кощея, в глаза его светлые, одинаковые. Такого Кощея она и впрямь еще не целовала.

Василиса притянула обомлевшего Кощея ближе, прижалась губами к его и отступила. Жаркий Кощей. И только.

– Холодная, – прошептал Кощей. – Что же случилось с тобой, Василиса?

Василиса не ответила, и Кощей схватил с лавки череп.

– Отвечай, что тут было! Кроме... кроме поцелуя? – прорычал навий царь, бледный от ярости. Дом скрипеть перестал, косточки все ровненько встали, а толку-то!

– Не стану, – заупрямился Найден. – Ты меня убил, а не пленил – не стану я тебе помогать.

Кощей взгляделся в его вспыхнувшие и вновь потухшие глазницы и с яростью отшвырнул череп прочь. Василиса проводила взглядом отлетевший в угол череп и осталась такой же безучастной. Не раскололся же на мелкие куски, вот и славно.

– Он и не знает, – знакомый тоненький голосок и тот не заставил Василису удивиться. Что куколка может говорить не с ней одной, она догадалась. Чай, Кощей ее не просто в полоне держал, вот и разговорить сумел. – Откуда ему знать, он до смерти купцом был, а после на твоём частоколе висел. А вот ты, Кощей, и сам догадаться бы мог.

Василиса села на лавку, расправила скатерть-самобранку да заказала яств заморских. Проголодалась.

Слушать куколку ей не хотелось, а пришлось. Та ведь прямо под руку говорила, другому бы весь вкус блюд испортила, но Василиса слушала вполуха да ела.

Глава 19

Кощей сначала сел рядом с Василисой на лавку, голову кулаком подпер, смотрел не отрываясь, пытался сам разобраться.

— Ладно, куколка, твоя взяла, не могу понять, что с ней не так, — признался он, когда Василиса уж взвар ягодный себе наливала. — Вроде все при ней, а холодная, словно и не Василиса вовсе. Я бы подумал, что Тень ее выпил и подменил, да только вся память Тени моя без остаточка, не мог он ничего сделать — спал.

И Кощей снова зарычал от ярости. Его лицо, которое Василиса привыкла видеть почти неподвижным, будто он боялся расширить трещины у висков, теперь искажалось таким вулканом чувств, что рядом с ним было сидеть ровно как рядом с открытым огнем — очень жарко и опасно.

Василиса же налила себе еще полный кубок горячего взвара. Никак не могла согреться. На Кощея она больше никакого внимания не обращала. Злится и злится, чай он в этом доме хозяин — захочет, может и вовсе от ярости лопнуть, никто ему в том не указ.

— Узнал тайны Тени, да? — из угла ехидно проворчал Найден. — Чай, и на Василисушку Тень неспроста поглядывал?

Найден замолчал, когда Кощей швырнул в него блюдом с медовыми сладостями, только тихо рассмеялся от того, что верно угадал. Василиса снова промолчала. Она и сама давно уж поняла, что неспроста Тень ей приходил косы плести и вовсе не по указу Кощея. И по зову ее являлся не потому, что иначе не мог, пока она в доме. Только что об этом говорить, когда был Тень — и нет его? Весь обратно с Кошеем слился, только безмолвное пятно от него осталось.

— Василиса наша сердце смертельно застудила, — начала рассказывать куколка. — Мог бы и сам догадаться: игла сердечная — так и сшивать вас самим сердцем надо было.

Василиса положила себе малины и кивнула. Так и есть, сшивать сердцем, и как она раньше не поняла? Глупая была. Теплая. Горячая даже. От того и не видела многого.

— Да откуда ж мне знать? Матушка, небось, раз семь или восемь нас сшивала, — в сердцах бросил Кощей.

– Оттого и прожила меньше, чем могла, – куколка была неумолима, все сильнее от ее слов бледнел Кощей, а Василисе до этого никакого дела не было. – Да и то, матушкино сердце для своего дитя бесконечно не иссякнет, а Василиса наша еще молода, вот и застудила. Промерзла теперь насквозь, ведь как сердце, так и человек.

– И что теперь делать? – Кощей глянул на Василису и снова на куколку.

– Можно ее к Морозу отправить, будет ему за дочку, – куколка расправила платице точь-в-точь как это делала Василиса. – А можно жар-птицу найти, службу ей сослужить и вместо пера глупой огненной курицы, что все с нее требуют, получить жара глоток. Должен помочь.

– Да никогда Кощей за все тысячелетия никому не служил! – Кажется, вскочивший на ноги навий царь стал выше ростом, тьма от него расползлась по углам, клубами поднялась к потолку. – Мне все служили!

– Тогда Мороза ищи, – куколка смотрела смело, хоть и была чуть больше ладошки. – Или у себя оставь, в светелке, пусть в камушках самоцветных ковыряется да злато-сребро на себя меряет. Как раз тебе сгодится: ты же от себя все, что горит, откромсываешь, вот и у нее все замерзло.

Кощей ссутулился, обнял себя за плечи, а потом словно спохватился и снова бросился к Василисе. Целовал ее в губы, в щеки, куда придется. Обнимал со всей силы, разве что только синяков не оставил да кости не помял. Василиса не вырывалась, но и не отвечала. Смотрела глазами не зелеными лишь, а сине-зелеными, будто речная вода, и такими же холодными.

– Леший с тобой, – наконец выругался Кощей, оставляя Василису. – Сказывай, куколка, куда идти и как службу сослужить да скорее вернуться!

Василиса то не слушала. Поднялась в сокровищницу, открыла сундук и принялась перебирать камни-самоцветы. Прозрачные, словно льдинки, и разноцветные, только они и привлекали Василису. А еще от них не было жарко.

Долго ли, коротко ли она так сидела, уж и День Ясный с Солнцем Красным проезжали, и Ночь воротился, и снова День с Солнцем, да только стукнула внизу дверь.

– Принес? – раздался голос Найдена.

Не ответил Кощей ему, зато раздался голос куколки:

– Ты на него внимательнее посмотри и сразу поймешь, что принес!

Василиса же от самоцветов не оторвалась: уж до чего они красиво на ладонях рвущимися из окошка лучами играют!

Тяжелые шаги по лестнице, вот и вошел в сокровищницу Кощей. Глаза синие, точно сапфиры, а губы черные, точно обожженные.

Василиса только поднялась ему навстречу, а он ее обнял и губами к ее рту прижался. Не поцеловал, а словно выдохнул что-то, что в его рту билось, и небо, язык и губы огнем жгло. Василиса и понять ничего не успела, как все тело ее будто огнем обьяло. Слезы сами полились из глаз, но не от боли, а словно лед по весне таять начал.

Застучало сердце как прежде, щеки зарумянились, белками заскакали мысли. Смотрела Василиса на Кощея во все глаза и видела, что непросто ему встреча с жар-птицей далась: губы словно пеплом покрылись, глаза снова выцвели до озерного льда, трещинки черные под глазами глубже залегли, а те, что на висках, едва заметным дымом за клубились.

И того горше Василиса заплакала, позволяя Кощей слезы те целовать да ее обнимать.

– Вернулась, Василиса, – пробормотал Кощей ей в губы. – Проще текучую реку в ладонях удержать, чем тебя, красна девица. Чем крепче держу, тем скорее ты ускользаешь, мое сердце темной чащи.

– Прости меня, Кощей, столько хлопот от меня, – выдохнула в ответ Василиса, но продолжить не успела: снова впился в ее губы поцелуем Кощей, терзал ее рот с яростью, которая Василису не пугала, а только опаляла жаром сильнее того, что от жар-птицы достался.

А Кощей ее на руки подхватил, поцелуя не разрывая, да вихрем в иную комнату перенес, где на перину пуховую усадил.

– День мой ненастный, – оторвавшись от ее распухших пунцовых губ, пробормотал Кощей. – Ночь моя светлая. Темная внутри такая, что глазам больно, но смотреть и взгляда не оторвать от тебя, душа моя. Неспроста и в Тени ни крохи иной любви не осталось, кроме как к глазам твоим невозможным, губам твоим сладким. Не пришлось мне с ним бороться, когда ты нас сшила, только и нужно было не захлебнуться в страсти его горячей.

Заалелась Василиса пуще прежнего, смутилась, а что сказать – не знает. Огляделась она, чтобы дух перевести, батюшки-светы, они в опочивальне Кощея, а Кощей то наглядеться на нее не может, то снова целовать принимается – и руки целует, и плечи.

Вскочила Василиса с перины, а убежать не смеет. Сколько Кощей за ней бегать будет? Разве ж может она снова его оставить, когда он за ради нее всего себя опалил? Но и оставаться боязно.

Стены и пол скрипели недовольно, стонали разными голосами, снова чьи-то крики из подвала чудились, и поди пойми, чего кости, из которых хоромы собраны были, хотели: то ли гнали они Василису прочь, то ли корили за ее робость.

Кощей тоже с перины поднялся.

– Пойдем во двор, Василиса, – сказал он спокойно, словно только что не тонули они в общем на двоих огне. – Подарок у меня для тебя есть за службы честно сослуженные.

Любопытно Василисе стало, спустилась она из башенки, вышла во двор следом за Кощеем. Глядь, а он к конюшне идет.

Василиса за ним поспешила. Вспомнила она, как кто-то дышал и ворчал в конюшне жутко. А ну как там Горыныч прячется или полкан песьеголовый копытами бьет?

Открыл Кощей дверь в конюшню, широко рукой обвел.

– Выбирай, Василисушка, коня себе любого, на какого глаз ляжет, уж так ты меня колдовством своим темным порадовала, что не могу в ответ твое сердечко не потешить.

Глядь Василиса, а конюшня внутри куда больше, чем снаружи! И коней в ней – со счета сбиться. Все хороши как на подбор: высокие, тонкокостные, шеи лебединые, глаза огнем горят, ноздри раздуваются, копытами бьют – искры летят. Смотрит Василиса и выбрать не может, да и на конях она ездок слабый, чай в деревнях девки на конях не катаются, будь ты даже дочерью купца. Да что там, Василиса не слыхала, чтобы дочери богатырей в седле разъезжали!

Но как не принять подарок, когда Кощей дарит? Этого Василиса тоже никак понять не могла и так бы стояла в конюшне, да только услышала, как хрипит и сопит кто-то, точь-в-точь небольшой Горыныч, ровно так же как она в первый самый день услышала.

Ринулась Василиса туда бесстрашно, глядь – стоит конек невеликий ростом, масти пегой, шерсти густой, сам остальным коням

едва по грудь будет, а копытом широким бьет так, что сено в его стойле тлеет!

– Вот этого хочу! – Василиса на Кощея оглянулась. Засмеет?

Кощей и впрямь рассмеялся. По-настоящему! Василиса оторопела сначала, а потом обрадовалась. Ужель и так навий царь до сих пор может! Она-то думала, что и улыбки его не увидит ни разу.

А Кощей ее от земли приподнял и в губы поцеловал пылко.

– Колдунья! – с восхищением шепнул. – Настоящая колдунья! Лучшего коня выбрала. Не смотри, что неказистый. Он для хозяйки птицей полетит, зверем побежит, змеем поползет и рыбой поплывет – ты просто прикажи! Только он в конюшне застоялся. Даже тати ночные да вороги могучие как до конюшни добирались, ни разу конька этого с собой не брали.

Василиса руку протянула к коню жалеючи. Оскалился тот зубами волчьими, огнем из ноздрей пыхнул, но шею подставил. Погладила Василиса его по шерсти густой да по гриве косматой.

– Застоялся, – повторила за Кощеем. – Бурушка. Можно мне его под солнышко вывести, дать травки пощипать, копыта поразмять?

– Твой конь, Василиса, – Кощей снова ее поцеловал. – Что хочешь делай. Хочешь, наперегонки пустимся?

– Наперегонки, – Василиса нахмурилась. Вспомнила коня Кошеева, что вихрем носился, посмотрела на Бурушку своего и кивнула. – А давай, Кощей.

Заржал тут Бурушка так, что стойло трещинами пошло, перемахнул через него и рядом с Василисой встал как вкопанный. Василиса ждать не стала, не стала и оседлывать, словно нашептал кто. Забралась на коня, только за шею обняла, как стрелой рванул конь с места, лишь Кощей их и видел.

Василиса видела, как пролетают под копытами Бурушки ворота, старые высокие ели, тинистые лесные озера, каменистые гряды. Только скосила взгляд и увидела, как у бока Бурушки вихрь черный пристроился: Кощей на коне своем нагонял.

Не понравилось это Василисе – так и проиграть недолго. Наклонилась к уху Бурушки да шепнула слова заветные, что в голове вспыхнули, словно всегда там были. Заржал Бурушка, змеем летающим обратился и быстрее ветра заскользил по воздуху. А Кощей на вихре не отставал, того гляди совсем нагонит!

Снова шепнула Василиса – обратился Бурушка зайцем размером с медведя да помчался через буреломы мимо леших мшистых, мимо ведьм корявых, мимо упырей красноглазых и толстозадых русалок, мимо царь-птицы, что выбрасывала из огромного гнезда человеческие черепа, и мимо мирно поедающей упыря жар-птицы. Бурушка оборачивался то рыбой, и Василиса вместе с ним ныряла на дно темных озер, пролетая в воде мимо похожих на жирных лягушек водяных и костлявых водных кровопивцев, то становился птицей и пропадал вместе с Василисой во влажных тяжелых тучах.

Да только нигде не отставал от них Кощей на своем костяном коне. И Василиса лишь вначале злилась, а потом поняла, что ей это даже нравится. Не так страшно скакать мимо населяющих Кощеево царство навей и чудовищ, когда сам царь не отстаёт!

Бурушка был таким же свежим, как в начале пути, а сама Василиса уже пожалела, что не оседлала коня. От такой бешеной скачки уже все болело с непривычки, и Василиса снова шепнула Бурушке, и он обернулся собой, рысцой поскакал по вынырнувшей из чащи верткой тропке. Тотчас позади них на своем черном коне оказался Кощей, но догнать не пытался, хотя из поля зрения не выпускал!

Бурушка перешел на шаг. Василиса теперь могла отдышаться, вытащить из разлохмаченной косы мелких рачков и водоросли, поправить сохнувшие прямо на теле платье и рубаху. Как следует рассмотреть жителей царства ей мешал Кощей, который ехал так близко, что змеи заползали под камни, стриги и моховики не высывались из-за кустов, а уж нечисть, которую Василиса никогда раньше не видывала, и сейчас на глаза не показывалась. Но Василиса этому была даже рада. Мороз шел по коже от одной мысли оказаться здесь одной.

Наконец Бурушка остановился на полянке и принялся щипать траву. С легким стоном Василиса соскользнула с его спины и рухнула прямо в дурманящие цветы, откуда во все стороны прыснули лягушата и анчутки. Развела Василиса руками точно крыльями, в небо синее гляючи, и хорошо ей стало, будто и не болела у нее каждая косточка.

Подъехал Кощей, с коня спустился, рядом прилег и тоже в небо уставился. Только не лежалось ему долго – заворочался, на бок повернулся, на локте привстал.

– Так, что ли, люди простые время проводят? – спросил Кощей, ей в глаза заглядывая.

– Так, – согласилась Василиса. Она бы и рада дальше в небо смотреть и редких птиц в нем выглядывать, да только взор нет-нет, а устремлялся на Кощея, что рядом в траве-мураве развалился, смотрит не отрываясь, и поди пойми, что ему нужно!

– Ты пытаешься быть простым человеком, – навий царь поджал губы и недовольно качнул головой. – Прячешь себя настоящую внутри, стоит ей выглянуть, как ты сбегашь. Тяжело так колдунье жить: дар изнутри жрать начнет, постареешь до срока.

Нахмурилась Василиса, вспомнив, какими колдуньями и ведьмами детишек в деревне пугали – страшными и старыми. Неужто тоже дар не приняли вовремя? А Кощей продолжил вкрадчиво искушать, слова плести:

– Покажи свою силу колдовскую, отпусти ее на свободу, как конька отпустила. Полетит-побежит сила конем застоявшимся, а потом совсем ручной сделается, всегда рядом с тобой будет.

Василиса глянула на Бурушку, что грыз острыми зубами что-то, совсем на траву не похожее, на его славную словно бархатную морду, сейчас забрызганную чем-то бурым, и вздохнула. На ноги поднялась, руки расставила.

Кощей в то же мгновение на ногах оказался, за спиной встал, на ухо зашептал сладко:

– Разозлись, душа моя, разозлись, сердце леса. На себя за кротость, на меня за нрав змеиный, на отца за слепоту, на мачеху за злобу ее! Ну же, пробуди пламя темное, пусть течет оно по венам!

А сам исчез. Не было больше за спиной никого. И на полянке, что со всех сторон подпиралась могучими темными елями, никого не было. Ни Кощея, ни Бурушки, ни костяного коня.

И только шепот Кощея еще скользил над Василисой, обещая золотые горы и вечную молодость, если она сумеет как следует разозлиться.

Глава 20

И вот теперь Василиса и впрямь разозлилась. Кончики пальцев ее разгорячились, того и гляди начнет молниями кидаться! Сгустилась над ней в небе седая туча, огромная и неповоротливая, готовая излиться потоками холодной воды.

Вдалеке гроыхнул гром, потом ближе, еще ближе! Василиса уже и думать забыла о Кощее. Растопырила пальцы, накрывая тьмой притихший лес. Не поляна и густая чаща стояли перед ее глазами – она словно неслась птицей над деревьями и селами.

Затрещала искрами ее коса, расплелась и поднялась облаком, завилась вихрем. От сверкающих молний, что скользили по ее телу, порвались рубаха и платье, но озябнуть Василиса не успела. С болота налетел разный гнус, мухи и комары из чащи, но не стали жалить Василису, а облепили ее точно платье, чтобы не стояла она голой и босой.

А Василиса и не вздрогнула даже, словно не видела, как шевелится ее новое платье, подол его ноги облепляет, ворот изумрудами зеленых мух-падальниц расцвечен. Не холодно было Василисе и не страшно, хоть поливал поляну дождь, оглушал гром и молнии били совсем рядом.

Буря ломала деревья, крушила дома и частоколы ближайших деревень. Улетели прочь те птицы, что еще жили в чаще, убежали звери, попряталась нечисть, оцепенели лешие, деревьями прикинулись, стояли и шевельнуться боялись.

А буря летела дальше, и Василиса вместе с ней, хоть сама и оставалась на месте. Она слышала, как ликующе хохотал Кощей, кажется, он снова обнимал ее, невзирая на гнус, яростно терзал поцелуями губы, но сама Василиса была далеко не здесь.

Она летела над деревьями, незримо вместе с бурей заглядывая в окна. Пугались детишки, видевшие зеленые глаза и нахмуренные брови, утешали их родители, будто это просто буря и не было вовсе никаких глаз. А Василиса неслась дальше. Кощей хотел, чтобы она разозлилась? Что же, у нее это вышло прекрасно!

Первой Василиса нашла ту самую ведьму, что сварила особый отвар, способный убить другую ведьму. Тот самый отвар, что свел в могилу матушку Василисы.

Ведьма что-то чуяла. Она пряталась на полатах, лежала под одеялом ни жива ни мертва и вздрагивала от каждого стука в окно. Обереги висели на окнах и дверях, кровью окропила ведьма порог и подоконник, накрепко закрыла выюшки в печи, рискуя угореть в собственной избе. Но ведьма против колдуньи в своем праве не могла поделать ничего.

Хлопнула Василиса дверью, ворвалась в жилище с бурей. Смотрела ведьма одним лишь глазочком и понять не могла: то ли буря шалит, то ли девица посреди комнаты стоит, глазами зелеными сверкает.

«Ведьма», – прогудела буря.

«Ведьма, – прошептала Василиса. – Коли взялась ты другую ведьму изводить, да застила тебе жадность глаза, да рука поднялась, то пришло время и ответ держать. Не поднять тебе больше рук, не смотреть тебе больше на людей!»

Дико завизжала ведьма, молить собралась о снисхождении, но было поздно: отсохли ее руки, закрылись глаза. Кубарем скатилась она с полатей и встать с непривычки не могла, только и тыкалась в углы. А Василиса дальше полетела с бурей.

Точно безжалостная буря, она рвала и метала. Слепла и ее тетка, что не видела, как обижают осиротевшую девочку мачеха и сестрицы. Оглох бы и батюшка, не знай Василиса про его беду, но вместо того закрутила его буря так, что в голове его все закружилось, и отвар ведьминский окончательно покинул его тело.

Буря летела так, словно не было никаких границ для ее сил. Молнией убило в тот день женщину, падчерице которой пришлось позапрошлой зимой всю ночь продержаться в лесу и едва не замерзнуть насмерть. Окосели, оглохли, ополоумели люди по всему людскому царству, а у Василисы словно сил только прибавилось.

Буря сносила целые дома и валила деревья, без промаха била молния, ни разу не попадая просто в землю. Хохотала Василиса, наконец понимая Кощея. Ведьминская дочь – вот как говорили о ней соседи, и никакая кротость и трудолюбие не помогли Василисе. Даже

кривой Некрас и хромой Ждан не торопились засылать к ней сватов, боясь сплетней, что распускали люди.

Что же, теперь некому было так говорить: каждый, кто хоть слово плохое думал про Василису или ее матушку, тотчас немел языком, начинал трясти головой, словно поселился в ней рой пчел, а коли не понимал, за что наказание, то навсегда таким и оставался. А кривой Некрас теперь вдобавок охромел, хромой Ждан окосел. Пусть и дальше невест ищут, Василисе больше не жалко!

Обернулась буря вокруг своей оси, глазами зелеными царство окинула и на Навь обратно взгляд перевела. Может, и тут порядок навести?..

– Охолонись, сердце мое, – ухватил ее за руки горячие Кощей Бессмертный. – Чай они у меня тут и без того мертвые – не надо их боле прежнего пытаться.

Василиса замерла. Затихла буря.

Думала она, что в ужас придет от того, что натворила, но нет в ней больше ужаса. Покой один.

А Кощей стоял перед ней, за руки держал и словно налюбоваться не мог. Ближко-ближко стоял, не глядел даже, что прикрывают Василису только рой мушиный да обрывки платья старого.

– Хороша, – пробормотал Кощей, наклоняясь к ее приоткрытым губам. – Умна и справедлива, сердце мое. Только почто главных своих губителей обошла, Милицу-то с Властой оставила?

«Не твое дело это, Кощей Бессмертный!» – хотела рывкнуть черная буря.

«Сама накажу, своими глазами увидеть хочу», – могла бы ответить Василиса. Но вместо этого шагнула еще немного, так, что всем телом прильнула к Кощей, губами его губ почти касаясь, глаза в глаза так близко, что немного больно смотреть стало, и тихо шепнула:

– Я ведь выполнила все службы?

Смешался Кощей Бессмертный, свел ее ладони перед собой, в глаза заглянул и начал:

– Да, но я...

Договорить он не успел, замолчал лишь на мгновение, как Василиса продолжила:

– Значит, ты меня отпустишь?

Кощей моргнул. Лицо его словно оледенело и сильнее пошло трещинами.

– Что? – спросил он очень тихо, и, коли не стояли бы они так близко, что и волосу между ними не проскользнуть, не расслышала бы его Василиса. Но и это тотчас изменилось. Отпустил ее ладони Кощей, шагнул назад и только смотрел все так же, пока разочарование не покрыло коркой льда его глаза.

– Я сослужила три службы, Кощей, – слова давались Василисе с трудом, словно буря в ней еще не готова была утихнуть, рвалась и гудела на своем разрушающем все языке. – За них ты обещал дать мне навий огонь для моего дома и отпустить с миром. Отпускаешь?

Кощей выглядел так, словно сейчас не только кожа на лице, но все его тело растрескается и развалится крошечными кусочками. Он потемнел весь и будто стал выше, а потом плотно сжал веки и вновь стал прежним. Только сделал еще один шаг назад и холодно произнес:

– Отпусти, Василиса. Я свое слово держу.

Василиса облизала губы и сглотнула сухой ком. Волшебство момента пропало, и она почувствовала разом все: как запутались ее волосы, что расплелись из косы и теперь мокрыми от дождя плетями облепляли ее тело; как холодно стоять ногами в траве и противно от насекомых на теле, но и согнать их тоже было боязно, ведь от рубахи и платья почти ничего не осталось; как мерзко моросит дождь, что остался даже после того, как буря ушла.

Она обняла себя руками, зубы ее мелко застучали от холода, но попросить помощи у Кощея Василиса не смела: слишком далеким и чужим он теперь казался.

Кощей же повернулся к ней спиной и щелкнул пальцами. Тотчас весь гнус с легким шорохом осыпался наземь, а перед Василисой очутилось новое платье. Точь-в-точь как прежнее, и рубаха такая же.

Василиса поспешила одеться и огляделась, пока пальцы машинально заплетали косу. Потихоньку повыползали из оврагов и кустов живущие в чаще Навьего царства твари, зашуршали отмершие лешие, завывали волкодлаки. И пусть Василиса их не боялась, она чувствовала свою бурю кончиками пальцев, мертвые языки жили в ее груди, живые слова готовы были выпрыгнуть изо рта. Могущественная колдунья, она все же поспешила взобраться на Бурушку и направить

его следом за Кощеем, который теперь ехал впереди на своем костяном коне.

Лишь одного опасалась Василиса, что унесется вскачь Кощей, улетит вихрем, и ей придется надеяться, что Бурушка сумеет вернуть ее на Кощеев двор без хозяина.

Но Кощей ехал медленно, его конь словно едва волочил ноги, и Бурушка быстро нагнал его так, что Василиса теперь могла говорить с Кощеем.

– Кощей, – окликнула Василиса его негромко, – али я обидела тебя?

– Нет, Василиса, – Кощей ответил, когда Василиса уж перестала надеяться, что он и вовсе ее услышал. – Забудь. Пустое.

И так и сяк Василиса крутила его слова, никак не могла понять, что же произошло. Разве он сам не просил ее разозлиться на мачеху и сестрицу сводную? Разве не он хотел, чтобы она никого не оставила безнаказанным?

Но снова заговорить она не смела, просто смотрела на спину Кощея, его корону и ждала, когда он обернется и сам заговорит.

Вот уже стемнело, и впереди засияли огни черепов на частоколе вокруг двора Кощея, а он все молчал, зато Василиса спохватилась. Не могла она товарища оставить у Кощея и с собой в деревню не взять, только отдаст ли его Кощей, ставший вдруг чужим и холодным?

– Кощей, – позвала она.

Он обернулся так резко, что Василиса вздрогнула. Мелькнула в его глазах надежда и погасла потушенной лучиной.

– Я просила только огонь навий, я помню, – язык у Василисы заплетался, слова словно нарочно сбивались кучками и пропадали, не желая выскальзывать изо рта, что за наказание! – Но... не мог бы ты... еще...

Она совсем смешалась, заалелась, смущаясь своей просьбы.

Кощей спрыгнул с коня, хлопнул его по крупу – рассыпался конь костями. Подошел Кощей к Бурушке, руку Василисе подал. Спрыгнула Василиса, да неловко так, что снова в объятиях Кощея оказалась. Только руки у него не горячие, и вновь острые ногти в стан девичий больно впиваются.

– Что хочешь еще забрать с собой, Василиса? – глухо мертвым голосом спросил Кощей. – Бурушку я тебе подарил, он и так с тобой

останется. Злата и серебра? Каменьев самоцветных? Кольцо?..

Нахмурилась Василиса. Уж мог и заметить Кощей, что не волнуют ее камни самоцветные, золото и серебро не тянут, бус тяжелых да колец она и вовсе не носит.

– Не злато и не серебро, Кощей, – ответила Василиса уверенно. – Прошу я отдать мне череп с твоего частокола, что на лавке в хоромаш твоих лежит. Живым он был первым мужем моей мачехи, а голову ты ему срубил за то, что он за дочерями пришел, когда они дома прятались.

Снова помрачнел Кощей.

– Помню такого, – ответил он, открывая ворота и входя во двор. – Забирай, раз уж так тебе желается. От одного сердце, от другого голову...

Василиса только плечами пожала и завела Бурушку во двор. В конюшню он не пошел, упираться начал, а Василисе того и не надо. Она сама в конюшню нырнула, нашла седло помягче да уздечку покрепче, пока грызло подбирала, чтобы Бурушку не ранить, пока сама конька седлала, уж совсем ночь опустилась на лес. Проскакал черный всадник, и Василиса в дом пошла.

Первым делом Василиса куколку схватила да проверила: она ли, не подменил ли Кощей? И за пазуху сунула. А тут и Найден с лавки глазами вспыхнул особенно ярко.

– Правду ли Кощей сказал, что ты домой возвращаешься? – спросил он непривычно робко.

– Не возвращаюсь, Найден, а огонь навий, много дней назад обещанный, привезу. – Василисины глаза вспыхнули в ответ немногим хуже. – Обещала раз принести огня, так и принесу. Я тоже свое слово держу. И уж они моему огню не порадуются. Затем и тебя беру, Найден.

Вспыхнул глазами Найден, загорелся в них тот самый навий огонь.

– Спасибо так спасибо, Василисушка, – рассмеялся он. – Ох и рад я тебе помочь да своими почти что глазами поглядеть Милице в глаза! Вот удружила, вот чего удумала!

Он вдруг замолчал, и глазницы снова горели лишь едва заметными угольками.

– А Кощею ты про то сказала? – спросил он, пока Василиса разглаживала морщинки на скатерти-самобранке, решив перед дорогой хлеба ломоть с солью крупной попросить да воды немного.

Василиса непонимающе посмотрела на череп.

– Разумеется, сказала, – она вздохнула. – Он и сам меня подгоняет, шепчет, что негоже оставлять за спиной зло людское: оно на мне повиснет, к земле тянуть будет. Добро людское тоже Кощей велит не прощать – обязательно отвечать на него хотя бы златом и серебром, да только добра я покуда и не видела, кроме как от матушки.

– Знаю-знаю, – нетерпеливо прервал ее Найден. – Вернуться когда собираешься? К Кощею. Ведь собираешься?

Василиса даже жевать перестала.

– Да откуда я знаю, сколько времени уйдет? – попыталась растолковать она. – Я сюда на один денечек выбиралась – за огнем и сразу обратно! А вышло что? Скоро деревья облетать начнут. Как обещать, чего не знаешь?

Тяжело вздохнул череп.

– Ты на вопрос-то ответь, – только и попросил. – Вернуться ты собираешься?

Не успела Василиса ответить, как из-за пазухи тоненький голосок куколки послышался:

– Найден хочет спросить, знает ли Кощей, что ты воротиться собираешься, Василисушка? Али думает, что навсегда ты уезжаешь?

Василиса даже рот от изумления открыла. Только ответить собралась, как призадумалась. А как призадумалась, так глаза ее слезами наполнились.

– Это что же, он решил, что я навсегда уйду, и даже не подумал меня остановить? – дрожащим голосом спросила она. Ей захотелось кричать и ногами топать, да так, чтобы снова скрывшийся в своей башенке Кощей непременно услышал. – Это значит, что не нужна я ему совсем и мне лишь казалось, будто искра между нами проскользнула...

Если бы у Найдена были руки, он бы непременно ими всплеснул.

– Василиса Премудрая! – прокрипел он. – Да между вами не искра, а пожар лесной, да такой, что все звери и нечисть в чащу попрятались, чтобы не сгореть ненароком. Только неужто Кощей тебя

неволить должен был, чтобы ты в его чувства поверила? Разве не тебе он про кольцо говорил?

– Он предлагал забрать любые камни самоцветные и золото. – Слезы катились по щекам Василисы, которая оплакивала все, что не сказано, да все, что не сделано. Уж ей самой теперь гордость вернуться не позволит, раз отпустил ее Кощей на все четыре стороны!

– И что-то там было про бусы да кольцо, – она вытерла лицо ладонью. – Ой! Только про кольцо! Разве ж это то же, что и сватов заслать?

– Да куда навий царь сватов засылать будет, когда мы с тобой дом дотла сожжем?! – рявкнул Найден. – И кого? Волкодлаков или упырей? Ой, не хочешь ты замуж, Василиса, трем царевичам отказала да двум царям. Ведьма и есть!

– Колдунья она, – поправила его куколка и тихонечко вздохнула. – Может, объяснишься с Кощеем, Василисушка? В ножки бросишься, мол, не ведала, что говорила?

– Ну уж нет, – разозлилась Василиса. – Раз уж он меня отпустил, так тому и быть. Захочет обратно позвать – упрямитесь не стану. Конь его быстрый – враз до края земли, не то что до любого места нашего царства донесет.

– Ведьма, – вздохнула куколка. – Матушка ее такой же была, батюшка трижды сватов засылал.

– Только и бегает друг за другом, – проворчал себе под нос Найден. – А хоромы без хозяйки веками стоят и скрипят.

Сердце у Василисы сладко заныло при слове «хозяйка», но она не позволила себе раз мечтаться. Кощей Бессмертный сколько на свете живет? А девиц разных видал видимо-невидимо, если уж ее выбрал, то пусть так и скажет!

А то она вернется, а Кощей и думать о ней позабыл: светелки царевнами да богатырками забиты! Нет уж, сначала она плотно закроет дверь в старую жизнь, а потом уж подумает, что делать. А там чай и Кощей до чего додумается.

И Василиса с тяжелым сердцем начала собираться, прислушиваясь к каждому шороху. А ну как Кощей не выдержит и спустится?

Но в хоромах было тихо. Только еле слышно поскрипывали кости, да ворчал себе под нос Найден.

Кощей словно вовсе исчез из собственного дома. Или умер. И Василиса собиралась все медленнее, хоть надежда и таяла с каждой минутой.

Глава 21

Найден дожидаться не мог выхода из темной чащи, туда, к людям, где он жил, когда еще был живым человеком.

– Долго еще собираться будешь, красна девица? – скрипел он недовольным голосом. – А ну как потухнут огоньки в глазах.

– Навий огонь так просто не тухнет, – усмехнулась Василиса и прислушалась, не спустится ли Кощей? Нет, не спускался. Крепко обиделся.

Василиса помрачнела, но собираться не перестала. А собиралась она с умом – искала платье точь-в-точь такое, в каком к Кощею уходила.

– Да возьми ты золотом расшитое платье, может, Милица от злости лопнет! – нетерпеливо покрикивал на нее Найден.

Но Василиса не желала. Что ей от зависти мачехи, тепло иль холодно? А вот наряжаться, будто она рада покидать Кощея, да еще с подарками, ей не хотелось. Хватит и того, что валенки на сундуке нашлись, – и вспомнила Василиса, как в первый день такие попросила у Кощея. Ну точно гонит!

За проведенные в Навьем царстве дни Василиса стала суеверной и радоваться предстоящему делу не собиралась. Не собиралась она и Кощея предупреждать. Коли решил попрощаться с ней навсегда и больше не видеть, не ей его неволить. Василиса чувствовала, что темное колдовство, что пронизало ее сердце и протянулось к кончикам пальцев, не позволит ей спокойно жить в родной деревне. Рано или поздно кто-нибудь заметит, донесет царю, что и без того на нее обиду мог затаить, или же сами соседи решат с ней разобраться.

Дышать снова стало тяжело, и Василиса замерла, переживая болезненную вспышку ярости. Никто не заметил, как сгорала ее матушка, никто ни слова не сказал, когда она зимой одна таскала воду, даже ночью приглядывала за скотом и до сносу носила старенькое платье. Разве окликнул ее кто, когда она в мороз ходила за хворостом в чащу?

Нет, даже родная тетка не предлагала Василисе разделить снесь за столом, да и когда та работала рядом в поле – тоже. За что Василиса и

наказала их, но на сердце было беспокойно. Вот случись что дурное, и соседи увидят, прознают и проклянут, изгонят прочь из отчего дома, да и батюшке придется несладко. Василиса вздохнула. Если не позовет ее обратно Кощей, найдет ли она того, кто поймет ее темное сердце, ее ярость и ее ненависть, или она будет одинока и оттого состарится до срока и будет выходить на перекресток, сторбленная и покрытая струпьями, чтобы пугать гадающих девиц и проезжающих царевичей?

Этого Василисе не хотелось, но знала одно – вернуться она должна сама и принести навий огонь, за которым ее посылали. И знала она, что стоит только попросить – и одним щелчком пальцев Кощей уничтожит не только мачеху с Властой, но и всю деревню, будто и не было никакой деревни на краю мрачной чащи! Но просить этого Василиса и не желала, вот и тянула время, выбирая платье.

Наконец она нашла его. Свежее, будто новое, ткань не вытертая после нескольких дюжин стирок и не шитая-перешитая, но вот Василиса завернула подол и улыбнулась: даже вышитые обережные знаки были на месте. Слезы навернулись на глаза, когда она увидела этот узор: ровный в самом начале – матушка шила, кривули дальше – Василиса только училась тянуть правильно нить, и снова ровный узор – научилась. А что платье вернулось в свое прошлое, то тут Василиса не удивилась: навий царь и не такое умел.

Больше тянуть было нельзя. Василиса надела платье, обвязалась маминым платком, за пазуху возвращенную куколку посадила, переплела косу, валенки на сундуке оставила: не до них ей теперь.

– Долго еще? – снова заворчал истомившийся Найден.

– Сейчас, сейчас, – Василиса вздохнула и снова прислушалась. Нет. Тишина. Не спускается Кощей, не собирается поцеловать на прощание и не просит остаться.

Что же, знать, так тому и быть.

И Василиса, подняв череп и взяв котомку с хлебом и водой на случай долгой дороги, вышла во двор. Ее пегий невысокий конек уж недовольно фыркал и бил копытом, видно, не меньше Найдена ждал возможности снова двинуться в путь.

Но Василиса смотрела не на конька, а за ворота. Там ее дожидался всадник. Черный плащ, черный конь.

Василиса взлетела на коня легко, словно птица. Она и птицей могла бы долететь до старого отчего дома, но вернуться хотелось

именно так, чтобы увидеть, пошлет ли с ней кого Кощей, чтобы взять с собой Найдена. Что же, она увидела.

Гнать конька было не нужно: лишь коснулась Василиса свободной рукой его шеи, как тот тонко заржал и понесся в лес. Мимо ворот, мимо всадника, мимо деревьев. Будто не тропка путанная перед ним, а дорога прямая как стрела. Только и черный всадник поскакал следом, отставая разве что на полшага!

— И почто только Кощей обидела? — забормотал Найден, вспыхивая угольками в глазах. — Он же полюбил тебя, хоть и нельзя ему сердце снова разбивать.

— Не обижала я его, — Василиса кинула взгляд назад, искоса глянув на всадника, что не приближался, но и не отставал — лунный свет серебрил его белеющий в темноте череп. — Если бы он спросил, я бы сказала, что буду рада вернуться. Но он не спросил.

— Не спросил, — передразнил ее противным голосом Найден. — Он царь! Он скажет, и все трепещут и выполняют! Хочешь, чтобы он думал, будто угрозами и уговорами тебя сумел удержать? Таких у него и без тебя сотни в тереме томилось!

— Но... — Василиса прикусила губу и бросила еще один взгляд на всадника, что молчаливо летел на бесшумном коне следом за ними. — Я не это имела в виду. Ты прав. Он царь. А я... не царевна, не богатырка, даже колдунья пока не слишком хорошая. Попросилась бы я остаться, он бы и оставил из жалости. Вон у него светелок сколько, всем царевнам и крестьянкам хватит, да и мне останется!

— Не Иван дурак был, ох, не Иван, — пробурчал себе под нос Найден и замолк.

Лес потихоньку светлел, стали появляться и поляны, на которых стояли стога. Чудно! Василиса так долго брела к Кощей, а обратно долетела вмиг. Даже не успела как следует все обдумать.

— Так и бывает, — прервал молчание Найден, словно подслушав ее мысли. — С горки чай катиться легче, чем на нее карабкаться. Не трусь, Василиса, образуется все. Не до смерти Кощей обиделся, раз слугу своего верного приставил за тобой присмотреть.

Снова обернулась Василиса глянуть на молчаливого спутника. Слугу верного? Ну-ну. Плащ черный с подбоем звезд ярких Ночи принадлежал, все верно, как и конь черный, точно тьма. Да только

Василиса хорошо помнила, что Ночь на плечах носил черный череп, а у всадника, что скакал за ними, был белый.

Вслух Василиса ничего говорить не стала, но в груди потеплело. Не оставил. Не бросил одну, хоть и открываться раньше времени и не желал. Может, не доверял, а может, и за нее боялся, но Василисе все одно теплее стало, чем от платка матушкиного пухового. Она не одна с Найденем. За ее спиной словно раскрылись крылья.

Почувствовал это и конь, заржал весело и понесся через деревню прямо к единственному темному двору.

Сердце Василисы затрепетало. Почему темно, будто вымер двор? А ну как уехали мачеха с Властой обратно в свою деревню, бросили остывший дом и батюшку? Василисы не было много дней, и она ничуть не думала, будто именно навий огонь нужен их дому.

«Навий огонь сжигает только живое, — вспомнила она слова Найдена, — а оттого в людском доме держать его невыносимо: дрова он не жрет, проклятый! Так что ты за порог, а Милица к кузнецу за обычным огнем сама побежит или дочерей пошлет. Не ждать же им тебя от Кощея. Чай, послали за тем, чтоб сгинула».

Но вот перед ней двор и ни одного огонька. Не топится печь, не идет дым из трубы, не горит лучина.

Василиса спешила и погладила по шее конька. А потом присмотрелась и увидела, как приоткрылась дверь да шевельнулась ставня — не домовому же любопытно стало, чай Милица его в первый день в овин изгнала! Значит, дома мачеха и Власта, только вот встречать не выходят.

— Ну да мы и не спесивы, — пробормотала Василиса себе под нос и крепче перехватила череп. — Ну что, Найден, готов?

— Готов, — хрипло ответил тот и сверкнул огнем. — Пойдем, Василисушка, принесем огонька.

И они вошли во двор. Всадник остался у ворот, безмолвный и грозный.

Едва Василиса толкнула дверь, как ее за руку схватила Милица и втащила внутрь.

— Ну наконец-то! — Мачеха широко улыбалась, но глаза ее горели злобным пламенем, а от ее пальцев на руке Василисы могли остаться синяки. — Вернулась, Василисушка, а уж как мы заждались!

– Заждались? – Василиса улыбнулась, даже не поморщившись, хоть руке и было больно. – Далеко Кощей живет, уж не обессудьте!

– Да ты и сама не торопилась! – воскликнула Власта с лавки. Она все так же куталась в стеганое одеяло и все равно мерзла. Василиса покачала головой. Избу всю выстудили похожие на осенние ветра и дожди с пролетевшей бурей. Ей и самой было не по себе и зябко. – Небось ела и пила там горячее, на печке грелась и домой не торопилась, пока Кощей сам не выгнал?

– Службы Кощею сослужила и огонь получила, – ровно ответила Василиса, наконец выдирая кисть из железной хватки мачехи и выходя в центр избы. Теперь она видела в темноте точно кошка, и от ее глаза не спряталось ничего: ни собранных сундуков с матушкиным и батюшкиным добром, ни сора и грязи, которую не отчищала пропавшая Василиса, а мачеха и ее дочери не собирались даже братья. – Могли у соседей огня пока взять или у кузнеца.

– Да мы сразу и взяли! – выкрикнула Власта. Мачеха на нее цыкнула, да поздно, а Власта все больше расходилась. – Только тебя спровадили, как матушка к кузнецу побежала, но ты, ведьма проклятая, чего-то наворожила! Матушка огонь принесла, а он и потух сразу! Из-за тебя это!

Василиса только бровь подняла удивленно.

– И в вашей беде я виновата? – спросила она, крепче прижимая к себе череп Найдена и надеясь, что тот не подаст голоса раньше времени и не дрогнет, когда дело дойдет до развязки.

– А кто еще? – Власта вскочила, так и не оставив одеяло, которое только сползло с головы. Тут Василиса и увидела, какие грязные у нее волосы и руки, какое осунувшееся лицо. – Мы и у других соседей огонь просили, и на полене носили, и в горшке, а тух каждый раз, стоило во двор войти! Есть приходилось точно нищенкам или сухое и сырое, или же у соседей побираться. Только испечешь у соседей на их печи, принесешь в дом – оно сыро делается!

– Власта! – прикрикнула на нее Милица. – Разве ж Василисушка в этом виновата? Небось какой колдун чаровал – вот и Белолика пропала. Не встречала ты ее в лесу?

– В лесу не встречала, – отозвалась Василиса, с трудом сдерживая дрожь. – А зачем Белолика направилась в лес, неужто меня искать?

Глаза у мачехи забежали, заюлила она, пытаясь ответ придумать, но снова вмешалась Власта.

– Скажешь тоже, тебя искать, много чести оборванке-сиротке, чтоб за ней по лесу бегать, – злобно плюнула она. – Да только в лес через нашу деревню царевич ехал. С кем поговорит, кто воды ему поднесет, к нашему двору близко-близко подъехал, да пока мы впотьмах платья искали да бусы наматывали, он дальше поскакал, решил, видно, что никто в нашем темном доме не живет.

– Власта-то сразу плакать села, – медовым голосом продолжила Милица, дергая дочь за руку так, что та зашипела от боли. – А Белолика не такова. Она решила, что нагонит царевича, отговорит по лесам скакать. Не ровен час, к Кощею попадет, а он гостей незваных не терпит, враз головы рубит! А Белолика его бы квасом напоила да из леса вывела...

– Того кваса, каким ты батюшку моего поишь? – прервала ее Василиса. – Чтоб и царевич голову потерял да в пасть ненасытную сам спустился?

– Что ты говоришь такое? – всплеснула руками мачеха. – Напраслину на сестру с матушкой возводишь! Мы ж тебе как родные сделались, а ты и дом так заморозила, что будь на дворе холоднее, насмерть бы замерзли, и сейчас зазря дурное говоришь!

– Ну-ну, а отправили меня за навьим огнем вы из доброты, – усмехнулась Василиса. – Или чтоб я судьбу и любовь свою в лесу нашла? Матушка, ты же знаешь, как любят царевичи по чащам шастать да невест там себе искать!

– А я говорила, матушка, на болото ее надо было отправлять, чтоб у блудячих огоньков жара просила или утопла наконец! – снова не сдержалась Власта. – Признавайся, проклятая, нашла жениха там, нашла?

Василисе же глаза Кощеевы вспомнились. Бледно-голубые, холодные и такие родные. И губы его вспомнились – жаркие, что одним прикосновением похлеще огня грели и заставляли сгорать. Только он там остался, за воротами, да и ехал молча, ни слова не сказал, обратно не звал.

Как хотела Василиса, чтобы сейчас Кощей в избу вошел, обнял ее за плечи, прижал к себе и сам все закончил. И знала Василиса, что выгляни она на крыльцо да кликни – так и будет. Ворвется Кощей

ветром, птицей зловещей, змеем ядовитым, и спрячет Василиса лицо на его груди широкой и не увидит, как сгинут змеищи проклятые, что и сейчас ее сгубить желают. Поэтому и осталась она на месте, что точно знала: Кощей обязательно поспешит на помощь, а ей нужно суметь справиться самой.

– Жениха не жениха, а судьбу свою встретила, – наконец ответила Василиса, и сердце забилося во сто крат громче и сильнее. И еле слышно хмыкнул прикрытый краешком платка Найдено, но промолчал. А Василиса лишь на мгновение смежила веки и представила, как это будет. Она выбежит из дома, Кощей поймает ее у ворот и обнимет так крепко, что не вздохнуть, и поцелует жарко, будто в мрачной чаще или в своих хоромах. Что ему деревенские люди? Он царь.

«Ты судьба моя», – прошепчет Василиса и в ответ услышит:

«Ты царица моя».

Василиса резко открыла глаза. Нет, воображать встречу рано. Да и какая из нее царица? Смех один!

– Размечталась, ты глянь, матушка! – рассвирепела Власта, того гляди как собака злая кинется! – Небось провалялась с царевичем на перинах мягких все эти дни, пока мы за корку хлеба дрались.

Вот тут и мачеха не выдержала.

– Какой ей царевич, дурная! – злобно клацнула она зубами. – Если и провалялась она, то на мху каком в буреломе с лешими да кикиморами! Она даже огонь добывала вон сколько, какой ей царевич! Где огонь, Василиса? Сил больше нет ждать!

– Ждет не дождется, когда тебя и батюшку сожжет, – еле слышно подала голосок куколка из-за пазухи. – Смотри, Василиса, чтоб не уголочка ей в руки не досталось, а то она пусть ведьма плохая, но раздуть мертвое пламя сил хватит.

Кивнула Василиса. Она и сама не собиралась угольки мачехе давать.

– Угольки мой товарищ новый принес, – произнесла она медленно. – Мне он новый, а вам старым покажется, уж не обессудьте.

И наконец вытащила череп так, чтобы его было видно и мачехе, и Власте. Найдено молча вспыхнул глазами, будто он вместо горшка для угольков.

Мачеха, потянувшаяся было к ней, отдернула руки.

– Тьфу ты, пропасть! – выругалась она. – Почто так, неужель у Кощея горшков не было?

– Ты, матушка, не ругайся, а приглядиись к товарищу моему, – Василиса улыбнулась. В глазах ее плясали огоньки, хоть череп и светил не ей. – Не его ли уста сахарные ты целовала и в любви клялась? Не в эти ли глаза лгала, будто дочерей уволок Кощей?

Побледнела мачеха, будто смерть увидала. Да так оно и было, только пока смерть была не ее, а мужа ее первого.

– Найден, – прошептала она, и злость исказила ее лицо. – Зачем ты его притащила? Подох и подох, в лесу много черепов и костей, чай одним больше или меньше, лес не рухнет!

Тут уж и Василиса бы Найдена не удержала, да она и не собиралась.

– Что же ты не рада встрече, женушка? – рассмеялся хрипло череп. – Что побледнела, доченька? Не вы ли меня на смерть отправили, не вы ли радовались, когда сгинул?

– Выкинь! – взвизгнула Власта, забиваясь в угол к печи. – Глупые шутки! Выкинь немедленно за ворота! Ты что притащила?!

– Огонь, – Василиса улыбнулась шире, и в этом хищном оскале блеснули зубы. Клацнул челюстью Найден, глазницы которого разгорались все сильнее. – За чем посылали, то и принесла, сестрица. Навий огонь.

Глава 22

Милица прыгнула вперед так резко, что Василиса едва успела задрать руки с зажатым в них черепом. Одно мгновение, один удар сердца – и уголек бы оказался в ее пальцах.

И снова мачеха клацнула челюстями, словно зверь какой, а по щекам градом полились злые слезы. Мысли в голове Василисы точно пчелиный рой, и поди ухвати хоть одну. Она только и решила, что Кощей бы в собак превратил, да вот сама собак куда больше любила.

– Твари холодные и злобные, – прошептала Василиса, чувствуя, как шевелится за пазухой куколка. – Слезы лживые, шкуры толстые. Ждите, согрею я вас сейчас, мало не покажется!

И тотчас с легким хлопком, словно ладонью кто по ставне оконной шлепнул, обратились Милица и Власта диковинными животными, нигде Василисой не виданными. Сами большие и неповоротливые, пасть ровно как у Змея Горыныча, хвост драконий, а тело широкое да приземистое, на коротких, точно обрубленных, лапах. И только глаза остались прежними – злыми и залитыми слезами.

Бросились обе зверюги к Василисе, челюстями огромными клацая, того гляди зубами кривыми ноги придавят.

Не успели. Из глазниц Найдена ударил ослепительно белый свет, сменившийся жарким синим огнем, что охватил всю избу, только Василису одну и не тронул.

Взлетел огонь до самой крыши, лизал печь, забирался на полати, сползал в подпол. В этом огне горели две холоднокровные твари, разом позабывшие про Василису. Они и сбежать за дверь вздумали, но навий огонь коварен: только коснулся – и пожирает без остатка. Василиса и глазом моргнуть не успела, а от мачехи и Власты осталось лишь по горсточке пепла. А стоило Василисе рукой махнуть, как Марья Моревна учила, и огонь затих. Ничего в доме не было больше тронуто, даже копоты не осталось.

Найден притушил глаза.

Они оба молчали. Василиса не могла произнести ни слова. С плеч словно свалилась огромная гора, что придавливала ее к земле, и эта же гора мешала открыться источнику слез. И заговорить Василиса

боялась первой, а ну как расплачется? И Найдено молчал. Василиса боялась, что он еще не понял, что сам убил жену и дочь, и как он, бедолага, дальше *не жить* с этим будет?

Вдруг она услышала хриплый смех.

Смеялся череп.

– Таков навий огонь, сжигает только живое, – произнес он хрипло. – Благодарю, что взяла меня с собой, Василиса, отомстила за меня тоже.

– Благодарю, – пересохшими губами ответила и Василиса. Она много что могла еще сказать про легкость, про крылья, про царевича, которому лучше с кобылицей, чем с Белоликой, про матушку и батюшку, но вместо этого лишь повторила: – Благодарю.

И пусть до этого ей в доме было даже холодно, сейчас стало так жарко, что хотелось поскорее выйти во двор. Что Василиса и сделала. Всадник стоял рядом с конем у ворот.

Увидев Василису, он осторожно коснулся своего костяного лица, и череп раскололся на две неравные части. Василиса просто стояла и ждала. Она знала, что увидит, и ничуть не удивилась, когда Кощей бросил оземь осколки черепа, достал корону и водрузил ее на голову. Его бледно-голубые глаза пытливо вглядывались в лишенное красок лицо Василисы, и наконец он негромко то ли сказал, то ли выдохнул:

– Домой?

– Домой, – с облегчением кивнула Василиса и задрала голову к темному беззвездному небу. Она не будет плакать, но и смеяться от радости тоже не станет.

– Про батюшку не спросишь? Не попросишь показать? Дождаться не захочешь? – Кощей смотрел так, словно не верил своему счастью, и Василисе пришлось оторваться от темного неба. Она оглянулась на пустой дом, потом посмотрела на череп в своих руках.

– Я сама ему весточку передам, – усмехнулась она своей мысли. – И подарок оставлю.

Василиса погладила череп.

– Ну что, Найдено, останешься с моим батюшкой? Приглядишь, чтобы он больше с ведьмами не связывался – ни с настоящими, ни с поддельными. И огонь ему сохранишь. Только обычный, не навий.

– О! – Найдено снова вспыхнул было потухшими глазами. – С купцом я свет повидаю, поговорить будет с кем, а уж ведьм я ни одной

не подпущу, хватит с него! Найду ему женщину работающую да веселую, и чтоб костей не боялась! Оставляй, Василиса! Под приглядом будет, головой клянусь!

И Василиса рассмеялась легко-легко, словно вот-вот взлетит даже без крыльев.

— Ну-ну, — Кощей кашлянул. — Ночь на дворе. А ну как соседи повылезают. Потом батюшка твой пересудов не оберется.

Василиса поспешила в дом, где и оставила Найдена. Крепко-накрепко заставила запомнить, что передать батюшке, да так, чтобы у говорливого черепа от зубов отскакивало, и наконец покинула отчий дом. На этот раз по своей воле и навсегда.

За воротами ее ждал Кощей. Он так и стоял рядом со своим конем, и Василиса затаила дыхание. Став колдуньей, она научилась одним махом взлетать в седло, никакое платье не помеха. Но что, если Кощей это неведомо? Нет-нет, он видел, как она ездит. Но что, если ему до этого нет никакого дела?

Василиса подошла к своему коньку и остановилась. Оглянуться на Кощея или...

Такие родные руки накрыли ее талию, потом скользнули по бедрам, и вот уже ладонь навьего царя у ее босой ноги. Василиса несмело поставила ногу и буквально взвилась в воздух, поддерживаемая Кощеем. Пусть сама она сумела бы быстрее, но теперь надеялась, что так будет всегда. И она сожжет весь мир, который будет против.

— А ты кровожадная, — будто подслушал ее мысли Кощей и поцеловал раскрытую ладонь. — Глаза огнем горят, словно уже кого-то навьем сжигаешь!

Ох, навий огонь... Василиса вздрогнула, но тотчас улыбнулась. Нет, не станет она по этим злобным тварям слезы лить, вот ни капельки!

— Милица и Власта напоследок в каких-то странных тварей превратились, — вспомнила она. — Как большие ящерицы или придавленные горой мелкие драконы. Лапы вот такие, хвост...

Кощей слушал внимательно, про колдовство ему дюже интересно было, а потом даже рот прикрыл рукой, словно боялся упустить улыбку.

– Это как же ты в коркодилов^[1] их превратить сумела, душа моя! Неужто и до ваших земель эти зверюги добирались, али батюшка привозил?

– Не видала раньше таких, потому и рассказываю, – вздохнула Василиса, пытаясь унять бьющееся сердце. Как Кощей на нее смотрел, как назвал!

– Знать, увидишь еще. Негоже красе такой в Навьем царстве веками сохнуть – путешествовать будем, диковины со всего мира смотреть, – решил Кощей. – На конях наших и сто верст – не крюк, а уж Навье царство подождет год-другой.

Василиса не ответила, лишь украдкой улыбнулась. Сердце билось как сумасшедшее от такого простого поцелуя ладони и от слов ласковых, от обещаний сладких. Хотелось скорее вернуться домой. И в то же время хотелось медленно ехать бок о бок с Кошеем по узкой тропке, где и одному пешему пройти сложно, и мечтать, чтобы ночь не кончалась и всадники День и Солнце их не нагнали.

– А как... – только раз нарушила уютное молчание Василиса и замолчала, не в силах пояснить про тропку. Но Кощей понял и так:

– Колдовство, – произнес он, и краешек губы его дрогнул в улыбке. – Мы с тобой сильные темные колдуны. Уж такую мелочь можем себе позволить.

«Как и бесконечно длинную ночь», – хотела добавить Василиса, но ночь все-таки закончилась, хоть и длилась она даже дольше той, что тянул для нее всадник Ночь всего несколько дней назад, а казалось, будто целую вечность.

Они снова оказались на поляне, где возвышались хоромы, окруженные частоколом с черепами. Черепа только-только начинали затухать, их свет сменялся сереньким утренним, но какое дело было до рассвета Василисе, которая смотрела лишь на Кощея?

В его объятия она соскользнула с коня и на его руках пересекла двор.

– Это все-таки был ты, – прошептала Василиса, прижимаясь к плечу и вспоминая, как на чьих-то руках плыла словно на лодке своей памяти. – В тот день. Это ты нес меня на руках, Кощей, не Тень!

И снова дрогнули губы. Так он еще и снова вспомнит, как смеяться!

– Я бы не доверил нести сокровище мое, сердце мое какой-то там Тени, – ответил он и добавил, оглянувшись туда, где по ступенькам стелилась тень. – Уж прости, друг мой, но сердце у меня только одно, и я его никому не доверю.

Василиса коснулась двери, когда переносил ее Кощей через порог. Совсем иначе чувствовался дом теперь, когда она знала, как он строился, как кости одна к одной вставали. И хоромы встретили ее как родную: не скрипел пол, на который поставил ее Кощей, не стучали ставни, углы не пугали обманками паутины и рожами кикимор, потолок не грозил опуститься ниже. И впрямь точно домой вернулась!

– Перестал дом шалить, – одними глазами улыбнулся Кощей. – Почуял хозяйку.

Приобнял Кощей Василису одной рукой, прижал к себе поближе и наклонился низко-низко, так, что она дыхание его на своих губах почувствовала. Василиса уж и глаза прикрыла, поцелуя ожидаючи, как вдруг упало что-то наверху в тереме. Замер Кощей, едва ее губ коснувшись.

Замерла и Василиса. Глаза открыла.

– Это кто? – произнесла она таким голосом, что даже Кощей вздрогнул.

– Ворон, может? – спросил он сам и, глядя в глаза Василисы, тотчас поправился: – Или девица какая. Ты же знаешь, душа моя, девицы по мрачной чаще так и шастают!

Василиса из объятий Кощея вывернулась и наверх побежала.

Картина ей открылась пренеприятнейшая: в тереме и впрямь была девица. Чернявая и востроглазая, худющая как дрын, но уж очень юркая. И вся она с головы до ног обвешалась бусами, кольцами да серьгами, что набрала в открытом сундуке. Увидела Василису, испугалась сначала, а потом подбоченилась и скривилась.

– Я сюда первая пришла, ищи себе другую светелку! – заявила она.

Рассвиrepела Василиса. Пальцами повела, глазами сверкнула – вылетела девица и из украшений, и из сарафана парчового, да в своем платье через окно в сторону леса просвистела. Там где-то девица приземлилась и – Василиса это точно знала! – навсегда забыла дорогу к Кощеевым хоромам.

А Василиса повернулась к шагнувшему в терем Кощею.

– Ворота девиц пропускают, – тотчас открестился от девицы навий царь. – Тропки к моим хоромам выводят. Я тут царь, вот они и идут все ко мне.

– Ходили, – ответила Василиса, сурово сдвинув брови. Не знала она, что в ярости своей до того красива стала, что Кощей так залюбовался, что и слова вымолвить не мог. – Теперь не будут. В твоём доме хозяйка появилась.

Завертелась Василиса на месте на голых пятках, руками взмахнула, коса вокруг шеи змеей свернулась, глаза изумрудами засверкали. Гроыхнул гром, ударила молния, но над двором ни капли не упало, хоромы Кощей стояли сухие, пока за частоколом буря поднималась. Ломала буря деревья, носила их словно веточки. Била молния, выжигая тропки. Бурелом рос, перекрывая все дороги к навьему царю, заноса тропки, закрывая целые поляны. От дождя ручьи помутнели, понесли горы мусора, расширились до мелких речушек. Болото уверенно подползало все ближе, проглатывая тропку за тропкой. И только после этого Василиса успокоилась.

– А с воротами я поговорю, – добавила она, падая в объятия Кощей. – Чай с мертвыми не зря разговаривать умею. Нечего кому попало по Навьему царству бродить да к царю в сокровищницу лазать!

– Ты теперь можешь создавать бурю без ярости и слез? – Кощей обнял ее еще крепче, прижимая к себе, словно боялся, что она вновь создаст себе крылья и тогда лети, догоняй ее! – Непросто придется Нави...

– Пусть привыкают, – буркнула Василиса. – Зато и царевичи, и посторонние девицы дорогу к тебе не найдут. И без них есть чем заняться.

– Это верно, – усмехнулся Кощей и наконец поцеловал. Василисе уж начало казаться, что никогда этого не произойдет! Она ждала и боялась: вдруг теперь, когда царство Нави стало ее домом, волшебство исчезнет?

Но поцелуй был таким же сладким и горячим, как она и запомнила, и остановились они, лишь когда дышать стало нечем.

Василиса спрятала заалевшее лицо на груди Кощей и прислушалась к тому, как бьется его сердце. Теперь, когда она видела его сердце пронзенным и умершим, когда она знала Кощей дольше, биение его сердца волновало ее не меньше нежных слов и поцелуев.

Каркнул ворон и уселся на руку Василисе, потерялся клювом о ее плечо.

– Кха, да, – кашлянул Кощей, отстраняясь. – Куколка при тебе, но у нее нет крыльев и такой силы, так что теперь ворон твой помощник.

«Теперь», – про себя хихикнула Василиса, вспомнив, как они вдвоем оживляли его совсем птенцом, как вороненок пробовал ее кровь. Испробовав ее у Василисы в настоящем, он тотчас вспомнил хозяйку.

– Кррук, – засмеялся и ворон, перебираясь на плечо к хозяйке.

А Василиса вдруг почувствовала смущение. Что же дальше? Она не знала, и рядом не было матушки или тетушки, способных наставить ее.

– Ты хочешь что-то спросить, – Кощей с видимым сожалением отпустил ее из объятий и отошел к открытому сундуку. – Спрашивай, Василиса, без утайки скажу.

Василиса многое могла спросить. Будет ли у них свадьба и «жили долго и счастливо и умерли в один день», если они колдуны, а Кощей и вовсе бессмертный? А может, злодеям с черным сердцем и вовсе не положено любить?

И потому прежде всего прочего Василиса спросила:

– Любишь ли ты меня, Кощей? – И замерла, напуганная своим вопросом.

Кощей замер изваянием, словно статуя какая, и даже ворон на плече Василисы замер.

Василиса уж и прокляла свой язык, что торопился поперед хозяйки. Ну к чему ей знать, любит ли ее Кощей? Будто раньше она замуж по любви собиралась. «Стерпится – слюбится» – так говорили в ее деревне.

Но в глубине души Василиса знала, что колдунье этого мало. Колдунья выбирала или свободу, или любовь, и все остальное было слишком малым и ничтожным, чтобы обращать внимание на это. Про себя Василиса решила, что, коли не понравится ей ответ, ускользнет в окно птицей, улетит за тридевять земель – ищи, Кощей, или забудь навеки.

– Я не знаю, что это, Василиса, – наконец произнес Кощей, и его лицо снова сделалось живым. – Только с момента, как я тебя увидел, сердце мое стало биться иначе. Оно рвалось к тебе, будто с рождения

двигалось лишь для того, чтобы принадлежать тебе. И пусть я не знаю, что такое любовь, но мое сердце, как и сердце самой темной чаши, навсегда будет принадлежать тебе. И тебе решать, что с ним делать – бросить к ногам или...

Он снова замолчал, и вновь Василисе показалось, будто он стал каменным изваянием, показалось, будто одно лишнее слово – и эта безмолвная громада, бессмертный и мрачный навий царь, рассыплется на мелкие осколки.

– Я только слышала про любовь, – призналась в ответ Василиса. – И я не знаю, что чувствую сама... Только вот два сердца – это слишком много для одной колдуньи, Кощей.

Она видела, как побледнел Кощей, как снова заструился дым из трещин на его висках, и поспешила добавить:

– Пока твое сердце будет моим, Кощей, я хочу, чтобы у тебя оставалось мое. И пусть оно не бессмертное и вряд ли переживет, если ты его разобьешь, я хочу, чтобы ты хранил его.

Она замолчала и закрыла глаза, чувствуя, как горят щеки. Понял ли Бессмертный царь, что Василиса призналась в любви? Пусть как умела, но делала она это впервые в жизни!

И хорошо, если ей хватит лет ста, чтобы научиться делать это правильно!

Но, кажется, Кощей понял. Лицо его снова ожило, и улыбка! Василиса видела такую тысячу лет назад!

Даже ворон развел крыльями и счастливо каркнул, едва не оглушив хозяйку.

А Кощей захлопнул сундук, и Василиса наконец увидела, что он держит на ладони. Кольцо.

– Я хотел спросить, Василиса... – начал он, но язык колдуньи снова оказался быстрее.

– Кольцо из сундука, в котором может рыться любая девица, добравшаяся до твоих хором? – возмутилась она. – Нет уж, навий царь! Я выйду за тебя, когда ты найдешь кольцо, которое не надевала до меня ни одна девушка, которое кузнец не ковал!

– Василиса! – ахнул Кощей.

– Кощей! – показала язык Василиса, отрастила крылья и прыгнула в окно. Кощей тотчас сиганул следом и в два взмаха крыльями нагнал ее, чтобы впиться в губы поцелуем.

Василиса запустила руку в длинные волосы Кощея, обвила второй рукой за шею и поцеловала в ответ еще жарче. Их крылья словно вспыхнули на солнце, но этот огонь не сжигал, а согревал бьющиеся в унисон сердца.

И Василиса решила, что про долго и счастливо она подумает потом. Пусть пока будет как есть.

Этой сказке конец, а кто слушал – молодец!

notes

Примечания

Коркодилы, т. е. крокодилы были довольно известны на Руси, есть упоминание о них в Псковской летописи 1582 г.